This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

ANDOVER-HARVARD LIBRARY
AH ƎYIA 6

Harvard Depository
Brittle Book

575.5
Glubokovskii

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

Digitized by Google

575.5

Glubokovskii

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

JAMES WALKER, D.D., LL.D.

(Class of 1814)

FORMER PRESIDENT OF HARVARD COLLEGE

"Preference being given to works in the Intellectual and Moral Sciences"

Deposited in
ANDOVER-HARVARD LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

БЛАГОВѢСТІЕ
ХРИСТІАНСКОЙ СВОБОДЫ
ВЪ ПОСЛАНІИ
СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ГАЛАТАМЪ.

СЖАТЫЙ ОБЗОРЪ АПОСТОЛЬСКАГО ПОСЛАНІЯ

СО СТОРОНЫ ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ, УСЛОВІЙ ПРОИСХОЖДЕНІЯ, ПО СОДЕРЖАНІЮ И ДОГМАТИЧЕСКИ-ИСТОРИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНІЮ

Николая Глубоковскаго,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

Digitized by Google

Digitized by Google

БЛАГОВѢСТІЕ ХРИСТІАНСКОЙ СВОБОДЫ

въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ.

СЖАТЫЙ ОБЗОРЪ АПОСТОЛЬСКАГО ПОСЛАНІЯ

со стороны его первоначальныхъ читателей, условій происхожденія, по содержанію и догматически-историческому значенію

Николая Глубоковскаго,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

И за пришедшую лжебратію, иже прикрадоша соглядати свободы нашеѧ, юже имамы ѿ Хрта Іисѣ, да насъ поработатъ: имже ни къ часу покинухомсѧ къ покоренію, да истина благовѣстіѧ пребудетъ къ васъ... Тѣмже, братіе, нѣсмы рабынина чада, но свободныѧ. Свободою оубо, ею же Христосъ насъ свободи, стойте, и не паки подъ игомъ работы держитесѧ... Вы бо на свободу звани быстѣ, братіе: точію да не свобода ваша въ кину плоти, но любовію работайте другъ другу.

Гал. II, 4. 5. IV, 31. V, 1. 13.

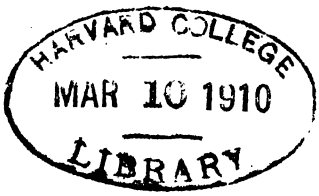
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Лопухина: Телѣжная ул., д. № 5.

1902.

Digitized by Google

III. 12224



Wacker fund

Извлечено изъ журнала „*Странникъ*“ за 1902 г.

Digitized by Google

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ

ИСИДОРА,

покойнаго (1892, IX, 7 въ понедѣльникъ)

МИТРОПОЛИТА

НОВГОРОДСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО И ФИНЛЯНДСКАГО,

первенствующаго члена Св. Синода,

съ благоговѣйною признательностію

и непрестанными молитвами

Авторъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Галатія, основаніе галатійскихъ церквей и обстоятельства происхожденія посланія къ Галатамъ.

§ 1). Исторія Галатіи и ея положеніе въ апостольскую эпоху.

ПРИ историческомъ обозрѣніи посланія св. Апостола Павла къ Галатамъ прежде всего возникаютъ вопросы о мѣстѣ первоначальнаго предназначенія и непосредственныхъ его читателяхъ, а по связи съ этимъ и о ближайшихъ условіяхъ происхожденія даннаго памятника новозавѣтной письменности. Что же извѣстно по этому предмету?

Галатія, находясь въ центрѣ Малой Азіи, получила свое имя отъ осѣвшаго здѣсь пришлаго элемента. Это былъ народъ кельтическаго (γλῆτες, γαλάται, κέλται, κελτοί) или галльскаго племени. И если такой твердый выводъ филологическихъ изысканій оспаривался иногда нѣмецкими богословами въ пользу мысли о германскомъ (тевтонскомъ) происхожденіи Галатовъ, то подобное національное пристрастіе (позднѣе другихъ у Wieseler'a, Philippi, частію у Holsten'a) проникнуто лишь желаніемъ убѣдить, будто къ тевтонамъ прямо обращался со своимъ благовѣстническимъ словомъ самъ великій Апостолъ языковъ. Во всякомъ случаѣ для этой гипотезы нѣтъ достаточныхъ основаній, и ее не подтверждаетъ упоминаніе блаж. Іеронима, будто языкъ Галатійцевъ приближается къ рѣчи треверовъ—жителей мѣстности (въ Gallia Belgica)

Digitized by Google

около Трира (Augusta Treverorum). ибо при впаденіи р. Саары въ Мозель держалось бельгійское племя, а—по свидѣтельскому Іустина [1]—Толистовогіи обитали раньше по берегамъ р. Гаронны, имѣя своею столицей Тулузу [2]. Отсюда кельтскія орды постепенно двигались изъ переполненной Галліи на востокъ, въ 390 г. опустошили Италію и въ III в. до р. Хр. начали пробираться до Греціи. Въ 280 г. тремя громадными арміями онѣ обрушились на Ѳракію, Пэонію и Македонію съ Иллиріей и совершенно разбили слабыя войска молодого царя македенскаго (съ 281-го г.) Птолемея Керавна (сына Птолемея I Сотира, † 283 г., отъ Евридики), который палъ въ сраженіи (въ маѣ 280 г.). Въ 279 г. Бреннъ и Ацихорій съ другими вождями двинулись въ Грецію, но взаимныя смуты вызвали замѣшательства, и Галаты потерпѣли роковыя пораженія въ Этоліи и при Дельфахъ. Тогда остатки этихъ полчищъ повернули къ сѣверу и, соединившись съ бывшими тамъ родичами своими, рѣшили перебраться на азіатскій материкъ, куда часть ихъ подъ начальствомъ Лутарія и переѣхала чрезъ Геллеспонтъ на захваченныхъ македонскихъ корабляхъ. Въ это же время виѳинійскій царь Никомедъ I-й (279—246 гг. до р. Хр.), нуждаясь въ помощи—особенно—для борьбы съ своимъ братомъ Зипетомъ (Ζιποίτης'омъ), заключилъ особый договоръ съ 17-ю кельтскими главами, и подъ предводительствомъ Леоннорія новыя силы переправились черезъ Босфоръ. Все это было въ 278—277 гг. до р. Хр. Пришельцы, исполнивъ свое дѣло, заняли прочное положеніе въ малоазійской странѣ, но продолжали сохранять и обнаруживать свои воинственно-разбойническія наклонности. Это былъ тяжелый бичь для всей Малой Азіи до Тавра,—и онъ являлся тѣмъ грознѣе и страшнѣе, что мелкіе владѣтели при своихъ постоянныхъ раздорахъ неизмѣнно пользовались наемническими услугами Галатійцевъ. Антіохъ I-й, царь сирійскій

---

[1] Римскій историкъ (то M. Justinianus Justinus, то Justinus Frontinus) при Антонинахъ около 160 г. по р. Хр., давшій извлеченіе изъ обширнаго труда Трога Помпея, жившаго при Августѣ.

[2] Вообще, Tolosa было обычнымъ галльскимъ именемъ и сохранилось доселѣ во франц. Тулузѣ (Toulouse) и испан. Толозѣ (Tolosa); поэтому нѣкоторые даже предполагаютъ, что первоначальнымъ названіемъ племени было Tolosa tobogii, но см. на стр. 8,1.

Digitized by Google

(281—261 гг.), оказалъ имъ серьезное сопротивленіе и будто бы именно за эти побѣды получилъ титулъ Сотира (спасителя) [1], однако успѣхъ былъ довольно мимолетный. Важнѣе по своимъ результатамъ была оппозиція царей пергамскихъ, и изъ нихъ Атталъ I-й (241—197 гг.) между 240-мъ и 230 гг. нѣсколько разъ наносилъ кельтамъ жестокіе удары и въ концѣ концовъ заставилъ ихъ ограничиться опредѣленною территоріей (Павзаній [Періергетъ, при Адріанѣ и обоихъ Антонинахъ, писавшій около 174 г. по р. Хр.] I, 8:1; ср. Страбонъ [66 г. до—24 г. по р. Хр.] XIII, 4:2).

Такъ образовалась собственно Галатія изъ владѣній прежней Великой Фригіи, Каппадокіи и даже Пафлагоніи—на возвышенностяхъ внутри Малой Азіи. Это была полоса земли длиною съ юго-запада на сѣверо-востокъ болѣе 300 верстъ (200 англ. миль) и шириною свыше 150 верстъ (100 англ. миль); на востокѣ Галисъ (нынѣ Кизылъ-Ирмакъ), величайшая малоазійская рѣка, а на западѣ издавна судоходный (Страб. XII, 3:7) Сангарій (нынѣ Сакарія), протекая по долинамъ въ Черное Море, раздѣляли ее почти на три равныя части [2]. Это соотвѣтствовало и націоналистической группировкѣ кельтическихъ иноземцевъ. О нихъ сообщается (у Страбона XII, 5:1; 3:1), что—подобно Гельветамъ (Цез. B. G. I, 12)—каждое изъ трехъ племенъ распадалось на четыре тетрархіи съ особымъ тетрархомъ, имѣвшимъ подъ собою судью и военачальника, а связи поддерживались собраніемъ изъ 300 человѣкъ въ Дринеметѣ (Δρυναίμετον) [3], гдѣ чуть ли не исключительно разсматривались

---

[1] Къ этому періоду относятъ (*W. J. Woodhouse*) и извѣстіе 2 Маккав. VIII, 20 «о бывшемъ въ Вавилонѣ сраженіи противъ Галатовъ».

[2] Кромѣ атласовъ—для древней Галатіи хорошія и приспособленныя карты имѣются при книгахъ Prof. *W. M. Ramsay*'я: The Church in the Roman Empire; Historical Commentary on the the Epistle to the Galatians и во второмъ томѣ Encyclopaedia Biblica ed. by the Rev. Prof. T. K. Cheyne and S. J. Black (London 1901); для современнаго положенія см. карту Оттоманской имперіи *H. Kiepert*'а (Berlin, Reimer, 1884), но русская «карта Азіатской Турціи, литографированная въ военно-топографическомъ отдѣлѣ Кавказскаго военнаго округа 1877 г. (Тифлисъ) и исправленная по 1-е ноября 1898 г.», къ сожалѣнію, оказывается слишкомъ мало пригодною для историко-археологическихъ цѣлей.

[3] По *Perrot*, Dryu-neimheidh «храмъ дубовъ» около Ассарлы-кей, въ 7 час. къ югозап. отъ Анкиры, по *Holder*'у же дри—усилительная приставка и неметонъ—святилище.

Digitized by Google

судебныя дѣла. Эта система постепенно исчезала и даже въ періодъ своего господства не подавляла тройственности націоналистическаго дробленія на Трокмовъ, Тектосаговъ и Толистовогіевъ [1]. Первые расположились на востокѣ въ лучшей части (Страб. xv, 5:2) ближе къ Каппадокіи и Понту по р. Галису подлѣ города Тавія (теперь Нефесъ-кей), третьи осѣли на западной окраинѣ около древняго Пессинунта—Пессина (нынѣ Бала-Гиссаръ) и по смежности въ Виѳиніей и Фригіей „пріобрѣтенной“ [2], вторые утвердились посрединѣ между двумя рѣками, и столица ихъ Анкира (теперь Ангора—Энго[у]ри) была митрополіею всей Галатіи [3]. Мѣстность была довольно суровая, но богатая и плодородная, при чемъ ея важность необыкновенно возвышалась тѣмъ, что чрезъ нее проходилъ большой торговый трактъ, который, направляясь изъ Ефеса, велъ чрезъ Пессинунтъ, Анкиру и Птерію (Богазъ-кей, подлѣ Тавія) къ Евфрату; другая болѣе прямая дорога чрезъ южную Фригію и Ликаонію было тогда только еще въ зачаточныхъ формахъ и не годилась для удобнаго пользованія [4].

Все это давало Галатамъ большія выгоды, — только они не хотѣли довольствоваться спокойною жизнію, продолжали вмѣшиваться во всѣ тревожныя малоазійскія дѣла и необходимо привлекали къ себѣ суровое вниманіе римлянъ, которые поспѣшили отомстить имъ за помощь Антіоху III—великому (223—178 гг. до р. Хр.). Послѣ битвы (189 г.) при Магнезіи на Сипилѣ—двинулся въ Галатію римскій консулъ Вульсонъ (Cn. Manlius Vulso), и въ 189 г. до р. Хр.

---

[1] Такъ обычно въ надписяхъ и на монетахъ римскаго періода, а равно у древнѣйшихъ авторитетовъ, но въ раннихъ надписяхъ встрѣчается форма Толистоагіи.

[2] Ἐπίκτητος Φρυγία, т. е. «пріобрѣтенная» часть Фригіи, присоединенная путемъ позднѣйшаго «пріобрѣтенія».

[3] Доселѣ Анкира является виднымъ центромъ округа и служитъ важнымъ пунктомъ Анатолійской желѣзной дороги. Въ городѣ до 25,000 жителей, въ томъ числѣ до 5.000 христіанъ изъ грековъ и армянъ; имѣются пять церквей и одинъ монастырь.

[4] Она раздвоялась у Апамеи, во Фригіи, по двумъ путямъ: одинъ шелъ съ сѣвера Султанъ-Дага чрезъ Лаодикію Катакекавмену (Комбусту, т. е. сожженную), Кесарію каппадокійскую и Коммагену къ Евфрату, другой—къ югу отъ названныхъ горъ чрезъ Антіохію, Иконію и Киликійскія ворота. См. ниже на стр. 27 прим. 2-е.

Digitized by Google

кельты должны были смириться предъ римскими легіонами [1], хотя (по W. M. Ramsay) потомъ (около 160 г.) получили „прибавочную“ территорію (προσειλημμένη [χώρα] Ptol. v, 4:10) изъ Ликаоніи (къ западу отъ озера Татта до Аморія и Лаодикіи) съ Иконіей и 13-ю другими городами. Впрочемъ, римское торжество не сопровождалось порабощеніемъ, и Галатійцы сохранили свою свободу точно бы въ качествѣ римскихъ союзниковъ, какъ это вполнѣ отвѣчало предусмотрительнымъ разсчетамъ римской политики. Теперь Галаты очутились подъ разносторонними вліяніями Понта, Каппадокіи и Пергама, частію вынуждены были около 164 г. подчиниться Аріарату каппадокійскому (220—163 гг. до р. Хр.) и особенно страдали отъ понтійскихъ царей, почему приняли столь живое участіе въ борьбѣ римлянъ съ Митридатомъ в. (VI-мъ Евпаторомъ, 121—64 гг. до р. Хр.), что послѣдній въ 86 г. приказалъ избить всю галатійскую знать, изъ которой спаслись яко бы лишь три тетрарха. По окончаніи этихъ смутъ Помпей призналъ (въ 64 г.) надъ кельтами именно трехъ тетрарховъ—Кастора, вѣроятно, для Тектосаговъ, Брогитара для Трокмовъ и Дейотара для Толистовогіевъ съ присоединеніемъ къ области послѣдняго Малой Арменіи и части Понта. Дейотаръ постепенно оттѣснялъ и устранялъ другихъ соправителей,—и увѣнчаніемъ преступной карьеры предательствъ и убійствъ было провозглашеніе его царемъ галатійскимъ. Онъ умеръ въ 40 г., преемникъ же Касторъ младшій былъ награжденъ отъ всесильнаго Антонія внутреннею Пафлагоніей (которую Помпей въ 64 г. предоставилъ Атталу). Этотъ новый правитель скоро скончался, и его наслѣдство въ 36 г. было передано Аминтѣ, бывшему секретарю и военачальнику Дейотара, съ 39 г. состоявшему царемъ Писидіи со включеніемъ Аполлоніи и Антіохіи (Страб. хп, 6:4), такъ что теперь все владѣніе занимало громадную площадь между (соленымъ) озеромъ Татта (нынѣ Тузъ-гёль) и горами Тавра (Страб. хп, 5:4). Въ войнѣ Антонія и (Октавіана) Августа Амипта и Полемонъ (I-й старшій) понтійскій приняли сторону перваго, однако и послѣ несчастной для него битвы при Акціумѣ (2-го сентября 31 г. до

[1] Думаютъ (но не *Th. Mommsen*), что къ этому именно событію относится упоминаніе 1 Маккав. VIII, 2 о покореніи римлянами Галатовъ.

Digitized by Google

р. Хр.) союзники не потеряли благоволенія Рима, оцѣнившаго способности и важность ихъ помощи. Въ 30-мъ г. Аминта былъ даже награжденъ присоединеніемъ Трахейской области (Трахеотиды или Суровой Киликіи, западной части) и Исавры съ дозволеніемъ захватывать неримскую территорію, а послѣ онъ отобралъ у Антипатра, бывшаго друга Цицерона часть Ликаоніи съ городами Дервіей и Ларандой (Караманъ). Въ 25 г. Аминта погибъ во время похода противъ Гомонадовъ, воинственнаго народа, жившаго въ горахъ Тавра на границахъ Ликаоніи, Писидіи и Исавріи (къ югу и востоку отъ озера Бейшегръ-гёль).

Все царство Аминты перешло къ римлянамъ подъ общимъ названіемъ Галатіи для всей провинціи. Послѣдняя была сдѣлана императорскою и потому подчинялась преторіанскому legatus Augusti pro praetore, хотя въ предѣлахъ ея не было римскихъ легіоновъ [1]. Первымъ правителемъ былъ назначенъ Маркъ Лоллій, но вся организація была закончена не ранѣе 20 г. до р. Хр. Въ началѣ границы Галатіи были сокращены изъятіемъ Памфиліи, между тѣмъ Киликія трахейская съ восточною Ликаоніей (включая окрестности Кастабалы и Кибистры до Дервіи), извѣстная (примѣрно со времени около 129 г.) въ качествѣ „прибавочной“ (къ десяти бывшимъ) или одиннадцатой, (ἐπίκτητος, ἑνδεκάτη) стратегіи (намѣстничества) въ Каппадокіи, была утверждена за правителемъ послѣдней Архелаемъ. Однако съ теченіемъ времени площадь Галатійская постепенно расширялась. Въ 5 г. до р. Хр. (вѣроятно, по смерти Дейотара Филадельфа) къ ней отнесенъ (на сѣверѣ) округъ Пафлагоніи около горы Олгассія (Илкасъ-Дагъ) съ городами Гангрой (Ченгри) и Андрапой (Искелибъ). Сюда же отчислялись и части Понта (въ 2—1 гг. до р. Хр. Севастополь, Амасія и, по всей видомости, Газе[ди]лонитида—страна между р. Галисомъ и г. Амисомъ—вмѣстѣ съ владѣніемъ Атепорига, въ 34—35 г. по р. Хр. Комана), въ цѣломъ называвшіяся потомъ Понтомъ галатійскимъ (Pontus Galaticus, т. е. принадлежащій къ Галатіи) въ отличіе отъ Понта Полемоновскаго (P. Polemoniacus), управлявшагося

[1] Обычно legati Augusti совмѣщали военную (imperium) и гражданскую (potestas) власть, были своего рода генералъ-губернаторами.

Digitized by Google

Полемономъ II-мъ съ 37 г. до 54 г. при участіи своей матери Трифены и затѣмъ единолично до 63 г., когда его царство тоже было поглощено Галатійскою провинціей, хотя удержало прежнее имя. Въ дальнѣйшій періодъ подобная участь постигла многія другія окрестныя страны, каковы: Фригія—съ Аполлоніей, Антіохіей и Иконіей (Конія)—по контрасту съ Phrygia Asiana титуловавшаяся Phrygia Galatica (въ Acta Sanctorum подъ 29-мъ сентября); Писидія (Дѣян. xiv, 24); часть Ликаоніи съ городами Листрой (вѣроятно, Хатынъ-серай) и Дервіей (кажется, около теперешняго Гуделиссина), а равно и нѣкоторыя другія мѣстности, еще не имѣвшія городской организаціи (напр., Гида, Барата, Перта и пр., обобщаемыя въ Дѣян. xiv, 6 терминомъ ἡ περίχωρος—„окрестности"); наконецъ, Исаврія или территорія Ἰσαυρική (χώρα) съ городомъ Исаврой. При новомъ порядкѣ вещей сохранились многія особенности прежняго строя съ удержаніемъ представительственнаго собранія для всей Галатіи (τὸ κοινὸν τῆς Γαλατίας), столицею которой оставалась Анкира. Но, разумѣется, римское вліяніе не было безслѣднымъ, и на югѣ Антіохія писидійская (Colonia Caesaria Antiochia, нынѣ Яловаджъ) являлась какъ бы второю митрополіей, будучи центромъ системы римскихъ гарнизонныхъ поселоніи (coloniae) и военныхъ или императорскихъ дорогъ (ὁδαὶ βασιλικαί) и служа мѣстомъ отправленія провинціальнаго культа. Свидѣтельство римскаго воздѣйствія можно видѣть и во множествѣ римскихъ городовъ, изъ коихъ уже Августъ основалъ цѣлыхъ семь (Герму [Julia Augusta Fida Germa] въ сѣверной Галатіи, Антіохію, Листру, Парланду, Кремну, Комаму и Олбасу въ южной Галатіи); при его преемникахъ не мало другихъ было преобразовано и романизовано (Паппа-Тиверіополь, Клавдіо-Селевкія, Клавдіо-Дервія, Клавдіо-Иконія въ южной Галатіи).

§ 2). Галатія этнографическая (сѣверная), а не вся римская провинція (преимущественно въ южной части), какъ область ближайшаго предназначенія посланія къ Галатамъ.

Исторія Галатіи показываетъ, что римское вторженіе и владычество способствовали значительному расширенію ея первоначальныхъ границъ, и въ эпоху апостольскую пло-

Digitized by Google

щадь провинціи Галатійской была гораздо шире области собственно кельтической, входившей въ нее лишь сѣверною частію. По этой причинѣ открывается возможность различать Галатію этнографическую, занятую кельтическими переселенцами, и оффиціально-римскую, въ которой было несравненно больше некельтическаго населенія.

Отсюда возникаетъ естественный и неизбѣжный вопросъ: какую въ точности Галатію разумѣетъ св. Павелъ въ качествѣ объекта его благовѣстническаго оглашенія и мѣста первичнаго предназначенія „посланія къ Галатамъ"? Рѣшеніе этой задачи далеко не безразлично для правильнаго пониманія послѣдняго и даже нѣкоторыхъ сторонъ апостольской исторіи. Легко постигнуть это по самымъ простымъ соображеніямъ. При мысли, что у Апостола говорится со всею строгостію административно-римской терминологіи, мы получимъ, что всѣ (четыре) малоазійскіе города перваго благовѣстническаго путешествія Павлова (кромѣ памфилійскихъ) принадлежали къ Галатійской провинціи [1] и были римскими колоніями (Claudio-Derbe, Colonia Julia Gemina Lystra [иногда Lustra], Claudio-Iconium [съ Адріана, а не съ Клавдія] и Colonia Caesaria Antiochia), почему эти христіане будутъ первыми читателями и разсматриваемаго посланія. И если послѣднее (по Гал. iv, 13) издано послѣ двукратнаго посѣщенія, то и въ такомъ случаѣ выйдетъ, что оно было въ числѣ самыхъ раннихъ писаній Павловыхъ. По отношенію къ миссіонерской дѣятельности апостольской мы будемъ имѣть, что въ ней почти сразу возобладали рѣзкія противоіудейскія стремленія; этимъ колеблется весь исторически-документальный авторитетъ книги Дѣяній, рисующей совсѣмъ иную картину, и у насъ вырывается драгоцѣнный

[1] Оспаривать это заключеніе нѣтъ фактическихъ основаній, потому что принадлежность къ Галатійской провинціи удостовѣряется—для Антіохіи Страб. XII, 6:4 (входила еще во владѣнія Аминты), для Иконіи надписью C. I. Gr. № 3991 (изъ временъ Клавдія и Нерона), для Листры Плин. мл. hist. nat. V, 42, для Дервіи Страб. XII, 6:3 (тоже со временъ Аминты), хотя Птол. V, 6:17 причисляетъ къ области Антіоха коммагенскаго (41—72 гг. по р. Хр.). Значитъ, нѣкоторое сомнѣніе возможно лишь для послѣдняго города, однако необходимо помнить, что указаніе писателя-географа (въ половинѣ II-го в. по р. Хр.) не содержитъ хронологическихъ опредѣленій, и названіе Клавдіо-Дервія скорѣе свидѣтельствуетъ, что это былъ пограничный пунктъ римскихъ владѣній.

Digitized by Google

памятникъ, освѣщающій апостольскую эпоху. Проповѣдническое служеніе св. Павла пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе націоналистически-пристрастный характеръ, что полемическая острота въ формулировкѣ апостольскихъ воззрѣній оказывается безъ достаточной внѣшней мотивировки въ постепенно развивавшейся и осложнявшейся іудаистической агитаціи. Тогда будетъ поводъ для догадокъ, что благовѣстническія убѣжденія Апостола языковъ были запечатлѣны принципіальною оппозиціонностію къ іудаизму во всемъ его религіозно-этическомъ устроеніи и съ этой стороны не согласовались ни съ Евангеліемъ Христа Спасителя, ни съ ученіемъ Его непосредственныхъ преемниковъ и „столповъ" Церкви. Прибавимъ къ этому, что ранняя датировка посланія къ Галатамъ существенно измѣняетъ наши представленія о ходѣ апостольской работы и церковнаго созиданія. Теперь для насъ должно быть безспорно, что чисто этнографическое опредѣленіе имѣетъ высокую важность. Конечно, ее не нужно (вмѣстѣ съ W. M. Ramsay, Valentin Weber и др.) преувеличивать, ибо мы видимъ, что многіе экзегеты уклоняются отъ обычнаго толкованія безъ всякихъ критическихъ тенденцій, опасныхъ для достоинства историческихъ свидѣтельствъ въ писаніяхъ новозавѣтнаго канона или враждебныхъ для божественной неприкосновенности и догматической цѣлостности христіанской истины [1]. Тѣмъ не менѣе — и для устраненія недоразумѣній и въ объективныхъ интересахъ точнаго познанія—одинаково требуется разобрать и выяснить: какая именно Галатія была поприщемъ благовѣстнической дѣятельности св. Павла, обратившагося потомъ съ особымъ посланіемъ?

Обычно отвѣчали на это категорическимъ предположеніемъ въ пользу собственно кельтической области, и (—если не считать Schmidt'а отъ половины XVIII в.—) лишь въ 1825 г., J. P. Mynster, потомъ еп. зеландскій († 1854 г.), впервые развилъ „южно-галатійскую теорію" въ томъ смыслѣ, что Апостолъ говоритъ о римской провинціи Галатійской и изъ нея имѣетъ въ виду преимущественно южную часть въ пи-

[1] Это ясно и по классификаціи ученыхъ, которые на обѣихъ сторонахъ группируются независимо отъ направленій; напр., южно-галатійскую теорію защищаютъ и консервативный Цанъ, и довольно радикальный Гаусратъ, и іезуитъ Корнели, и католикъ Веберъ.

Digitized by Google

сидійско-ликаонскомъ округѣ [1]. Съ тѣхъ поръ эта идея поддерживалась цѣлымъ рядомъ ученыхъ (Niemeyer, Paulus, Ulrich, Böttger, G. Perrot, Tiersch, L. Ranke, Renan, Hausrath, Weizsäcker, Jacobsen, Wendt, O. Pfleiderer, O. Holtzmann, Steck, Baljon), пока уже въ 90-хъ годахъ—спеціалистъ по вопросамъ малоазійской географіи и исторіи—„свѣтскій" профессоръ абердинскаго университета (въ Шотландіи) W. M. Ramsay не потребовалъ для нея исключительнаго верховенства и привлекъ своими пламенными рѣчами новыхъ поборниковъ съ самыми солидными богословскими именами (католики R. Cornely, J. Belser и V. Weber; Gifford, Rendall, Clemen, Th. Zahn, Marcus Dods, Joh. Weiss). При всемъ томъ рѣшительнаго перевѣса доселѣ не достигнуто [2], ибо члены старой партіи держались не менѣе твердо и въ своей защитѣ и въ своихъ возраженіяхъ [3]. И причина кроется въ томъ, что главная сила новой гипотезы лежитъ больше въ оттѣненіи слабостей противника, между тѣмъ для прямого обезпеченія допускается много гипотетическаго по началамъ чистаго вѣроятія.

Возьмемъ главнѣйшіе пункты, связанные съ посланіемъ къ Галатамъ или почерпаемые изъ него. 1) Несомнѣнно, что терминъ Γαλατία употреблялся для всей римской провинціи, судя по даннымъ у Птолемея (v, 4), Плинія мл. (v, 146. 147) и Тацита (II, 9), къ которымъ присоединяются Евтропій и Синкеллъ, опирающіеся на древнихъ авторитетовъ. Все это справедливо и принято было корифеями стараго лагагеря [4], однако новаторскіе выводы ничуть не принудительны и потому не обязательны. Намъ извѣстно и по предшествующимъ случайнымъ упоминаніямъ (на стр. 11 о Pontus Polemoniacus), что оффиціально-административ-

---

[1] Изъ патристическихъ писателей на эту сторону, повидимому, склонялся лишь Астерій амасійскій (IV-го вѣка).

[2] Такъ, въ 1897 г. Principal *S. D. F. Salmond* свидѣтельствовалъ въ «The Critical Review» VII, 3 (July, 1897), p. 310, что по этому интересному вопросу еще не сказано послѣднее слово.

[3] Изъ новѣйшихъ поборниковъ сѣверно-галатійской теоріи выдѣляются *J. B. Lightfoot*, *B. Weiss*, *R. A. Lipsius*, *Sieffert*, *Zöckler*, *Chase*, *Findlay*, *Schürer*, *Jülicher*, *H. J. Holtzmann*, *Davidson*, *Godet*, *Th. Mommsen*. *Riggenbach;* католики *Ladeuze*, *Knabenbauer*.

[4] См., напр., *E. Schürer* въ «Theologische Literaturzeitung» 30. September 1893, Nr. 20, Sp. 507.

Digitized by Google

ный титулъ не поглотилъ безслѣдно всѣхъ прежнихъ наименованій, почему нельзя заранѣе утверждать, будто вторыя совсѣмъ не примѣнялись и были бы неожиданными въ устахъ Апостола. Наоборотъ, для него несомнѣнны развѣ лишь два примѣра оффиціальной географической терминологіи—въ отнесеніи (2 Кор. xi. 9 и ср. Филипп. iv, 15 сл.) Филиппъ къ Македоніи и въ распространеніи (Гал. i, 22. 1 Өессал. ii, 14) Іудеи на (сопричислявшіяся съ 44-го или 52 года) Галилею съ Самаріей [1], но во всѣхъ другихъ мѣстахъ находимъ нѣчто иное. Часто оффиціальное и популярное значенія оказываются равно пригодными, какъ это видно для Македоніи (1 Өессал. i, 7 сл. iv, 10. 1 Кор. xvi, 5. 2 Кор. i, 6. ii, 13. vii, 5. viii, 1. Рим. xv, 26. Филипп. iv, 15), Асіи (1 Кор. xvi, 19. 2 Кор. i, 8) и Ахаіи (1 Өессал. i, 7. 2 Кор. i, 1. ix, 2. xi, 10. Рим. xv, 26), изъ коихъ отъ третьей, повидимому (1 Кор. i, 16. xvi, 15), отнимаются Аөины, что̀ было мыслимо лишь въ народномъ языкѣ вопреки административной номенклатурѣ. Іудея больше называется въ исконномъ узкомъ смыслѣ, а подъ Иллирикомъ (Рим. xv, 19) скорѣе разумѣется все побережье эпирское (до Акціума), гдѣ былъ Никополь (Тит. iii, 12), хотя оффиціально Эпиръ никогда не входилъ въ составъ Иллиріи, и съ 40 г. до р. Хр. они даже не были смежными, потому что южная граница иллирійская простиралась гораздо дальше къ сѣверу, проходя чрезъ Скодру и Лиссъ на р. Дрилонѣ. Равно Сирія и Киликія (Гал. i, 21) далеки отъ оффиціальной стереотипности, потому что иначе трудно согласить такой порядокъ съ указаніями Дѣян. ix, 30. xi, 35. сл. и первая — въ качествѣ римской провинціи — обнимала Галилею съ Іудеей (Мө. iv, 24. Лк. ii, 2. Дѣян. xviii, 18. xx, 3. xxi, 3), вторая же отмѣчена особо (Гал. i, 22).

Нельзя забывать и того, что—при всякомъ толкованіи—кельтическая область будетъ въ районѣ Галатійской провинціи. Естественно, что здѣсь необходимы серьезные аргументы для устраненія собственной Галатіи, давшей всѣмъ другимъ

---

[1] Впрочемъ, по *Th. Mommsen*'у, Іудея со временъ Помпея до Веспасіана находилась въ сюзеренной зависимости отъ Рима, оставаясь кліентельнымъ государствомъ, всегда подчинявшимся — однако — сирійскому намѣстнику, но не была составною частію собственно римскаго государства, хотя бы чрезъ включеніе въ провинцію Сирію.

Digitized by Google

частямъ свое имя. Есть ли для этого основанія въ посланіи? 2) Говорятъ, что въ немъ Варнава предполагается извѣстнымъ читателямъ (п, 13), но это возможно лишь для жителей ликаонско-писидійскаго округа, въ коемъ онъ былъ въ первое благовѣстническое путешествіе, а потомъ не сопровождалъ Апостола и оставался невѣдомымъ для кельтическихъ сѣверянъ [1]. Однако и предъ Коринѳянами упоминается (1 Кор. іх, 6) этотъ „сынъ утѣшенія", едва ли бывавшій въ Ахаіи лично и при томъ вмѣстѣ съ Апостоломъ. Это свидѣтельствуетъ, что Варнава (—подобно Петру въ Гал. і, 18—) выдвигается единственно въ достоинствѣ высокаго церковнаго авторитета (καὶ Βαρνάβας), какимъ достаточно обрисовывается въ самомъ письмѣ апостольскомъ къ Галатамъ (п, 1. 9). 3) Выраженіе послѣдняго (п, 5), что св. Павелъ не уступалъ іудаистамъ въ Іерусалимѣ и боролся за свободу евангельскую, „да истина благовѣстія пребудетъ въ васъ" (ἵνα ἡ ἀλήθεια τοῦ εὐαγγελίου διαμείνῃ πρὸς ὑμᾶς), комментируется (Cornely; Zahn, V. Weber) такъ, будто во время іерусалимскаго совѣщанія читатели уже были озарены свѣтомъ христіанскимъ, разъ этотъ подвигъ предпринимался ради нихъ и для того, чтобы сохранилось сообщенное имъ истинное достояніе. Все это примѣнимо лишь къ христіанамъ писидійско-ликаонскимъ, обращеннымъ до апостольскаго собора, гдѣ они и могли быть ближайшимъ объектомъ защиты Павловой. Однако незыблемо для всѣхъ, что Апостолъ подвизался по соображеніямъ принципіальнымъ и не ограничивался частными потребностями, которыя всегда оцѣнивались у него по внутреннему существу, бывающему во всѣхъ дробныхъ явленіяхъ миссіонерской практики и христіанской жизни. Наличные запросы получали тутъ полное и глубокое удовлетвореніе, но при догматическомъ обсужденіи стушевывались въ своихъ единичныхъ и обусловленныхъ сомнѣніяхъ. Поэтому мы должны допустить что въ цитованной фразѣ разумѣются всѣ, для кого дорога была евангельская независимость отъ законническихъ стѣсненій іудаизма, а это будетъ вся совокупность христіанъ изъ язычниковъ. Значитъ: если внѣшнею точкой отправле-

---

[1] Обратное безъ всякой надобности допускалъ, напр., † архим. *Григорій* (Борисоглѣбскій).

Digitized by Google

нія для апостольской апологетики служатъ писидійско-ликаонскіе обращенцы, отсюда еще вовсе не вытекаетъ, чтобы добытое тогда принципіальное начало относилось исключительно къ нимъ. Неудивительно, что подобное сближеніе вызываетъ большія неудобства. Апостольскія постановленія іерусалимскаго опредѣленія были своевременно переданы въ писидійско-ликаонскомъ округѣ самимъ св. Павломъ (Дѣян. xvi, 4) во всякомъ случаѣ до выпуска посланія. Конечно, при этомъ были сдѣланы всѣ необходимыя разъясненія и еще менѣе могли быть замолчаны спеціальныя особенности, непосредственно касавшіяся слушателей. Вопреки сему письменная рѣчь производитъ впечатлѣніе новости, и авторъ совсѣмъ не намекаетъ, что здѣсь лишь простое напоминаніе, хотя такіе примѣры подчеркиваются у него съ отчетливостію (Гал. i, 13. v, 21). По силѣ этого мы обязаны принять, что объ этой спеціальной детали только теперь освѣдомляются Галаты, почему они не тожественны съ писидійско-ликаонскими христіанами, которымъ Апостолъ не замедлилъ бы сообщить при личномъ свиданіи о предметахъ самаго жизненнаго интереса для нихъ. 4) Въ равной мѣрѣ къ нимъ не подходитъ и наименованіе (iii, 1) „Галаты“ (ὦ ἀνόητοι Γαλάται), потому что писидійско-ликаонскіе жители не имѣли въ своей крови „галатскихъ“ примѣсей и упорно удерживали свой мѣстный жаргонъ (Дѣян. xiv, 11). Въ этомъ пунктѣ важно сообразить всѣ подробности, которыя преувеличиваются сторонниками южно-галатійской теоріи. Они справедливо указываютъ, что съ Лутаріемъ и Леоннаріемъ прибыло всего около 20 тысячъ вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Этого количества было слишкомъ недостаточно и для собственно галатской территоріи, гдѣ его было развѣ до 5%; фактически попрежнему преобладали фригійцы съ присоединеніемъ грековъ, римлянъ и евреевъ. Господствуя надъ страной и живя насчетъ труда туземцевъ, обработывавшихъ землю за извѣстное долевое участіе въ прибыляхъ, галатійская знать селилась по своимъ укрѣпленнымъ помѣстьямъ (φρούρια, castella), остальные же внѣ войнъ вели пастушескую полукочевую жизнь. Города долго сохраняли негалатскую физіономію, и Пессинъ всегда былъ болѣе фригійскимъ. При всемъ томъ слѣдуетъ взвѣшивать и всѣ другія данныя. Несомнѣнно, что терминъ Γαλάτης этногра-

Digitized by Google

фическій. Вѣроятнѣе, что онъ образовался среди греческихъ поселенцевъ на галльскомъ побережьи въ Массаліи или Массиліи (Марселѣ) и значитъ (по Holder'у) „благородный“ [1], когда именемъ Галла указывается воинственность. Эти названія лишь въ позднѣйшую эпоху различаются у греческихъ писателей по примѣненію перваго къ малоазійскимъ (восточнымъ: Γαλλία ἡ ἑῴα у Arrian. De bell. civ. п. 49) Галатамъ (οἱ ἐν Ἀσίᾳ Γαλάται Plut., ἡ κατὰ τὴν Ἀσίαν Γαλατία Dios.) и второго къ обитателямъ Галліи или Франціи, а еще болѣе позднее по образованію κέλται (если не считать κελτικός у Страб. VII, 5: 2) употреблялось генерически для всѣхъ родственныхъ племенъ. Раньше начали разграничивать между Galli и Galatae римляне, и это усвоялось отъ нихъ географами. Мы видимъ, что наименованіе „Галатъ“ имѣетъ строго этнографическій характеръ. Въ этомъ случаѣ уклоненіе было бы просто неестественнымъ и не подтверждается аналогіями Afri и Baetici для всѣхъ жителей Африки и Hispania Baetica (по р. Baetis, нынѣ Гвадалквивиръ), потому что въ нихъ народности (напр., карѳагенянъ, грековъ) включаются въ территоріальное понятіе, по вѣковой давности утратившее этнографическое содержаніе, между тѣмъ въ Галатіи имѣется совсѣмъ обратное, ибо тутъ топографическій моментъ всецѣло условливался этнографическимъ и настолько былъ неразрывенъ отъ своего этнографическаго опредѣленія, что Галатъ означалъ прежде всего не гражданина извѣстной провинціи, но собственно члена Галатской народности. Поэтому титулъ Galati былъ совершенно неудобенъ и, пожалуй, невозможенъ для всѣхъ членовъ галатійско-римской области. Отмѣчается (у W. M. Ramsay), что иначе нельзя было выразить принадлежность къ римской имперіи, какъ чрезъ причисленіе себя къ Галатійской ея территоріи, а св. Павелъ и читатели смотрѣли на себя именно съ государственной точки зрѣнія. Но еслибы и было безспорнымъ подобное предзанятое предположеніе, во всякомъ случаѣ для него являлся совсѣмъ неумѣстнымъ терминъ Γαλάτης, поелику въ немъ преобладалъ элементъ націоналистическій, характеризовавшій человѣка больше по племенной обособленности, чѣмъ по административно-поли-

[1] Посему блаж. Іеронимъ напрасно полагалъ, что Галатія значитъ перенесеніе, увлеченіе (translatio).

Digitized by Google

тической связи. Затѣмъ: у насъ рѣчь идетъ не объ оффиціальномъ манифестѣ. Здѣсь и важно другое наблюденіе, рѣшающее во всемъ вопросѣ. Посланіе адресуется (I, 2) „церквамъ Галатіи“ (ταῖς ἐκκλησίαις τῆς Γαλατίας). Пусть второе слово будетъ изъ лексикона оффиціальной номенклатуры,— греческій членъ при первомъ неотразимо убѣждаетъ, что разумѣются строго опредѣленныя церковныя общины извѣстнаго національнаго состава. Ясно, что писатель аппеллируетъ не къ отвлеченнымъ „церквамъ въ (провинціи) Галатіи“ и имѣетъ предъ собою кругъ людей даннаго племени, которые непосредственно будутъ слушать его увѣщанія. Легко вообразить всю странность, коль скоро это были ликаонцы и писидійцы, чуждые всякихъ національныхъ свойствъ галатійскихъ. Получилась бы ненормальность въ родѣ той, когда мы обратились бы къ полякамъ Варшавы и къ финнамъ Гельсингфорса съ воззваніемъ „русскіе!“ единственно потому, что царство польское и княжество финляндское входятъ въ русскую державу.

Для устраненія подобнаго абсурда необходимо согласиться, что Апостолъ разсчитывалъ ближе всего на природныхъ Галатовъ[1], которые долго удерживали свои національныя отличія, если всѣ пользовались своимъ особымъ языкомъ (Страб. XII, 5:1). Въ такой пропорціи ихъ не было въ Ликаоніи и Писидіи,—и уже этимъ ослабляется сила возраженій, будто 5) при южно-галатійской теоріи намъ отчетливо раскрывается исторія возникновенія галатійскихъ общинъ, которыя безъ этого оказываются забытыми Дѣеписателемъ. Однако послѣдній не упоминаетъ объ удаленіи св. Павла въ Аравію и о присутствіи на іерусалимскомъ совѣщаніи Тита—со всѣми осложненіями, равно не говоритъ о церквахъ Киликійскихъ, Колосской, Лаодикійской и Римской, а потому его молчаніе не экстраординарно и просто нуждается каждый разъ въ точномъ разысканіи оправдывающихъ мотивовъ[2]. Что до самого сближенія событій, то для него не находится основаній въ рефератахъ посланія и книги Дѣяній. Выдвигаютъ (Jacobsen, Sabatier, Zahn, Ramsay) аналогію упоминанія о лож-

[1] Поэтому *Th. Zahn*, защищая южно-галатійскую теорію, допускаетъ, что св. Апостолъ Павелъ заходилъ и въ сѣверную Галатію.

[2] См. для сего на стрн. 32 и ср. ниже въ замѣчаніяхъ къ I, 17—о путешествіи въ Аравію.

Digitized by Google

номъ убѣжденіи листрійцевъ въ божественности Варнавы и Павла (Дѣян. xiv, 11 сл.) съ тѣмъ, что Галатійцы приняли Апостола, „какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса“ (Гал. iv, 14). Истиннымъ будетъ прямо противное, ибо неистовая листрійская восторженность вытекала изъ грубаго языческаго суевѣрія и исчерпывалась имъ по своему достоинству. Со стороны Галатовъ было совсѣмъ обратное въ истинномъ прозрѣніи, что скромный и слабый проповѣдникъ есть дѣйствительный вѣстникъ, точно выражающій волю Божію—словно бы это былъ самъ Господь Искупитель. Обстоятельства оглашенія опять не совпадаютъ. Посѣщеніе писидійско-ликаонской страны было рѣшительнымъ намѣреніемъ, которое осуществляется, не смотря на отпаденіе помощника въ Маркѣ. Въ Галатіи же св. Павелъ задержался „по немощи плоти“ (iv, 13) и началъ благовѣстническое служеніе помимо задуманныхъ миссіонерскихъ плановъ. Пытаются (W. M. Ramsay) утилизировать и это обстоятельство въ пользу южно-галатійской гипотезы, утверждая, что эта болѣзнь, напрасно отожествляемая съ „пакостникомъ плоти“ (2 Кор. xii, 7), была малярія, эндемически свирѣпствовавшая по памфилійскому побережью. Апостолъ, захвативъ ее здѣсь, будто бы и поспѣшилъ для поправленія на здоровую возвышенность въ Антіохію писидійскую. Но захворать можно вездѣ, и едва ли тогда Іоаннъ Маркъ рискнулъ бы покинуть своего великаго учителя въ извѣстной разбоями (Страб. xii, 7:2) Памфиліи (Дѣян. xiii, 13) яко бы изъ боязни опасностей и лишеній путешествія по суровой и нездоровой странѣ, а св. Павлу не вдолгѣ послѣ выздоровленія было бы трудно перенести тяжелыя физическія испытанія съ побіеніями чуть не до смерти (Дѣян. xiv, 19. 20). При томъ, по посланію, болѣзнь не была заносною и поразила автора среди самыхъ читателей, т. е. не въ памфилійской низменности [1]. Главнѣе же всего, что она почитается непредвидѣннымъ поводомъ для Галатійскаго благовѣстничества, которое рисуется неожиданнымъ по своему возникновенію. Этого безусловно нельзя отнести къ писидійско-ликаонскому району, и къ нему неприложимы чистыя и свѣтлыя воспоминанія писателя о своемъ первомъ

---

[1] Ср. ниже на стр. 32—33.

Digitized by Google

визитѣ въ Галатію (IV, 14 сл.), ибо дѣятельность въ Писидіи и Ликаоніи сопровождалась жестокими удрученіями, и Апостолъ до конца дней своихъ не забывалъ о гоненіяхъ и страданіяхъ въ Антіохіи, Иконіи и Листрахъ (2 Тим. III, 11). Въ этихъ мѣстностяхъ христіанскія общины были съ значительнымъ іудейскимъ контингентомъ, вызывавшимъ на особыя приспособленія (см. Дѣян. XVI, 3), тогда какъ среди Галатовъ доминирующимъ былъ элементъ языческій, на которомъ писатель сосредоточиваетъ почти исключительное вниманіе.

Вѣрно, что въ смѣшанномъ населеніи Галатійскаго юга съ преобладаніемъ іудейскихъ стихій легче было появиться іудаистамъ съ успѣшною пропагандой, но за-то характеръ послѣдней будетъ великою историческою загадкой. При южно-галатійской интерпретаціи мы получимъ, что въ церквахъ Павловыхъ іудаистическая агитація развилась вскорѣ послѣ апостольскаго собора и совѣщанія со „знаменитѣйшими“ въ Іерусалимѣ. Тамъ была авторитетно санкціонирована свобода для язычниковъ во Христѣ отъ номистическихъ ограниченій по изволенію Духа Святаго. Представляется абсолютно немыслимымъ, чтобы немедленно по опубликованіи этихъ рѣшеній іудействующіе начали дѣйствовать наперекоръ и въ подрывъ имъ. Это было бы явнымъ неблагоразуміемъ безповоротнаго самоосужденія, потому что, уклоняясь отъ апостольскаго приговора, лжебратья необходимо дискредитировали себя въ глазахъ всѣхъ христіанъ, разъ они всюду прикрывались апостольскимъ именемъ „мнимыхъ столповъ“, а эти оказывались бы теперь противъ нихъ. Нужно думать, что іерусалимское соборное положеніе временно подавило іудаистическую борьбу и вожди ея должны были притихнуть со своими возраженіями тамъ, гдѣ для нихъ совсѣмъ не имѣлось сколько-нибудь благопріятной почвы. Потомъ образовались чисто-языческіе христіанскіе союзы, сформировавшіеся помимо всякихъ номистическихъ вліяній и не признававшіе ихъ нимало. Подобныя братства были живымъ и осязательнымъ обличеніемъ всѣхъ іудаистическихъ упованій, почему ихъ христіанское процвѣтаніе одинаково и раздражало и смущало совѣсть номистовъ. Послѣдніе вынуждались чрезъ это пожертвовать всѣми своими догматическими пристрастіями націонали-

Digitized by Google

стическихъ привилегій, и понятно, что это могло совершиться лишь постепенно въ мучительномъ процессѣ, когда на первыхъ порахъ больше выдвигаются и обостряются интересы самозащиты съ энергическими отраженіями. Въ свою очередь для апостольскаго обсужденія этимъ поставлялась спеціальная антиномистическая задача съ соотвѣтствующимъ примѣнительнымъ раскрытіемъ. Такъ ходъ и іудаистической полемики и апостольской апологетики объясняется вполнѣ удовлетворительно, но при непремѣнномъ условіи отнесенія ихъ къ эпохѣ позднѣйшей по сравненію съ апостольскимъ соборомъ, при чемъ двукратность посѣщенія до написанія посланія потребуетъ пріуроченія его къ собственной Галатіи—этнографической. И если почитаютъ невѣроятнымъ, что іудействующіе проникли столь далеко на сѣверъ Малой Азіи, то вѣдь имъ это было не менѣе доступно, чѣмъ Апостолу, для котораго у насъ имѣются данныя въ рефератѣ Дѣеписателя.

Что же содержится въ книгѣ Дѣяній для опредѣленія Галатійской области, бывшей сферою благовѣстническаго оглашенія и письменнаго вразумленія св. Павла? Здѣсь впервые называется „Галатійская страна“ наряду съ Фригіей (xvi, 6) въ отчетѣ о продолженіи второго благовѣстническаго путешествія и—по смыслу южно-галатійской теоріи—обнимаетъ города писидійско-ликаонскіе, которые всѣ были въ Галатійской провинціи. Въ силу этого Дѣян. xvi, 6 будетъ обозначать одну административно-географическую территорію: тогда во фразѣ τὴν Φρυγίαν καὶ Γαλατικὴν χώραν члену усвояется объединяющая энергія, союзъ же сближается съ латин. sive, seu (или), такъ что тутъ можно разумѣть мѣстность, бывшую прежде фригійскою и потомъ ставшею галатійской (Lightfoot), либо пограничную съ (между) Фригіей и Галатіей (Gifford. Marcus Dods). Дальше выходитъ, что изъ идеи цѣлаго—провинціи—авторъ опредѣляетъ часть ея, откуда выводится, что χώρα эквивалентно латин. regio и потому дозволительно лишь для извѣстнаго участка, но не для всей римской Галатіи со включеніемъ древне-кельтической. Въ этомъ тонѣ толкуется (у W. M. Ramsay, Joh. Weiss) и прилаг. γαλατικός не въ качествѣ прямой характеристики натуральныхъ свойствъ, а для оттѣненія особой принадлежности къ галатскому того, что собственно не было га-

Digitized by Google

латійскимъ [1]. Предъ нами будетъ страна фригійско-галатійская или такая, которая географически была Фригіей, политически Галатіей (W. M. Ramsay). Въ этомъ духѣ Дѣян. XVI, 6 привязывается спеціально къ Иконіи и Антіохіи. Весь миссіонерскій путь будетъ завершаться въ административныхъ границахъ галатійскихъ, и „воспрепятствованіе проповѣдывать въ Асіи“ оказывается позднѣйшимъ. Соотвѣтственно этому въ Дѣян. XVI, 6 констатируется хронологическая преемственность, что благовѣстника сначала прошли и потомъ были возбранены (διῆλθον κωλυθέντες = διῆλθον καὶ ἐκωλύθησαν = διελθόντες ἐκωλύθησαν), ради чего одобряется (W. M. Ramsay, V. Weber) позднѣйшее чтеніе (t. rec. по HLP) въ соподчиненныхъ причастіяхъ: διελθόντες δέ... κωλυθέντες... ἐλθόντες κατὰ τὴν Μυσίαν ἐπείραζον и пр. Въ этомъ случаѣ Асія тоже будетъ терминомъ административнымъ.

Данное толкованіе обязательно требуетъ допустить, что Фригія и Галатійская страна были пройдены *до* возбраненія и совпадаютъ съ отмѣченными городами. Иначе получится, что Апостолы попали въ эти области уже по достиженіи Асіи или по миновеніи писидійско-ликаонской территоріи, либо повернули назадъ [2], но второе не гармонируетъ съ обычною практикой апостольской искать всегда новаго поприща [3], неестественно по употребленію Дѣеписателемъ отличной фразеологіи и затруднительно для выясненія маршрута въ Мисію [4]. Вотъ причина своеобразныхъ тек-

---

[1] Тогда для сборной провинціи было бы точнѣе названіе не Galatia, а Galaticae regiones, какъ это и допускаетъ *V. Weber* по отношенію къ Дѣян. XVIII, 23.

[2] Если ради сего διῆλθον толкуется у *W. M. Ramsay* въ смыслѣ «совершенія миссіонерскаго круга» (made a mission tour), то это невѣрно, хотя безспорная правда, что διέρχεσθαι указываетъ на благовѣстническое хожденіе или путешествіе съ проповѣдью.

[3] Еще болѣе неестественно понимать вмѣстѣ съ *V. Weber*'омъ дѣло такъ, будто, сказавъ о Фригіи между Антіохіей писидійской и Асіей, писатель вспоминаетъ о *прежде пройденномъ* и уже описанномъ въ Дѣян. XVI, 1—5 пути, когда Галатійская страна будетъ обнимать области Дервіи, Листы, Иконіи и Антіохіи.

[4] Отсюда и въ географическомъ примѣненіи получаются немалыя затрудненія. Сторонники южно-галатійской теоріи наклоняются къ той интерпретаціи (*W. J. Woodhouse* и частію *E. H. Askwith*'а) Дѣя. XVI, 6, что «путники прошли *только* Фригію и Галатійскую страну и *ограни-*

Digitized by Google

стуально-экзегетическихъ операцій надъ Дѣян. xvi, 6. Однако, что касается проэтируемой текстуальной его редакціи, то, будучи слабою по фактическимъ основаніямъ въ свидѣтельствахъ манускриптовъ, она вовсе не служитъ безспорною порукой южно-галатійской теоріи и прежде другихъ предлагалась самыми крайними защитниками († J. B. Lightfoot) противнаго толкованія. Редакція же болѣе прочная (BℵACD). безспорно, отмѣчаетъ совсѣмъ иную послѣдовательность, что причастіе κωλυθέντες знаменуетъ никакъ не позднѣйшее, но либо предыдущее, либо синхронистически-сопутствующее для аориста διῆλθον. При второй возможности все упоминаніе будетъ гласить, что Апостолы проходили по Фригіи и Галатійской странѣ и за все это время были возбраняемы проповѣдывать въ Асіи. Тутъ всѣ три географическіе термина сливаются между собою въ единствѣ территоріальнаго объекта, а это фактически недопустимо, ибо при всякомъ пониманіи Галатіи и Асіи первая будетъ внѣ второй, и ихъ нельзя проходить одновременно. По всему этому возбраненіе является предваряющимъ [1], и Фригія съ Галатійскою страной будутъ на благовѣстническомъ пути *уже по* достиженіи Асійскихъ предѣловъ, куда св. Павелъ и Сила проникали только уже поминовеніи писидійско-ликаонскаго округа. Теперь для Галатійской страны остается лишь область древне-кельтическая. Такими соображеніями заранѣе

чились именно этою областію, потому что были не допущены проповѣдывать въ Асіи». Воспрепятствованіе будетъ падать на данную мѣстность, и потому *W. M. Ramsay* относитъ его къ Антіохіи, защищая (—противъ Страб. XII, 8:13. 14?—), что тогда это былъ городъ не писидійскій, и ἡ πρὸς τῇ Πισιδίᾳ—при Писидіи—и принадлежалъ къ Фригіи парореѣ (Φρυγία παρώρειος) или при(между)горной, въ долинѣ среди Эмиръ-Дагъ и Султанъ-Дагъ отъ г. Полибота (Булавдинъ) до Тирізя (Ильгунъ). Въ этомъ случаѣ дальнѣйшій путь къ сѣверу шелъ бы на Паколію по самой провинціи Асіи, восточными предѣлами коей были Трокнады, Оркистъ, Аморій, почему неудивительно, если возбраненіе *Ramsay*'емъ же иногда прямо пріурочивается къ Асійской провинціи—вопреки непосредственному смыслу текста. Другіе (*Gifford*) полагаютъ это событіе на Иконію или Листру, проэктируя, что затѣмъ благовѣстники двинулись на Дорилей (Эски-шехеръ) по нынѣшней *araba* изъ Коніи въ Константинополь. Однако здѣсь непостижимо изъятіе Антіохіи, потому что—согласно гипотезѣ—она входила въ объемъ фригійско-галатійской территоріи.

[1] Это признаетъ и *Marcus Dods*.

Digitized by Google

устраняются всѣ филологическія возраженія, которыя и по существу своему слабы, поелику καί = sive лишь рѣдкое исключеніе, χώρα же у св. Луки и LXX-ти употребляются перифрастически, не имѣя технически-административнаго колорита, почему эпитетъ γαλατικός удерживаетъ естественную силу національно-географическаго описанія взятой мѣстности [1]. Таковая и будетъ галатійскою по преимуществу, т. е. сѣверно-этнографическою Галатіей.

Подобный выводъ оправдывается и Дѣян. XVIII, 23, гдѣ читаемъ, что въ третье свое путешествіе св. Павелъ—по отправленіи изъ Антіохіи сирійской (на р. Оронтѣ)—„проходилъ *по порядку* страну Галатійскую и Фригію, утверждая всѣхъ учениковъ“ (ἐξῆλθε, διερχόμενος καθεξῆς τὴν Γαλατικὴν χώραν καὶ Φρυγίαν, [ἐπι]στηρίζων πάντας τοὺς μαθητάς). Поборники южно-галатійской теоріи немало колеблются въ комментированіи и этихъ данныхъ, иногда приравниваютъ по объему къ Дѣян. XVI, 6, иногда расширяютъ. Важнѣйшее во всѣхъ разсужденіяхъ сосредоточивается на томъ, что Дѣеписатель будто бы разумѣетъ двѣ страны въ самой провинціи Галатіи. Это χώρα Λυκαονία и χώρα Φρυγία. Первая въ качествѣ римской и въ отличіе отъ Антіоховской (Lycaonia Antiochiana, Ἀντιοχιανὴ [χώρα]), была Lycaonia Galatica [2] и въ этомъ достоинствѣ называется „Галатійскою страной“. Вторая есть фригійская часть Галатіи съ выдѣленіемъ этой Phrygia Galatica отъ Phrigia Asiana. Все изреченіе передается такъ, что Апостолъ языковъ „совершилъ миссіонерскій кругъ по Галатійской странѣ—съ Дервіей и Листрой—и по Фригійской—съ Иконіей и Антіохіей“.

Это толкованіе страдаетъ шаткостію въ самой основной точкѣ зрѣнія, потому что въ разбираемой фразѣ одно географическое понятіе (Γαλατικὴ χώρα) освѣщается вакабуляромъ

---

[1] Иначе — каждая негалатская часть римской провинціи могла бы называться такимъ именемъ, почему для точнаго указанія одной извѣстной мѣстности обязательно требовалось ближайшее топографическое опредѣленіе, напр. *Pontus* Galaticus, а въ книгѣ Дѣяній этого нѣтъ.

[2] Нужно замѣтить, что это лишь догадка *W. M. Ramsay*'я, будто часть Ликаоніи, съ городами Дервіей и Листрой и другими мѣстностями, отличалась отъ Lycaonia ipsa—или перимской области, бывшей во владѣніи Антіоха и иногда титулуемой Lycaonia Antiochiana,—въ качествѣ Lycaonia Galatica. Фактическихъ подтвержденій этому пока совсѣмъ не имѣется.

Digitized by Google

административно-оффиціальнымъ, другое по народному употребленію изъясняется этнографически. Подобная двойственность въ свящ. историкѣ неестественна, ибо оба термина объединяются членомъ въ равномъ значеніи, при чемъ даже допускается (у W. M. Ramsay), что и Φρυγία есть прилагательное одинаковаго географически опредѣляющаго характера. Не видится точнаго соотвѣтствія и съ пониманіемъ Дѣян. XVI, 6. Разъ въ обоихъ указаніяхъ мыслится общая территорія, то, двигаясь по ней въ одномъ направленіи съ востока на западъ, какъ можно было начинать либо съ Фригіи, либо съ Галатійской страны—ликаонской? Утверждаютъ, что оба эпитета были связаны настолько прочно по неразрывности и тожеству отмѣчаемаго географическаго участка, что для самаго дѣла положеніе ихъ было безразлично. Опять допускается произволъ, потому что чрезъ καθεξῆς энергически подчеркивается географическая обособленность территорій, для которыхъ было дозволительно лишь прохожденіе „по порядку"—одной за другою, и потому обратность упоминанія ихъ вынуждаетъ къ мысли о движеніи по странѣ съ разныхъ сторонъ, между тѣмъ этого не было фактически и по требованіямъ южно-галатійской теоріи. Неудивительно, что въ интересахъ послѣдней вносится странная дисгармонія въ дѣеписательскій рефератъ. Для Дѣян. XVI, 6 на Фригійскую и Галатійскую страну вмѣстѣ отводится Галатійская площадь древней Фригіи или Phrygia Galatica съ городами Иконіей и Антіохіей, а для Дѣян. XVIII, 23 все это усвояется одной Фригійской области, когда къ Галатійской пріурочивается Ликаонія (Lycaonia Galatica) съ Дервіей и Листрой [1]. Для историка, возвышаемаго (у W. M. Ramsay) за его труды до степени христіанскаго Ѳукидида, все это было бы чистѣйшею ненормальностію, и во всякомъ случаѣ мы не въ правѣ прибѣгать къ такой гипотезѣ, пока есть средства обойтись безъ нея. Это мы и находимъ при

---

[1] Въ виду этого, но безъ всякихъ фактическихъ основаній, *V. Weber* даже готовъ вычеркнуть въ Дѣян. XVI, 6 упоминаніе о Галатійской странѣ, какъ древнюю глоссу изъ Дѣян. XVIII, 23; допуская это, *Joh. Weiss* (въ RE. X², S. 559) еще больше склоненъ принимать, что составитель просто спуталъ извѣстія источниковъ и, напр., призналъ галатскою другую Анкиру—фригійскую (Киллассе-кей) на дорогѣ отъ г. Котіэя въ Пергамъ.

Digitized by Google

тожествѣ содержанія въ Γαλατικὴ χώρα, коль скоро она будетъ покрываться сѣверною древне-кельтическою Галатіей [1].

Теперь отчетливѣе обрисовывается предъ нами и весь апостольскій маршрутъ. Во второе путешествіе Апостолъ попалъ во Фригію и Галатійскую страну собственно потому, что ранѣе были возбранены проповѣдывать слово въ Асіи. Отсюда неотразимо, что это Фригія не галатійская, пройденная еще до вступленія въ асійскія границы. Но другая Фригія была асійскою и лежала въ Асійской провинціи, отъ которой могла различаться при томъ единственномъ условіи, что Асія тутъ не провинція (съ 133 г. до р. Хр.) и тоже берется въ популярномъ смыслѣ—прибрежныхъ эгейскихъ мѣстностей (Мизія, Лидія, Карія и др., какъ было и по раздѣленіи съ 295 г. по р. Хр.). Слѣдовательно, св. Павелъ и Сила прорѣзали всю южную Галатію чрезъ Ликаонію и Писидію до Антіохіи, а изъ нея былъ достаточно удобный путь около Султанъ-Дага [2]. Этотъ горный кряжъ легко было обогнуть—съ запада чрезъ асійскую Фригію или съ востока чрезъ галатійскую Фригію. Оба случая дозволительны, но первый больше отвѣчаетъ преемственности членовъ дѣеписательской фразеологіи, хотя она, можетъ быть, далеко не полная. Тогда имѣетъ, что, держась на западъ отъ писидійской Антіохіи, миссіонеры мимо западныхъ отроговъ Султанъ-Дага достигли Асійскихъ областей. Возбраненіе благовѣстническаго служенія среди нихъ отъ Духа Св. остановило Апостоловъ, и они повернули на сѣверо-востокъ и прежде всего попали въ асійскую Фригію, изъ которой вошли въ близъ лежащую Галатію кельтическую. Не совсѣмъ ясно указаніе Дѣян. XVI, 7 (ἐλθόντες) κατὰ τὴν Μυσίαν: оно можетъ выражать „противъ Мисіи“ (ср. Дѣян. XXVI, 7 κατὰ τὴν Κνίδον), не соприкасаясь съ нею непосред-

---

[1] Такое тожество для этого термина принимаетъ и *Th. Zahn*.

[2] См. карту дорогъ Малой Азіи дегреческихъ, римскихъ, византійскихъ и турецкихъ у *W. M. Ramsay* при его сочиненіяхъ: The Historical Geography of Asia Minor и Historical Commentary on the Epistle to the Galatians, а отсюда у *Carolin A. J. Skeel*, которой даетъ сжатое обозрѣніе всѣхъ малоазійскихъ путей сообщенія въ I-мъ в. (Travel in the First Century after Christ with Special Reference to Asia Minor, Cambridge 1901, p. 116 sqq.).

Digitized by Google

ственно, или подлѣ—по смежности съ Мисіей. Обѣ интерпретаціи филологически равно возможны, но сами по себѣ не даютъ географической точности. Опредѣленность пріобрѣтается лишь по связи рѣчи, что, достигнувъ κατὰ τὴν Μυσίαν, благовѣстники пытались войти въ Виѳинію и опять не были допущены; потомъ они миновали Мисію и спустились въ Троаду (Дѣян. xvi, 7. 8). Здѣсь Мисія поставляется въ соотношеніе съ Виѳиніей, а не съ Галатіей. Повидимому, путники хотѣли проникнуть въ Виѳинію, будучи насупротивъ Мисіи, уже послѣ того, какъ они вернулись изъ Галатійской страны во Фригію асійскую, которую обязательно было пройти (вторично), чтобы, не побывавъ въ Виѳиніи, пробраться въ Троаду. Кажется, сдѣланъ былъ большой уклонъ на западъ по удобной (ср. Plin. Epp. ad Tajan 77 [81]) дорогѣ Анкира — Герма — Дорилей — Никея, гдѣ, находясь фактически наискосокъ Мисіи, Апостолы и думали войти въ Виѳинію. Впрочемъ, при всякомъ рѣшеніи получается, что Павелъ и Сила подвигались на сѣверъ къ Виѳиніи и, стремясь къ ней, конечно, не простирались далеко на востокъ. По всему этому мы должны согласиться, что на сей разъ изъ собственно Галатіи кельтической захватывалась западная ея полоса, ближайшая къ Фригіи асійской, для чего (—вопреки подозрѣніямъ южно-галатійцевъ—) не требовалось сворачивать къ востоку чуть не на 450 верстъ.

Этотъ маршрутъ достаточно ясенъ и въ свою очередь освѣщаетъ путь второго галатійскаго визита. Для него называются Фригія и Галатійская страна. Не будетъ совершенной невѣроятности, что въ сжатомъ отчетѣ умолчано о промежуточныхъ звеньяхъ, предварявшихъ посѣщеніе Галатіи. Такова Киликія и изъ нея чрезъ Киликійскія ворота Тавра южно-галатійская область. Не исключаетъ этого категорически и καθεξῆς, потому что оно касается лишь упоминаемыхъ мѣстностей, хотя едва ли было бы „по порядку“—изъ Антіохіи сирійской перескочить прямо на Галатійскую территорію римской провинціи или древне-кельтическую. При томъ внѣ всякаго сомнѣнія, что Апостолъ сталъ бы утверждать учениковъ и въ киликійскихъ и ликаонско-писидійскихъ церквахъ, а тогда и историку неудобно было скрыть этотъ фактъ, разъ сообщается объ немъ для другихъ странъ. По этимъ соображеніямъ закон-

Digitized by Google

нѣе думать, что св. Павелъ теперь не былъ ни въ Киликіи, ни въ Ликаоніи и Писидіи и двигался сухимъ путемъ, идя изъ Сиріи чрезъ Каппадокію непосредственно въ кельтическую Галатію [1]—примѣрно (P. W. Schmiedel)—чрезъ (каппадокійскіе города) Арабисъ (Ярпусъ), Кокусъ (И[ге]ксюнъ), Аразаксу (Серисекъ), Матіану (Матчане), Архелаиду [Гарсавру] (Аксерай), Парнассъ (по W. M. Ramsay, между Чекиналъ и Кеси[къ]—Кепри на р. Кизылъ-Ирмакъ) на Анкиру, Герму, Пессинъ, откуда въ прежнюю область Фригіи асійской [2] и затѣмъ въ Ефесъ чрезъ „верхнія страны" (Дѣян. xix, 1) или обычнымъ способомъ къ югу въ Ефесъ [3]. Конечно, при этомъ обязательно мыслится, что сейчасъ въ Галатійской территоріи были посѣщены новые пункты, ибо раньше Апостолъ, кажется, не отклонялся далеко на востокъ отъ Пессина. Тѣмъ не менѣе данный проэктъ совсѣмъ не устраняется свидѣтельствомъ объ „утвержденіи всѣхъ учениковъ". Само собою всѣми и всегда разумѣется, что это исполнялось тамъ, гдѣ послѣдніе были. Съ другой стороны требуется всѣми вѣроятіями, что по отшествіи Апостола христіанство въ Галатіи распространялось изъ мѣста его первоначальнаго насажденія: къ этому естественно побуждала горячая ревность пламенной вѣры при удобствахъ къ сему въ хорошемъ сообщеніи между галатійскими городами [4]. Однако и нынѣ берется не вся Галатія, а преимущественно западный ея участокъ, тяготѣющій къ

---

[1] Такое направленіе принимаетъ и *Th. Zahn*.

[2] Если отсюда заключается, что и въ Дѣян. XVI, 6 Φρυγία есть имя существительное, то, возможное филологически (даже по *Ramsay*'ю и *Macus Dods*), это толкованіе ничуть не противорѣчитъ нашему воззрѣнію, между тѣмъ для защитниковъ южно-галатійской теоріи желательнѣе (*Joh. Weiss*), чтобы въ первомъ упоминаніи было adjectiv., во второмъ substantiv. Для обратной гипотезы удобнѣе адъективное пониманіе, которое опять же допускается южно-галатійцами (ср. на стр. 26).

[3] Здѣсь у *W. M. Ramsay*'я дается маршрутъ по кратчайшей горной дорогѣ чрезъ Сейблію, Діонисополь, Теиру и долину Кайстра; этотъ путь возможенъ и при нашемъ воззрѣніи, если мы допустимъ, что уже во Фригіи св. Павелъ свернулъ къ югу съ тракта Герма—Дорилей—Никея. Во всякомъ случаѣ «верхнія страны» справедливѣе опредѣлять соотвѣтственно встрѣчающемуся различенію между ἡ ἄνω и ἡ κάτω Ἀσία и под. — въ смыслѣ восточной части Асійской провинціи вообще (*Joh. Weiss* въ RE. X³, S. 536:12—21. 557:37).

[4] Это предполагаетъ для южной Галатіи и *V. Weber*.

Digitized by Google

асійской Фригіи. Тогда отпадаютъ и трудности и возраженія, вызываемыя гипотезой (Lightfoot'a), будто въ оба раза св. Павелъ проходилъ всю сѣверную Галатію съ запада на востокъ и обратно. Фактически эта идея для обоихъ случаевъ не совсѣмъ пригодна уже потому, что этимъ отнимается слишкомъ много времени и вызывается путаница при размѣщеніи миссіонерскихъ событій по соображенію съ апостольскою хронологіей. Въ этомъ расширеніи нѣтъ надобности и оно скорѣе отрицается рефератомъ Дѣеписателя въ пользу болѣе узкой западной полосы, куда благовѣстникъ проникалъ безъ особенныхъ препятствій [1].

Понятно, что по его стопамъ столь же свободно могли пробираться и іудействующіе соглядатаи. И нельзя сказать, что на сѣверѣ они не имѣли для себя готовой почвы въ достаточномъ контингентѣ соплеменниковъ. Извѣстно, что Селевкиды (334—189 гг. до р. Хр.) въ политическихъ интересахъ привлекали евреевъ въ Малую Азію и награждали ихъ значительными привилегіями съ предоставленіемъ правъ гражданства и гарантіею ихъ религіозной неприкосновенности въ спеціальномъ νόμος τῶν Ἰουδαίων, упоминаемомъ, напр., на апамейской надписи. Въ качествѣ сторонниковъ селевкидской династіи, іудейскіе колонисты поселялись вдоль коммукаціонныхъ линій между востокомъ и западомъ. Это было—скорѣе—внѣ границъ кельтической Галатіи, но естественныя богатства страны и меркантильные разсчеты скоро направили ихъ и въ нее, гдѣ торговля полотняными товарами (Lightfoot) едва ли совершалась помимо этихъ исконныхъ коммерсантовъ. Они, конечно, не замедлили обосноваться съ полною прочностію по всѣмъ выгоднымъ пунктамъ (хотя бы позднѣе, чѣмъ на югѣ). Отыскивается даже декретъ объ особыхъ преимуществахъ, которыя Августъ велѣлъ начертать въ своемъ храмѣ г. Анкиры въ обезпеченіе іудеямъ (Jos. Flav. Antiqu. XVI, 6: 2). Это толкованіе (Lightfoot'a, Schürer'a и др.) не безспорно, и чуть ли не вѣрнѣе думать (согласно W. M. Ramsay), что указъ былъ адресованъ въ Анкиру негалатійскую, а къ собору представителей Асійской провинціи (τὸ κοινὸν τῆς Ἀσίας). Не смотря на это,

---

[1] По *O. Zöckler*, изъ Галатіи захватывались окрестности Пессинунта и поселенія Аксилона (т. е. безлѣсныхъ степей Ликаоніи).

Digitized by Google

іудейскій элеменъ на кельтическомъ сѣверѣ несомнѣненъ, поскольку — за изъятіемъ ненадежныхъ — открывается, по крайней мѣрѣ, до пяти надписей въ древней Галатіи съ іудейскими именами — въ Пессинѣ Ματατᾶς (текстъ не безъ подозрѣній), въ Евдоксіи (Йюрме) Іаковъ діаконъ и Есѳирь, въ Тавіѣ Даніилъ и пр. Коль скоро мы допустимъ присутствіе іудейскаго элемента въ сѣверно-галатійской области, этимъ необходимо утверждается, что были отсюда регулярныя сношенія съ Іерусалимомъ и имѣлись для того достаточно пригодные способы. Очевидно, была довольно торная дорожка, и ею успѣшно воспользовались іудаисты вслѣдъ за св. Павломъ, который въ благовѣстническихъ движеніяхъ придерживался административныхъ центровъ, гдѣ были жители изъ евреевъ. Значитъ, и съ этой стороны собственная кельтическая Галатія совершенно удовлетворяла апостольской миссіонерской практикѣ, а совокупность всѣхъ другихъ данныхъ, наблюденій и соображеній, по нашему мнѣнію, больше благопріятствуетъ старинной сѣверно-галатійской теоріи.

§ 3). Основаніе и исторія галатійскихъ церквей до изданія посланія къ Галатамъ.

Соотвѣтственно ей освѣщается и исторія основанія и развитія галатійскихъ церквей по связи съ условіями происхожденія посланія къ нимъ. Возникновеніе ихъ относится ко второму благовѣстническому путешествію Павлову, когда Апостолъ, посѣтивъ и устроивъ сирійско-киликійскія и ликаонско-писидійскія братства, хотѣлъ пробраться почти прямо на западъ въ Асію, т. е., разумѣется, въ Ефесъ, обильный вліятельнымъ іудейскимъ населеніемъ. Его намѣреніемъ была, видимо, чисто-іудейская миссія, и ради ея онъ даже нарочито обрѣзалъ Тимоѳея (Дѣян. xvi, 3), дабы не создавать соблазняющихъ препонъ своему служенію среди сыновъ Израиля. Однако промыслъ Божій велъ благовѣстника на иное поприще языческаго оглашенія, которое требовало постепенной опытной подготовки. Возбраненные въ своемъ стремленіи, миссіонеры были вынуждены повернуть къ сѣверо-востоку на Виѳинію. По всему ясно,

Digitized by Google

что въ миссіонерскомъ проэктѣ Павловомъ эллинство не выдвигалось спеціально и было избрано потомъ лишь по особому указанію Божію (Дѣян. xvi, 9. 10). Вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно, что и Галатійская страна не содержалась въ самыхъ замыслахъ предположеннаго миссіонерскаго круга и явилась неожиданно по причинѣ непредусмотрѣнныхъ и неустранимыхъ миссіонерскихъ коллизій. Дѣеписатель же всегда и всюду слѣдитъ за осуществленіемъ божественныхъ велѣній о христіанскомъ просвѣщеніи вселенной и опускаетъ человѣческія попытки, разъ онѣ были не пригодны, хотя бы отличались глубокою искренностію. Поэтому и дальше весьма кратко и не совсѣмъ отчетливо отмѣчаются миссіонерскія движенія до тѣхъ поръ, пока началась реализація указаній Божіихъ съ отправленіемъ на европейскій материкъ. Въ этомъ имѣется вполнѣ понятный и убѣдительный резонъ, что свящ. исторіографъ умалчиваетъ о подробностяхъ галатійской дѣятельности апостольской. Тѣмъ не менѣе и онъ внушаетъ, что теперь были брошены здѣсь сѣмена Евангелія, принявшіяся успѣшно, разъ при вторичномъ посѣщеніи Галатіи приходилось утверждать учениковъ (Дѣян. xviii, 23), которые должны были находиться тамъ ранѣе. Все это до точности согласуется съ прочными данными посланія. По нему (iv, 13), Апостолъ остановился въ Галатіи изъ-за болѣзни, послужившей ближайшею причиной (διά съ accus.) для проповѣдническихъ обращеній къ кельтическимъ сѣверянамъ (οἴδατε δὲ ὅτι δι' ἀσθένειαν τῆς σαρκὸς εὐηγγελισάμην ὑμῖν τὸ πρότερον). Свойства этого недуга намъ неизвѣстны, но замѣтка о возможной презрительности окружающихъ къ больному (iv, 14) не говоритъ о его внѣшней омерзительности, поскольку рѣчь касается пренебреженія къ самому религіозному воззванію, а не къ физическому состоянію пришельца [1]. Не менѣе сомнительна и офталмія, ибо упоминаніе (iv, 15) насчетъ готовности Галатійцевъ исторгнуть у себя очи и отдать св. Павлу было лишь обычнымъ присловіемъ для выраженія всепреданной любви и потому нимало не намекаетъ на фактическую нужду. Думаемъ, что здѣсь нѣтъ прямого соотношенія и съ „пакостни-

[1] Въ связи съ этимъ можно отмѣтить новѣйшее (и еще менѣе обоснованное) предположеніе (*Erw. Preuschen*'а), что Апостолъ Павелъ нѣкогда страдалъ проказой.

Digitized by Google

номъ плоти“ (2 Кор. XII, 7), поелику это были припадки съ исключительными и спеціальными качествами сатанинскихъ приражений, чего совсѣмъ не имѣется въ разсматриваемомъ примѣрѣ. Болѣе безспорно, что тутъ было случайное страданіе, неожиданно разстроившее всѣ разсчеты, хотя бы и по связи съ вѣроятною общею болѣзненностію Апостола нервнаго происхожденія и нервнаго характера [1]. Внезапно было это прискорбное событіе, но и оно помогало высшимъ предначертаніямъ. Прикованный къ мѣсту, благовѣстникъ не могъ осуществлять своихъ намѣреній, однако послѣднія сохраняли всю свою силу, потому что внѣ благовѣстническихъ интересовъ не было самой жизни для св. Павла. Естественно и неизбѣжно до степени необходимой функціи, что миссіонеръ сталъ отправлять свою обязанность въ доступной ему средѣ и возвѣщалъ Евангеліе пріютившимъ жителямъ. Съ другой стороны исторически вполнѣ правдоподобно, что кельтійцы были сильно затронуты необычными рѣчами. Судя по галламъ, это былъ народъ любознательный, падкій до всякихъ новостей и увлекавшійся ими (Jul. Caesar., De bello Gall. IV, 5), цѣплявшійся за плащъ всякаго заѣзжаго странника—мудреца крѣпче, чѣмъ желѣзо пристаетъ къ магниту (Themistius [2-й половины IV-го в. по р. Хр.], Orat. XXVIII, p. 299 A). Неудивительно, что скоро образовалась обширная аудиторія внимательныхъ и пытливыхъ слушателей. Но для нихъ было немалое искушеніе, которое коренилось въ плоти и почерпалось изъ нея, конечно, при обрисованныхъ условіяхъ или потому, что она была немощна. Для христіанскаго прозрѣнія все человѣчество — и принципіально и эмпирически — было сплошнымъ комплексомъ страждущихъ и обременныхъ, для которыхъ потребно всяческое оживотвореніе. Посему христіанское воззваніе обязательно было аппелляціей къ благодатной энергіи универсальнаго и всецѣлаго возрожденія. Разумѣется, и св. Павелъ свидѣтельствовалъ о силѣ Божіей, все препобѣждающей и возобновляющей, между тѣмъ самъ онъ лежалъ недвижимый чуть не безпомощнѣе ребенка. Получалось, что призывалъ къ жизни и обѣщалъ несокрушимую крѣпость слабый страдалецъ, едва не бывшій на краю

[1] Ср. выше на стр. 20.

Digitized by Google

могилы. Это сближеніе невольно возникало въ умѣ воинственныхъ кельтовъ при первомъ впечатлѣніи, когда они еще не усвоили всей глубины апостольскихъ откровеній. Дальше все легко могло разрѣшаться брезгливо-оскорбительнымъ „врачу, исцѣлися самъ!“ и возбудить въ пылкихъ варварахъ чувство насмѣшливой пренебрежительности. Минута была критическая для всего христіанскаго будущаго Галатіи. Но, остановивъ въ ней Апостола вопреки его намѣреніямъ, Господь доставлялъ благовѣстнику средства для практическаго подготовленія къ миссіи среди необрѣзанныхъ, утверждая непоколебимость надеждъ на благоплодный успѣхъ. И вотъ спасительное слово евангельское опаляетъ окоченѣвшую душу язычниковъ, и благодатная теплота переполняетъ сердце неизъяснимымъ удовлетвореніемъ. И теперь Галатійцы радостно постигаютъ, что больной и бѣдный чужестранецъ есть своего рода Ангелъ Божій и—въ достоинствѣ истинно божественнаго вѣстника—воспроизводитъ спасительное таинство всеобщаго искупленія съ такою живительною точностію, какъ еслибы это былъ самъ Христосъ Іисусъ.

Начавшись этимъ способомъ, проповѣдь сопровождалась чисто блаженными результатами и водворяла въ оглашенныхъ сыновнюю искренность абсолютнаго довѣрія къ своему огласителю. Понятно, что она не ограничивалась однимъ пунктомъ, а распространялась усердными учениками, для чего и самъ Апостолъ всегда принималъ регулирующія мѣры. При всемъ томъ новыя насажденія нуждались въ авторитетномъ контролѣ и бдительномъ уходѣ, безъ которыхъ нормальное возрастаніе является не совсѣмъ обезпеченнымъ отъ уклоненій. При такихъ именно условіяхъ и въ дальнѣйшемъ теченіи галатійскихъ церквей обнаружились тяжелыя колебанія. Св. Павелъ дѣйствовалъ на галатійской территоріи, повидимому, не столь долго, и ему не удалось завершить все въ желательной степени, хотя онъ былъ и считалъ себя единственнымъ и исключительнымъ просвѣтителемъ этой области (см. Гал. I, 8 сл. III, 1 сл. IV, 12—20). Въ свою очередь Галаты имѣли много слабостей, крайне опасныхъ для сохраненія устойчивости въ своемъ христіанскомъ одушевленіи. Всѣ свѣдѣнія солидарны, что по своей натурѣ это были люди весьма не-

Digitized by Google

твердые и чрезвычайно измѣнчивые, способные увлекаться и отвлекаться каждую минуту, если ихъ не держать въ опредѣленныхъ рамкахъ. Религіозность Галловъ была неразрывна отъ суевѣрности (Jul. Caesar., De bello Gall. VI, 16: „Natio est omnis Gallorum admodum dedita religionibus“ и ср. Diod. Sic. V, 27), опытъ же всей религіозной исторіи выработывалъ въ кельтахъ индифферентную неразборчивость, пріучая къ неосмысленному смѣшенію самыхъ различныхъ элементовъ безъ исключительнаго тяготѣнія къ нѣкоторымъ, когда послѣдніе были бы опорою и критеріемъ для религіознаго чувства. Со своими кельтическими упованіями Галатійцы вошли въ новой странѣ въ тѣсное соприкосновеніе съ исконнымъ фригійскимъ населеніемъ и встрѣтили немало сроднаго въ мѣстныхъ культахъ, которые своими изувѣрствами и преобладаніемъ жреческой тиранніи достаточно отвѣчали навыкамъ кельтическаго друидизма съ его деспотически-мрачнымъ сацердотализмомъ (въ господствѣ жрецовъ) и съ кровавыми жертвами. Въ особенности привилось почитаніе Зевса фригійскаго и великой „матери боговъ“ Кибелы (въ Пессинѣ). Греческое вліяніе тоже было не ничтожно. Сильное по всей Малой Азіи, оно и косвенно и непосредственно должно было затрогивать кельтическихъ пришельцевъ. Правда, его нельзя преувеличивать, и резоннѣе будутъ тѣ сужденія (W. M. Ramsay), что позднѣйшія названія (Страб. II, 5:28. XII, 5:1. Tit. Liv. XXXVIII, 17) „Галлогреція“ и „Галлогреки“ (Γαλλογραικία, Γαλλογραικοί, Gallograeci) ничуть не говорятъ о фактическомъ возобладаніи греческой культуры, поскольку отъ нея не находится и не осталось прочныхъ слѣдовъ. Все же эллинизмъ — хотя бы поверхностно—отпечатлѣвался на мысли и жизни Галатійцевъ и, пожалуй, больше всего съ религіозно-обрядовой стороны. Римское владычество воздѣйствовало въ одинаковомъ направленіи, потому что тутъ исполненіе извѣстныхъ спеціально-римскихъ ритуальныхъ церемоній было связано съ гражданскимъ вѣрноподданствомъ [1]. Не безу-

[1] См. присягу на вѣрность Риму *въ храмахъ Августа* (Августеумахъ) *при* воздвигнутыхъ ему *алтаряхъ* (*жертвенникахъ*) отъ 6-го марта 3-го г. до р. Хр. со стороны жителей присоединенной къ Галатіи Дейотаровой части Пафлагоніи (ср. выше стр. 10: 27—30 св.) — Фаземо-

Digitized by Google

пречны данныя о томъ, что знатныя галатійскія фамиліи отправляли жреческія функціи римскаго религіознаго ритуала, какъ это болѣе достовѣрно въ отношеніи къ культамъ фригійскимъ; возможно подозрѣніе и насчетъ участія τὸ κοινὸν τῶν Γαλατῶν въ созданіи храма божественному Августу и богинѣ Ромѣ—Dea Roma (Риму)—въ Анкирѣ, но существованіе этого святилища въ столицѣ галатійской и несомнѣнно [1] и знаменательно. Посему неизбѣжно согласиться, что религіозное давленіе Рима на кельтическихъ колонистовъ было замѣтнымъ, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ центрахъ. Наконецъ, проникшіе сюда іудеи, конечно, не замедлили проявить свою прозелитическую ревность,—и по сему предмету у насъ имѣется характерное упоминаніе (Павзанія) объ отвращеніи Галатійцевъ къ свиному мясу, что̀ было выгодно для іудейской пропаганды, если не обязано ей по самому происхожденію.

Такъ много несродныхъ слоевъ легло на душу малоазійскаго кельта, и онъ всему легко вѣрилъ, теряя незыблемую религіозную увѣренность. При этихъ условіяхъ не трудно было смутить его и іудаистамъ. Для нихъ были удобныя точки опоры въ религіозномъ созерцаніи Галатійцевъ, а затѣмъ нужно взять въ самое серьезное соображеніе, что вообще малоазійская религіозная практика значительно приближалась по внѣшности къ номистической [2], дозволяя ей свободное и широкое вторженіе безъ наружнаго

нитиды (Фаземонъ = Неаполь = Нео-Клавдіополь = Андрапа?, нынѣ Везиръ — Кёпрю), при чемъ — по этому памятнику — «культъ Августа имѣетъ уже значеніе государственнаго учрежденія и водворяется въ (названной) странѣ немедленно послѣ присоединенія ея къ предѣламъ римской имперіи», а личность государя является въ ореолѣ божественнаго величія, какъ «сына бога», у проф. *Ю. А. Кулаковскаго*: Вновь открытая присяга на имя Августа въ «Филологическомъ Обозрѣніи» XX, 2 (Москва 1901), стр. 159 сл. 162—164.

[1] Какъ извѣстно, на стѣнахъ этого храма были надписи съ перечисленіемъ важнѣйшихъ дѣяній императора Августа; это и есть такъ называемый Monumentum Ancyranum, изд. *Th. Mommsen*'омъ: Res gestae divi Augusti (Berolini [2]1883).

[2] Объ этомъ категорически свидѣтельствуетъ *W. M. Ramsay*, хотя бы и по отношенію къ южной Галатіи. По его словамъ (у Hastings'a II, p. 92—93), «фригійская религія Сабасія составляла основаніе для этого смѣшаннаго типа. Сабасій былъ отожествленъ съ іудейскимъ Саваоѳомъ, а „высочайшій богъ“ (θεὸς ὕψιστος) былъ почитаемъ въ такой

Digitized by Google

насилія. Религіозная шаткость галатійскихъ обращенцевъ уже прямо помогала коварной работѣ подрыва всѣхъ павлитистическихъ основъ первоначальнаго христіанскаго исповѣданія. Послѣднее покоилось собственно на восторженной преданности къ личности апостольской и чрезъ это оказывалось въ зависимости отъ ея достоинства. Тогда первое необходимо потрясалось вмѣстѣ со вторымъ, далеко не огражденнымъ отъ измѣны ему прежнихъ галатійскихъ поклонниковъ, которые не забыли испытанной ими искусительности. Іудаисты выступали подъ авторитетомъ повелительныхъ полномочій отъ самовидцевъ и слугъ Господнихъ и блескомъ этихъ апостольскихъ преимуществъ помрачали предъ взоромъ Галатійцевъ скромную фигуру св. Павла. Вражескій напоръ былъ тѣмъ соблазнительнѣе и непреодолимѣе, что іудействующіе шпіоны не отрицали павлинизма рѣшительно, стараясь подмѣнить апостольское благовѣстіе своимъ—другимъ—Евангеліемъ (Гал. I, 6), почему съ успѣхомъ могли разыгрывать роль благодѣтелей, которые желаютъ доставить христіанскимъ новоукамъ Павловымъ высшее и окончательное совершенство. Неудивительно, если Галатійцы поколебались въ своихъ первоначальныхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, „несмысленно“ думая, что улучшаютъ ихъ въ исконномъ духѣ.

Апостолъ былъ далеко отъ галатійской области, но допустимо теоретически, что до него доходили оттуда нерадостныя вѣсти. Во всякомъ случаѣ въ третье благовѣстническое путешествіе онъ напередъ вноситъ Галатію въ свой

формѣ, гдѣ замѣтно сильное вліяніе іудейскихъ элементовъ, если во многомъ она и оставалась еще языческою. Встрѣчаются указанія на θεὸς ὕψιστος даже чистаго іудейскаго характера, но ихъ нужно отличать отъ смѣшаннаго почитанія. Значительныя части фригійскаго народа,—особенно въ центрѣ и на югѣ,—были захвачены полуіудейскимъ, полуязыческимъ культомъ. По сему предмету г. *Cumont* сообщаетъ: „эти слои, проникнутые библейскими идеями безъ тѣсной привязанности къ іудейскому закону, являлись плодотворною почвой для проповѣди христіанской, откуда лучше объясняется тотъ историческій фактъ, что новая вѣра достигла больше обращеній въ Малой Азіи, чѣмъ во всякой другой области“. Это соображеніе наиболѣе примѣнимо къ тѣмъ округамъ, гдѣ іудеи были всего могущественнѣе», но *W. M. Ramsay* допускаетъ прямо (p. 88*b*), что они проникли и на сѣверъ Галатіи—только позже, чѣмъ утвердились на югѣ.

Digitized by Google

миссіонерскій маршрутъ и, кажется, прорѣзываетъ ее частію съ востока на западъ, чтобы захватить и возникшія помимо и послѣ его христіанскія братства. Дѣеписатель говоритъ, что теперь св. Павелъ „утверждалъ всѣхъ учениковъ“ (Дѣян. XVIII, 23). Отмѣтка количества свидѣтельствуетъ о достаточной многочисленности галатійскихъ христіанъ. Это показывало процвѣтаніе галатскихъ церквей. Къ сожалѣнію, оно было больше внѣшнимъ, ибо по пріемамъ апостольскимъ очевидно, что кельты нуждались въ религіозно-христіанскомъ укрѣпленіи. И анализируемое посланіе обнаруживаетъ всю роковую остроту нынѣшняго положенія, разъ пламенное благоговѣніе галатійскихъ чадъ къ своему отцу рисуется минувшимъ явленіемъ исключительно перваго посѣщенія, Апостолъ же считаетъ нужнымъ предупредить насчетъ безповоротной анаѳемы всѣмъ, благовѣствующимъ несогласно съ нимъ; это было при самомъ второмъ визитѣ (I, 9), когда и читатели получили немало предостереженій совсѣмъ не лестнаго свойства. По всему думается, что іудаистическіе происки нашли сочувственный откликъ въ сердцахъ Галатовъ. При всѣмъ томъ огненное слово св. Павла сожгло клевету и злобу его іудействующихъ враговъ, стушевавшихся предъ грозою постыднаго изобличенія,—и простодушные кельты опять возвращались на старый путь преданности своему огласителю и исключительнаго довѣрія къ его евангельскимъ принципамъ. По крайней мѣрѣ истинно, что въ присутствіи Павловомъ они ревновали въ добромъ (IV, 18) при отказѣ отъ дурного. Это былъ успѣхъ съ обѣтованіемъ хорошаго будущаго. Мы не знаемъ, сколько времени пробылъ Апостолъ въ Галатіи за этотъ періодъ; однако безспорно. что онъ трудился здѣсь много (IV, 11) и не безплодно (V, 7), а—слѣдовательно—и не совсѣмъ кратко.

Понятно, что благовѣстникъ покинулъ галатійскую страну если не съ полною увѣренностію, то и не безъ твердой надежды. Къ прискорбію, событія не оправдали апостольскихъ упованій. Іудейскіе шпіоны, присмирѣвшіе отъ неотразимаго пораженія, хорошо были освѣдомлены, что нога великаго благовѣстника не скоро вступитъ на галатійскую почву, и, естественно, постарались возобновить свою агитацію, развивъ ее въ самыхъ беззастѣнчивыхъ формахъ. Планъ былъ задуманъ чрезвычайно коварно и ловко. Всѣ

Digitized by Google

христіанскія убѣжденія Галатійцевъ держались больше на самопреданности къ особѣ Апостола языковъ и оцѣнивались въ мѣру почтенія къ нему. Понятно, что, очернивъ и унизивъ благовѣстническую личность, іудаисты подрывали самый фундаментъ галатійской религіозности и открывали себѣ просторъ для собственныхъ внушеній, которыя водворяли нарушенную гармонію въ христіанскомъ сознаніи кельтовъ. Тогда іудействующіе шпіоны уже легко овладѣвали ихъ умами и привлекали на свою сторону подъ благовиднымъ предлогомъ, что они исправляютъ и довершаютъ дѣло Павлова, сообщая ему нравственную устойчивость въ законничествѣ, безъ котораго все могло наклоняться къ распущенности (ср. v, 13). Разумѣется, дѣло велось въ іудаистически-партикуляристическомъ духѣ съ оттѣненіемъ религіознаго превосходства іудаизма въ самомъ христіанствѣ; почему облагодатствованные язычники въ интересахъ своего преуспѣянія призывались къ исполненію важнѣйшихъ требованій іудейско-номистической практики. Въ этомъ направленіи лжебратья опять имѣли немалый успѣхъ, пріучивъ Галатовъ къ соблюденію іудейскихъ празднествъ (Гал. iv, 9. 10) и развивъ наклонъ къ принятію обрѣзанія (iv 12. 13), а потому не безъ основанія можно было опасаться „преложенія во ино благовѣствованіе“ (i, 6). Эти вѣсти—подобно грому—поразили св. Павла, и для спасенія своихъ чадъ и для огражденія самой евангельской истины онъ поспѣшилъ съ письменнымъ словомъ, чтобы возвратить заблудшихъ галатійскихъ овецъ въ избранное стадо Христово.

§ 4). Время изданія посланія къ Галатамъ

опредѣляется этою связью всѣхъ историческихъ моментовъ съ достаточною приблизительною опредѣленностію. Здѣсь необходимо отпадаютъ всѣ даты, покоящіяся на отвергаемой нами южно-галатійской теоріи [1], и мы заранѣе вынуждаемся устранять соотвѣтствующія мнѣнія, будто

[1] Впрочемъ, нѣкоторые сторонники южно-галатійской гипотезы утверждаютъ, что послѣднею не предрѣшается прямо вопросъ о времени написанія и изданія посланія къ Галатамъ (*E. H. Askwith*, The Epistle to the Galatians, London 1899, p. VI. 99 sq.).

Digitized by Google

это писаніе было самымъ первымъ (Rendall, Zahn) въ ряду литературныхъ твореній Павловыхъ (частію еще Маркіонъ по Tertull., Adv. Marc. v, 2; Michaelis, Koppe, Keil) или было выпущено до іерусалимскаго собора (Calvin) и до начала (Ulrich, McGiffert) второго благовѣстническаго путешествія, напр., около Дѣян. xiv, 28 (V. Weber), то во время его за періодъ пребыванія въ Троадѣ (Hausrath), Дѣян. xvi, 8—10, въ Македоніи (Schenkel, Pfleiderer), въ Коринѳѣ (Cornely, Rendall, Zahn), или—наконецъ—при остановкѣ въ Антіохіи сирійской (Дѣян. xviii, 23) предъ началомъ третьяго миссіонерскаго круга (Volkmar, Renan, Ramsay, Vernon Bartlet).

По нашимъ этнографическимъ соображеніямъ о читателяхъ—это случилось не раньше, какъ въ теченіе третьяго благовѣстническаго обхода св. Павломъ малоазійско-европейскихъ церквей. Вопросъ весь въ томъ, не произошло ли изданіе позднѣе? Конечно, признаніе Галатійскаго посланія самымъ послѣднимъ есть напрасная и пустая догадка (Köhler'a), но вѣдь были же серьезные экзегеты, которые относили его къ эпохѣ римскихъ узъ (блаж. Іеронимъ и Ѳеодоритъ, Евѳалій, псевдо-Аѳанасій, Икуменій, Baronius, Estius и др., Schrader, Straatman, Halmel), о чемъ сохранились воспоминанія и въ текстуальномъ преданіи (B^corr^KPL. 37. 47. 48; пеш. и коптскій [богаирскій] перев.). Однако это событіе совсѣмъ не предполагается упоминаніемъ (vi, 17) автора о язвахъ на его тѣлѣ, бывшемъ всегдашнимъ носителемъ таковыхъ, и у насъ вся опора для вычисленій будетъ лишь въ терминѣ τὸ πρότερον (iv, 13) въ рѣчи объ апостольскихъ посѣщеніяхъ Галатіи. Особенная выразительность употребленія этого слова съ членомъ не позволяетъ отожествлять его съ πάλαι—„нѣкогда доселѣ", „нѣкоторое время тому назадъ". Затѣмъ оказываются только двѣ возможности, что πρότερον 1) означаетъ „прежде" при непремѣнномъ сравненіи съ дальнѣйшимъ хронологическимъ пунктомъ, или 2) отмѣчаетъ первый разъ изъ двухъ уже бывшихъ. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ нѣтъ такого рѣзкаго и обязательнаго сопоставленія раннѣйшаго съ позднѣйшимъ, а это послѣднее (ср. i, 9. v, 3) не расчленяется на нѣсколько повторныхъ актовъ, но рисуется сплошнымъ и единичнымъ. По всему этому вѣроятнѣе и справедливо прини-

Digitized by Google

мается большинствомъ комментаторовъ второе толкованіе, которое превосходно выдерживаетъ всю энергичность апостольской фразы. Ясно, что св. Павелъ былъ лично у Галатовъ дважды [1] и могъ письменно аплеллировать къ нимъ развѣ при продолженіи своего третьяго миссіонерскаго путешествія.

Промежутокъ, прошедшій по удаленіи изъ галатійской области, намъ неизвѣстенъ въ точности, и мы заключаемъ о немъ по восклицанію горестнаго удивленія, что читатели *„такъ скоро* прелагаются во ино благовѣствованіе“ (I, 6). Правда, этотъ оттѣнокъ не должно преувеличивать до чрезмѣрности, ибо ταχέως оцѣнивается важностію катастрофы и само по себѣ одинаково значитъ и „быстро“ и „опрометчиво“. При всемъ томъ несомнѣнное усиленіе хронологическаго момента (чрезъ прибавку οὕτως) не допускаетъ большой длительности и заставляетъ согласиться, что здѣсь вполнѣ достаточно трехлѣтняго срока жизни Апостола въ Ефесѣ. Поелику же почти немыслимо, чтобы столь продуманное и глубокое посланіе было составлено на пути изъ Галатіи въ этотъ асійскую городъ (Hug, Rückert, Holsten, Belser), то обыкновенно пріурочиваютъ его появленіе къ ефесскому пребыванію (уже М. Викторинъ, потомъ Neander, Meyer, Reuss, Wieseler, B. Weiss, H. J. Holtzmann, Sieffert, Lipsius, Warfield), къ его началу (Schmiedel), а иногда и къ самому концу (Schaff).

Это мнѣніе вѣроятно со всѣхъ сторонъ, хотя косвенно направляется противъ него апостольское привѣтствіе (I, 2), гдѣ упоминаются не члены ефесской церкви, но лишь всѣ сущіе съ авторомъ братья (οἱ σὺν ἐμοὶ πάντες ἀδελφοί), которыхъ, повидимому, было немного, между тѣмъ ефесская община должна быть обширною. Разумѣется, аргументъ этотъ далеко не рѣшительный, однако—по нашему убѣжденію—заслуживаютъ глубокаго вниманія солидные доводы († J. B. Lightfoot'a), почерпаемые изъ самаго содержанія посланія. Они тѣмъ серьезнѣе, что, выдвигая безспорные факты, удачно отражаютъ критическія ихъ примѣненія и лишаютъ

---

[1] *V. Weber* разумѣетъ Дѣян. XIII, 14—XIV, 20 и XIV, 21—28, но это столь мало подходитъ къ дѣлу, что авторъ скорѣе склоненъ сомнѣваться насчетъ усвоенія идеи двукратности греческому термину.

Digitized by Google

реальныхъ основаній всѣ разрушительныя попытки критиковъ, стремящихся подорвать подлинность или неповрежденность всѣхъ памятниковъ литературной дѣятельности Павловой. Эти данныя заключаются въ тѣсномъ сходствѣ посланія къ Галатамъ съ нѣкоторыми другими. По отношенію ко 2 Кор. близкое совпаденіе иллюстрируется очень характерными примѣрами. Такъ, фраза: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Г. ш, 13) весьма сходна съ выраженіемъ (2 К. v, 21): *невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о немъ*, а присловіе (Г. vi, 7): *еже аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ* является небольшою варіаціей аналогичною ему (во 2 К. ix, 6): *сѣяй скудостію, скудостію и пожнешь, а сѣяй о благословеніи о благословеніи и пожнетъ*. Термины: „ино благовѣствованіе“ (Г. i, 6. 2 К. xi, 4), „нова̀ тварь“ (Г. vi, 15. 2 К. v, 17), „ревновать по васъ“ (Г. iv. 17. 2 К. xi, 2), „человѣкомъ угождати“, „человѣки увѣщевати“ (Г. i, 10. 2 К. v, 11), ἀπορεῖσθαι, κυρόω, κανών, τοὐναντίον, φοβοῦμαι μήπως, метафора о пожираніи другъ друга (Г. v, 15. 2 К. xi, 20)—всѣ эти типическія особенности преимущественно встрѣчаются въ двухъ поименованныхъ произведеніяхъ. Для 1 Кор. (v, 6) и Гал. (v, 9) замѣчательно тожество въ одинаковомъ употребленіи изреченія о маломъ квасѣ. Что до посланія къ Римлянамъ, то близость его къ Гал. сразу бросается въ глаза, ибо она рельефно выступаетъ и въ строеніи фразъ и въ теченіи всей аргументаціи и въ способѣ цитированія библейскихъ текстовъ (ср. Г. ii, 16 и Р. ш, 20 для Пс. cxiii, 2) [1] и въ пользованіи ветхозавѣтными историческими примѣрами при солидарной тенденціи всесторонняго убѣжденія, что оправданіе Авраама было отъ вѣры и наслѣдіе его достается другимъ (именно въ христіанствѣ) тѣмъ же путемъ, поелику законъ не сообщалъ праведности даже своимъ искреннимъ исповѣдникамъ, почему номистическое домостроительство было лишь временно-предуготовительнымъ институтомъ, завершается и

---

[1] Въ данномъ случаѣ для насъ не имѣетъ важности и предположеніе († *Weizsäcker*, *Vollmer*), будто сходство въ библейской цитаціи указываетъ на существованіе и распространенность сборниковъ библейскихъ мѣстъ, хотя для этой гипотезы нѣтъ ни основаній, ни нужды, разъ несомнѣнно, что евреи всегда отличались самымъ изощреннымъ знаніемъ Библіи на память.

Digitized by Google

устраняется во Христѣ—истинномъ Искупителѣ и божественномъ Обновителѣ человѣчества для свободной жизни по духу вопреки влеченіямъ плоти.

Сходство всей трехчленной группы писаній Павловыхъ изъ третьяго путешествія теперь достаточно несомнѣнно и, будучи фактическимъ, всего скорѣе должно объясняться соотвѣтственно подобнымъ явленіямъ въ посланіяхъ къ Ефесянамъ и Колосянамъ, или ихъ взаимною хронологическою близостію. Для пониманія ближайшей исторической преемственности между ними необходимо взвѣсить отношеніе писателя къ ветхозавѣтному религіозному устроенію въ іудаистическомъ извращеніи. Оно характеризуется рѣшительною оппозиціей Апостола къ такому ложному пониманію и примѣненію законничества, но само собою понятно, что протестъ всегда бываетъ напряженнѣе и рѣзче при обостреніи непосредственнаго столкновенія, чѣмъ послѣ, когда событія обсуждаются спокойнѣе. Съ этой точки зрѣнія посланіе къ Галатамъ гораздо пламеннѣе и страстнѣе письма въ Римъ, гдѣ господствуетъ болѣе мирный тонъ объективнаго историческаго созерцанія, а потому первое будетъ раннѣйшимъ по происхожденію. Въ Гал. v, 19—21 среди плотскихъ дѣлъ перечисляется совсѣмъ не чувственные грѣхи,—очевидно,—потому, что ихъ связала сама жизнь съ чисто плотяными пороками: это мы и находимъ въ Коринѳѣ, гдѣ зависть, клеветы и раздоры шли наряду съ тѣлесными непотребствами (2 Кор. xп, 20—21). Значитъ, при обращеніи къ Галатамъ коринѳскія неурядицы были точно извѣстны Апостолу. Тогда и увѣщаніе его духовнымъ къ исправленію согрѣшающихъ въ духѣ кротости (Г. vi, 1) можно принимать за отголосокъ эпизода съ коринѳскимъ кровосмѣсникомъ, котораго суровость общины грозила довести до отчаянія. Но, кажется, при 1 Кор. св. Павелъ еще не былъ подробно освѣдомленъ о галатійскихъ шатаніяхъ, поелику (въ xvi, 1) рекомендуетъ по вопросу о сборѣ подаяній на „святыхъ“ іерусалимскаго братства галатійскую практику [1], которая во время іудаистическаго

[1] Изъ этого обстоятельства тоже стараются извлечь аргументъ въ пользу южно-галатійской теоріи, ибо—по соображенію Дѣян. XX, 4 и 2 Кор. VIII, 18—23—оказывается, что въ числѣ представителей отъ церквей съ милостынными приношеніями были лица не изъ сѣверной,

Digitized by Google

прельщенія едва ли соблюдалась ради выполненія апостольскихъ завѣтовъ; да и сами Галаты, поколебавшись въ своей христіанской устойчивости, конечно, уже не было бы достойнымъ образцомъ для подражанія. Вопреки сему кажется вѣроятнымъ, что ко 2 Кор. благовѣстникъ зналъ о прискорбныхъ замѣшательствахъ въ Галатіи, ибо фраза, что его занимаетъ попеченіе всѣхъ церквей (xi, 28), будетъ содержательнѣе и конкретнѣе, если мы допустимъ, что она была продиктована тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ дурныхъ вѣстей съ береговъ Сангарія и Галиса.

Съ этими наблюденіями гармонируетъ, что за періодъ 1 Кор. положеніе Апостола рисуется мрачными чертами,—и оно мало смягчается во 2 Кор., между тѣмъ въ Гал. всѣ скорби почитаются пережитыми и какъ бы минувшими, если свои страданія св. Павелъ выдвигаетъ здѣсь въ качествѣ нагляднаго и неотразимаго знаменія своей тѣснѣйшей принадлежности ко Христу, отвергая всякія дальнѣйшія удрученія (vi, 17), поскольку для засвидѣтельствованія апостольскаго достоинства достаточно и бывшихъ доселѣ. Равно и въ отношеніяхъ іудействующихъ замѣчается, что въ эпоху Коринѳскихъ посланій іудаистическая полемика затрогиваетъ преимущественно благовѣстническую личность въ ея миссіонерскомъ поведеніи и не столь отчетливо касается догматическихъ пунктовъ. Такъ повсюду бываетъ при началѣ жизненныхъ коллизій, когда не раскрылись всѣ детали принципіальныхъ разнорѣчій.

Въ Галатійскомъ письмѣ точкою отправленія служатъ личныя нападки, и однако въ немъ все освѣщается догматически въ смыслѣ коренной противности законничества и благодатной свободы. Это знаменуетъ позднѣйшій историческій моментъ, почему всѣ писанія апостольскія изъ третьяго путешествія справедливо расположить такъ, что посланіе къ Галатамъ будетъ въ срединѣ между письмами въ Коринѳъ и Римъ, — около времени изданія 2 Кор. (Stein, Conybeare-Howson, Lightfoot, Brückner, P. Hartmann), а не ближе къ послѣднему—по сомнительной

а только изъ южной Галатіи, которую, будто бы, и нужно разумѣть въ 1 Кор. XVI, 1. Но Дѣеписатель вовсе не упоминаетъ о подобномъ представительствѣ, какъ было бы странно и отправлять деньги въ Іерусалимъ чрезъ Писидію или Ликаонію.

Digitized by Google

всячески датировкѣ коринѳскимъ пребываніемъ [1] предъ отправленіемъ благовѣстника въ Іерусалимъ (De Wette, Bleek, Farrar, M. Dods) или на пути туда (Dalmer), даже во время кесарійскаго заключенія (Kühn). Въ ахейскую митрополію Апостолъ писалъ въ первый разъ до оставленія ефесскихъ предѣловъ (1 Кор. xvi, 8) по веснѣ 57 г. [2] и затѣмъ, обрадованный въ Македоніи прибытіемъ своихъ посланцовъ съ добрыми сообщеніями насчетъ Коринѳянъ (2 Кор. vii, 5—6 и ср. 1 Кор. xvi, 10—11. 2 Кор. xii, 18), адресуется къ нимъ вторично (2 Кор. vii, 9). Ефесъ же была покинутъ во всякомъ случаѣ не позднѣе пятидесятницы (1 Кор. xvi, 8) въ 57 г., при чемъ,—судя по крайней нетерпѣливости въ ожиданіи Тита (2 Кор. ii, 12—13),—путь до встрѣчи съ нимъ въ Македоніи (2 Кор. vii, 5—6) былъ совершенъ съ самою быстрою поспѣшностію и едва ли занялъ хоть полгода. Отсюда слѣдуетъ, что обозрѣваемое посланіе наряду со 2 Кор. было издано въ неизвѣстной намъ македонской мѣстности въ концѣ 57-го и никакъ не дальше начала 58-го года—до удаленія св. Павла въ Грецію.

Въ такой обстановкѣ все настолько исторически естественно, что этимъ заранѣе обезпечивается

§ 5) Подлинность посланія къ Галатамъ

въ качествѣ неподложнаго и неповрежденнаго апостольскаго произведенія. Наравнѣ съ немногими другими новозавѣтными памятниками—оно долго сохраняло свою неприкосновенность, и лишь въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія Bruno Bauer началъ свой разрушительный походъ противъ всей новозавѣтной письменности. Думая, что христіанство было собственно лишь оригинальнымъ продуктомъ римскаго стоицизма императорской эпохи, онъ всѣ посланія Павловы относилъ къ эпохѣ Адріана (117—138 гг.)—Марка Аврелія (161—180 гг.), а письмо въ Галатію считалъ завершеніемъ всего процесса, возникшимъ съ цѣлію вытѣснить

[1] Къ этому заключенію склоняется и C. Clemen, считая Галат. позднѣйшимъ Рим., но для сего онъ допускаетъ, что Дѣян. XV и Гал. II должны относиться ко времени послѣ Дѣян. XXI, 17 сл.

[2] Всѣ эти и подобныя хронологическія даты не имѣютъ абсолютной точности и указываются лишь приблизительно.

Digitized by Google

изъ церковнаго сознанія образъ эллинскаго миссіонера, начертанный въ книгѣ Дѣяній съ одинаковою недостовѣрностію (Kritik der paulin. Briefe 1850; Christus u. die Caesaren 1877). Въ 1878 г. голландецъ Allard Pierson объявилъ въ Гал. подлинными только нѣкоторые отрывки, переработанные анонимнымъ крайнимъ павлинистомъ съ каррикатурнымъ искаженіемъ истинной исторической фигуры. Предпочитая для нея дѣеписательскую обрисовку, голландскій богословъ A. D. Loman пытался (въ 1882 г.) поддержать этотъ выводъ пространною аргументаціей того тезиса, что историческія свидѣтельства о Гал. не простираются за грань II-го в., когда фактически и сформировался павлинизмъ по оппозиціи іудаистическому мессіанству первенствующихъ христіанскихъ церквей и въ интересахъ торжества универсалистическихъ началъ. Въ Германіи къ сему примкнулъ (въ 1883 г.) лишь раввинъ Joel и въ Англіи (въ 1887 г.) Edwin Johnson (псевдонимный авторъ книги Antiqua Mater), но въ Голландіи постепенно слагалась цѣлая школа (Loon, Meijboom, Matthes, Bruins) съ самыми рѣзкими разрушительными тенденціями. Высшимъ выраженіемъ ихъ служитъ совокупное сочиненіе A. Pierson'a и S. A. Naber'a Verisimilia (1886 г.), гдѣ доказывается, что главнѣйшія Павловы посланія, вышедши первоначально изъ круговъ свободомыслящаго и спиритуалистическаго іудейства, были редактированы потомъ Павломъ епископомъ въ духѣ и соотвѣтствіи съ позднѣйшимъ христіанскимъ развитіемъ. Авторитетность Гал. была подорвана, и швейцарскій проф. Rud. Steck обрушился (въ 1888 г. и потомъ въ 1889. 1891. 1892. 1895. 1897 гг.) на его содержаніе, откуда пытался обосновать, что это посланіе всѣ свои матеріалы почерпаетъ изъ 1—2 Кор. Рим. и Дѣян. безъ достаточно осмысленнаго разумѣнія, но съ полнымъ противоіудейскимъ ожесточеніемъ ослѣпленной ненависти, которая разжигалась обнаруженіемъ въ каѳолической церкви іудейскихъ теченій.

Нужно констатировать прежде всего, что подобный итогъ принятъ очень немногими учеными (van Manen въ Голландіи, Voelter и J. Friedrich [Maehliss] въ Германіи), и уже это это одно убѣждаетъ въ субъективной тенденціозности подобныхъ гипотезъ, для принятія коихъ нужно имѣть напередъ прямую предубѣжденность. Отсюда необхо-

Digitized by Google

димо вытекаетъ, что нѣтъ твердыхъ фактическихъ данныхъ, будто Гал. вмѣстѣ съ Рим. и 1—2 Кор. не существовали до II-го в., когда появились эти предвѣстники антиномистическаго маркіонизма изъ концентраціи идей эллинистическаго іудейства (филоновскаго), стоицизма (Bruno Bauer) и „оріентализма". Но внѣшнія удостовѣренія вполнѣ солидны: Гал. входило въ Маркіоновскій Apostolicon (около 140 г.), въ переводы сирскій и древнелатинскій, перечисляется въ Мураторіевомъ канонѣ, сказывается въ подборѣ и истолкованіи ветхозавѣтныхъ изреченій у Іустина Муч. (Dial. 90. 95. 96 и Apol. I, 53 ср. Гал. III, 10. 13. IV, 27), замѣтно у Аѳинагора (Legatio 16) и цитуется у Иринея (III, 6: 5; 16: 3. V, 21: 1), Климента ал. (Strom. III, 16), Тертулліана и др., было въ употребленіи у разныхъ еретиковъ и сектантовъ, напр. валентиніанъ и офитовъ, а св. Поликарпъ заимствуетъ выраженія (Филипп. 3: ἥτις ἐστὶν μήτηρ πάντων ἡμῶν ср. Гал. IV, 26) съ предвареніемъ касательно ихъ извѣстности среди христіанъ (ibid. 5: εἰδότες οὖν ὅτι ὁ θεὸς οὐ μυκτηρίζεται ср. Гал. VI, 7), чѣмъ свидѣтельствуется распространенность одинаковаго источника, какимъ могъ быть только письменный.

Ослабляютъ эти наблюденія спорностію самыхъ патристическихъ памятниковъ, которые пріурочиваются къ позднему времени. Эти покушенія праздны и неубѣдительны, ибо историческіе документы никогда не опредѣляются побычными предзанятыми соображеніями, гдѣ явное пристрастіе насилуетъ первые и роняетъ послѣднія. Главное же заключается совсѣмъ не въ десяткахъ лѣтъ, и при запутанности вопросовъ мы готовы пожертвовать ими безъ особеннаго риска. Необходимо обратить спеціальное вниманіе, что намъ не просто констатируется наличность того или иного апостольскаго писанія. Наряду съ этимъ всегда выдвигается его авторитетная важность, обязательная для каждаго христіанина по достоинству автора и содержанія. Само собою понятно, что литературный подлогъ не могъ пріобрѣсти въ краткій срокъ ни широкаго распространенія, ни высокаго значенія. Въ такомъ случаѣ указаніями II в. мы безусловно вынуждаемся допустить гораздо раннѣйшую эпоху для происхожденія Гал., которое и будетъ апостольскимъ, если не рѣшаться на абсурдъ

Digitized by Google

отрицанія радикальными критиками историческаго бытія самого св. Павла и даже Христа Спасителя.

Затѣмъ все исчерпывается чисто теоретическими возраженіями, что столь острый антиномизмъ былъ бы ненатуральнымъ въ ранніе періоды христіанской церкви. Все это вполнѣ справедливо для тюбингенской схемы, рисующей въ I-мъ вѣкѣ непримиренную вражду оппозиціонныхъ теченій павлинизма и петринизма, между тѣмъ очевидно, что прежде столкновеній они должны были еще сформироваться, развиться и окрѣпнуть, для чего требовался, конечно, долгій промежутокъ. Но въ существѣ своемъ критическое замѣчаніе только изобличаетъ фальшивость бауровскаго воззрѣнія и, основательно разбивая его, ничуть не устраняетъ самаго комментируемаго факта. Онъ гласитъ собственно не были того, что въ апостольскій вѣкъ возникали затрудненія и были недоумѣнія насчетъ отношенія ветхозавѣтнаго религіознаго устроенія къ благодатно-христіанскому. Едва ли можно оспаривать, что эти задачи возбуждались самою жизнію, гдѣ новое неизмѣнно и неизбѣжно борется со старымъ. Но въ первенствующемъ іерусалимскомъ братствѣ удерживалась мирная связь съ священно-іудейскою религіозностію. Для нарушенія спокойнаго равновѣсія нуженъ былъ внѣшній толчокъ, и онъ всего скорѣе создавался нарожденіемъ христіанскихъ общинъ, которыя не имѣли подобной генетической близости и самымъ своимъ существованіемъ отрицали важность для христіанской зрѣлости всякихъ іудейскихъ религіозныхъ нормъ. Такъ историческимъ ходомъ событій ставился на очередь и пріобрѣталъ жизненную напряженность вопросъ о судьбѣ ветхозавѣтнаго религіознаго уклада въ христіанскомъ царствѣ Божіемъ. По всему неотразимо теперь, что для іудаистической оппозиціи и для антиномистической полемики были и поводы и права лишь при возникновеніи и постепенномъ образованіи языческихъ христіанскихъ церквей, или въ самую кипучую пору дѣятельности историческаго Павла. Съ другой стороны въ историческомъ процессѣ прогрессивнаго возмужанія первоначальныя неровности и несогласованности устранялись движеніемъ самой жизни христіанской, которая избирала себѣ прочное русло и протекала въ немъ безъ прежней бурливости. Шероховатости и коллизіи исчезали уже въ минув-

Digitized by Google

шемъ и являлись потомъ неумѣстными. Въ этомъ смыслѣ іудаистическія осложненія, законныя при расширявшейся миссіонерской работѣ среди язычниковъ, были просто странны по заключеніи ея во II мъ столѣтіи. Теперь всѣ недоразумѣнія были покончены и освѣщены жизненнымъ историческимъ опытомъ, который поглощалъ ихъ собою, вручая грядущему готовый результатъ. И мы видимъ по писаніямъ Варнавы, Климента р., Варнавы и по „Ученію XII-ти Апостоловъ", что во II-мъ в., когда приверженность къ ветхозавѣтному закону заявляла себя слабо среди христіанъ (см. Іуст. Dial. 47. Игнат.: къ Филадельф. vi, 1; къ Магнез. viii, 1. ix, 1. x, 3 и др.), совсѣмъ не было такой жгучей остроты касательно взаимности мозаизма и благодати; эта проблемма считается рѣшенною въ духѣ свободы Павловой даже въ „Клементинахъ"—при всей ихъ ненависти къ имени св. Павла.

Въ итогѣ у насъ получается, что—фактически и догматически—посланіе къ Галатамъ гораздо понятнѣе въ вѣкъ апостольскій и потому оказывается подлиннымъ апостольскимъ произведеніемъ. Всѣ дальнѣйшія подозрѣнія будутъ уже простою придирчивостію упорства въ своихъ тенденціозныхъ убѣжденіяхъ. Вѣрно, что въ этомъ документѣ есть загадочные пункты, напр., о быстромъ отпаденіи Галатійцевъ, путешествіи въ Аравію, столкновеніи съ Петромъ въ Антіохіи (Friedrich), но все это неудивительно при недостаточности нашихъ свѣдѣній о всѣхъ частностяхъ апостольской эпохи и должно быть принимаемо въ качествѣ новаго матеріала для нея. Въ этомъ причина и не совершенной гармоніи съ книгою Дѣяній (Steck и др.), хотя вездѣ вторая лишь восполняетъ Гал. и сама во многомъ почерпаетъ отчетливость изъ него. Тоже находимъ и касательно зависимости отъ Рим. и 1—2 Кор. (Steck), поскольку 1) сама по себѣ она не ведетъ къ отрицанію подлинности Гал., 2) вполнѣ естественна при условіи ихъ хронологической близости по изданію и 3) скорѣе была обратною, ибо внимательный анализъ открываетъ между Гал. и Рим. взаимоотношеніе законченнаго эскиза, строго отвѣчающаго живымъ потребностямъ минуты, и спокойнаго теоретическаго созерцанія. Въ упоминаніи (vi, 11) о собственноручности написанія нельзя (со Steck'омъ) усматривать стрем-

Digitized by Google

леніе фальсификатора оградить свой подлогъ категорическимъ усвоеніямъ его Апостолу языковъ, поелику рѣчь тутъ направляется не къ удостовѣренію подлинности. Напротивъ, авторъ выдвигаетъ такую деталь для наглядной иллюстраціи своей самопреданной любви къ читателямъ. Подобная аргументація мыслима только въ живой дѣйствительности, а никакъ не для отвлеченной тенденціозности, почему и отсюда слѣдуетъ, что разбираемое посланіе есть подлинное апостольское твореніе. При этомъ оно изъ начала пріобрѣтало заботливыхъ хранителей, и апостольское достоинство было надежнымъ стражемъ его неприкосновенности.

Посему предъ нами обезпечивается и обычная для подобныхъ литературныхъ документовъ

§ 6) Неповрежденность посланія къ Галатамъ

по тексту и — слѣдовательно — по составу содержанія. Тертулліанъ и Епифаній сообщаютъ, что Маркіонъ объявилъ церковный его типъ неистиннымъ и сдѣлалъ свою рецензію въ интересахъ изъятія позднѣйшихъ наслоеній и вставокъ (интерполяцій) для приближенія къ апостольскому оригиналу. Но, полагая Гал. во главѣ своего Apostolicon'а въ качествѣ первенствующаго (principalis). этотъ гностикъ половины II-го в. рѣшалъ текстуально-критическіе вопросы масштабомъ своей крайней антиномистической догмы, отсѣкая ради ея все непригодное, между тѣмъ требовалось бы соподчинять свою теорію письменному апостольскому слову. Поэтому очевидно, что Маркіоновская рецензія не обладаетъ фактическою обоснованностію и не набрасываетъ тѣни на сохранившую церковную форму. Послѣдней непоколебали и новѣйшія текстуальныя операціи, которыя (у Pierson & Naber'а и Voelter'а) переплетались съ сомнѣніями въ подлинности и потомъ (частію у Weisse 1867 г., больше и особенно) въ голландской школѣ (Harting, van de Sande-Backhuyzen, van Manen, Baljon, Cramer) развились въ цѣлую систему конъектуральной критики, производящей текстуальныя исправленія ex conjectura, т. е. по предположенію о необходимости такого или иного чтенія безъ фактическихъ опоръ въ текстуальномъ аппаратѣ. Подобные пріемы обыкновенно дозволяются по безусловной неизбѣжности и въ

Digitized by Google

самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, а потому возобладаніе обратныхъ настроеній въ новозавѣтной текстуальной сферѣ является и не нормальнымъ и не научнымъ, вмѣстѣ и пагубно-вреднымъ. И въ наличности чрезъ это водворяется совершенный произволъ, отвергающій и принимающій разныя редакціи единственно потому, что одна кажется болѣе соотвѣтствующей благовѣстническимъ намѣреніямъ Павловымъ, чѣмъ другая. Но откуда мы знаемъ апостольскія воззрѣнія, когда утверждается, что подлинныхъ выразителей ихъ не сохранилось? Въ такомъ случаѣ не обнаруживается ли этимъ, что „критическій павлинизмъ", будучи тенденціозно-измышленнымъ, является совсѣмъ не дѣйствительнымъ, почему и требуетъ устраненія или извращенія подлиннаго, которымъ отрицается? Съ этой стороны текстуально-критическія покушенія изобличаютъ собственно тщетность принципіальныхъ критическихъ подозрѣній и— подобно Маркіоновскимъ — не отнимаютъ авторитетности у традиціонной текстуальной редакціи Гал. Для конъектуральныхъ экспериментовъ голландскихъ радикаловъ нѣтъ и внѣшнихъ побужденій, поелику для научной текстуальной оцѣнки у насъ имѣются достаточные матеріалы во свидѣтельствахъ рукописей [1] и переводовъ [2], по которомъ все возстановляется литературно - критическими способами съ

---

[1] Цѣликомъ въ 10-ти унціалахъ (изъ 20-ти для Павловыхъ посланій) ℵABCDEFGKLP, въ отрывкахъ F*HN, до 485-ти курсивныхъ списковъ и около 265-ти лекціонаріевъ.

[2] Для греческаго текста см. спеціальныя замѣчанія у Prof. *Friedr. Zimmer*, Zur Textkritik des Galaterbriefs въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» XXIV (1881), 4, S. 481—494; XXV (1882), 3, S. 327—343; XXVI (1883), 3, S. 294—308; для латинскихъ версій—Italafragmente der Paulinischen Briefe von *L. Ziegler*, eingeleitet durch ein Vorwort von Prof. Dr. E. Ranke (Marburg 1876), *Fr. Zimmer*, Der Galaterbrief im altlateinischen Text, als Grundlage für einen textkritischen Apparat der Vetus Latina въ «Theologische Studien und Skizzen aus Ostpreussen» I (Königsberg 1877), *Petrus Corssen*, Epistula ad Galatas ad fidem optimorum codicum Vulgatae recognovit, prolegomenis instruxit, Vulgatam cum antiquioribus versionibus comparavit (Berolini 1885), *J. Belsheim*, Appendix epistolarum Paulinarum ex Codice Sangermanensi Petropolitano (Christianiae 1887). Что до перевода славянскаго, то здѣсь для критики имѣются лишь нѣкоторыя указанія и матеріалы только въ магистерской диссертаціи проф. *Г. А. Воскресенскаго*, Древній славянскій переводъ Апостола и его судьба до XV в. (Москва 1879), стр. 312—325.

Digitized by Google

реальныхъ основаній всѣ разрушительныя попытки критиковъ, стремящихся подорвать подлинность или неповрежденность всѣхъ памятниковъ литературной дѣятельности Павловой. Эти данныя заключаются въ тѣсномъ сходствѣ посланія къ Галатамъ съ нѣкоторыми другими. По отношенію ко 2 Кор. близкое совпаденіе иллюстрируется очень характерными примѣрами. Такъ, фраза: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Г. ш, 13) весьма сходна съ выраженіемъ (2 К. v, 21): *невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о немъ*, а присловіе (Г. vi, 7): *еже аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ* является небольшою варіаціей аналогичною ему (во 2 К. ix, 6): *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ, а сѣяй о благословеніи о благословеніи и пожнетъ*. Термины: „ино благовѣствованіе“ (Г. i, 6. 2 К. xi, 4), „нова̀ тварь“ (Г. vi, 15. 2 К. v, 17), „ревновать по васъ“ (Г. iv. 17. 2 К. xi, 2), „человѣкомъ угождати“, „человѣки увѣщевати“ (Г. i, 10. 2 К. v, 11), ἀπορεῖσθαι, κυρόω, κανών, τοὐναντίον, φοβοῦμαι μήπως, метафора о пожираніи другъ друга (Г. v, 15. 2 К. xi, 20)—всѣ эти типическія особенности преимущественно встрѣчаются въ двухъ поименованныхъ произведеніяхъ. Для 1 Кор. (v, 6) и Гал. (v, 9) замѣчательно тожество въ одинаковомъ употребленіи изреченія о маломъ квасѣ. Что до посланія къ Римлянамъ, то близость его къ Гал. сразу бросается въ глаза, ибо она рельефно выступаетъ и въ строеніи фразъ и въ теченіи всей аргументаціи и въ способѣ цитированія библейскихъ текстовъ (ср. Г. ii, 16 и Р. ш, 20 для Пс. cxlii, 2) [1] и въ пользованіи ветхозавѣтными историческими примѣрами при солидарной тенденціи всесторонняго убѣжденія, что оправданіе Авраама было отъ вѣры и наслѣдіе его достается другимъ (именно въ христіанствѣ) тѣмъ же путемъ, поелику законъ не сообщалъ праведности даже своимъ искреннимъ исповѣдникамъ, почему номистическое домостроительство было лишь временно-предуготовительнымъ институтомъ, завершается и

---

[1] Въ данномъ случаѣ для насъ не имѣетъ важности и предположеніе († *Weizsäcker*, *Vollmer*), будто сходство въ библейской цитаціи указываетъ на существованіе и распространенность сборниковъ библейскихъ мѣстъ, хотя для этой гипотезы нѣтъ ни основаній, ни нужды, разъ несомнѣнно, что евреи всегда отличались самымъ изощреннымъ знаніемъ Библіи на память.

Digitized by Google

устраняется во Христѣ—истинномъ Искупителѣ и божественномъ Обновителѣ человѣчества для свободной жизни по духу вопреки влеченіямъ плоти.

Сходство всей трехчленной группы писаній Павловыхъ изъ третьяго путешествія теперь достаточно несомнѣнно и, будучи фактическимъ, всего скорѣе должно объясняться соотвѣтственно подобнымъ явленіямъ въ посланіяхъ къ Ефесянамъ и Колосянамъ, или ихъ взаимною хронологическою близостію. Для пониманія ближайшей исторической преемственности между ними необходимо взвѣсить отношеніе писателя къ ветхозавѣтному религіозному устроенію въ іудаистическомъ извращеніи. Оно характеризуется рѣшительною оппозиціей Апостола къ такому ложному пониманію и примѣненію законничества, но само собою понятно, что протестъ всегда бываетъ напряженнѣе и рѣзче при обостреніи непосредственнаго столкновенія, чѣмъ послѣ, когда событія обсуждаются спокойнѣе. Съ этой точки зрѣнія посланіе къ Галатамъ гораздо пламеннѣе и страстнѣе письма въ Римъ, гдѣ господствуетъ болѣе мирный тонъ объективнаго историческаго созерцанія, а потому первое будетъ раннѣйшимъ по происхожденію. Въ Гал. v, 19—21 среди плотскихъ дѣлъ перечисляется совсѣмъ не чувственные грѣхи,—очевидно,—потому, что ихъ связала сама жизнь съ чисто плотяными пороками: это мы и находимъ въ Коринѳѣ, гдѣ зависть, клеветы и раздоры шли наряду съ тѣлесными непотребствами (2 Кор. xп, 20—21). Значитъ, при обращеніи къ Галатамъ коринѳскія неурядицы были точно извѣстны Апостолу. Тогда и увѣщаніе его духовнымъ къ исправленію согрѣшающихъ въ духѣ кротости (Г. vi, 1) можно принимать за отголосокъ эпизода съ коринѳскимъ кровосмѣсникомъ, котораго суровость общины грозила довести до отчаянія. Но, кажется, при 1 Кор. св. Павелъ еще не былъ подробно освѣдомленъ о галатійскихъ шатаніяхъ, поелику (въ xvi, 1) рекомендуетъ по вопросу о сборѣ подаяній на „святыхъ“ іерусалимскаго братства галатійскую практику [1], которая во время іудаистическаго

[1] Изъ этого обстоятельства тоже стараются извлечь аргументъ въ пользу южно-галатійской теоріи, ибо—по соображенію Дѣян. XX, 4 и 2 Кор. VIII, 18—23—оказывается, что въ числѣ представителей отъ церквей съ милостынными приношеніями были лица не изъ сѣверной,

Digitized by Google

перерождился въ неуязвимаго и непоколебимаго воина Христова. Даже позднѣйшая исторія христіанской Галатіи была далеко не блестяща, а писатели IV-го в. (Евсевій и блаж. Іеронимъ) прямо свидѣтельствовали, что апостольскіе упреки изъ временъ дѣтства были совершенно пригодны и къ эпохѣ ея мужества. При этихъ и многихъ другихъ условіяхъ, благопріятствовавшихъ іудаистическимъ кознямъ, не столь трудно было лжебратьямъ поколебать „несмысленныхъ" Галатійцевъ очаровавъ ихъ напрасными обѣтованіями лучшаго христіанскаго положенія, которое оспаривалось въ ихъ просвѣтителѣ и его апостольскою некомпететностію по сравненію съ „мнимыми столпами". Теперь натурально, что въ личномъ присутствіи своего отца Галаты шли хорошо (iv, 18. v, 7) и одушевленною ревностію вызывали свѣтлыя надежды, равно какъ довольно понятно, что вскорѣ же поразили своимъ опрометчивымъ шатаніемъ (i, 6).

Кратко сказать, посланіе къ Галатамъ точно оправдывается всѣми историческими обстоятельствами, которыя давали и достаточный *поводъ*, поелику писатель—Павелъ, конечно, долженъ былъ защищать дѣло Павла—проповѣдника, разъ оно потрясалось и вмѣстѣ съ этимъ являлась опасность для самой евангельской истины. Значитъ, все это было важно въ принципіальномъ смыслѣ, и Апостолъ долженъ былъ поспѣшить со своимъ отрезвляющимъ рѣшеніемъ, а интересъ горячей любви и бдительной заботливости о своихъ галатійскихъ дѣтяхъ удовлетворительно объясняетъ, почему дурныя новости съ береговъ Сангарія и Галиса достигли до него скоро, хотя и неизвѣстными намъ путями. Вѣроятно, благовѣстникъ распорядился на этотъ счетъ при своемъ удаленіи, или нѣкоторые члены галатійскаго братства почувствовали нужду въ непосредственномъ апостольскомъ совѣтѣ и вразумленіи. Поэтому не видится поводовъ къ гипотезѣ (J. Chr. K. v. Hofmann 1879 г., Friedr. Zimmer 1882 г., Th. Zahn 1897 г., W. M. Ramsay 1899 г.) о письменномъ увѣдомленій самихъ Галатовъ, какъ она скорѣе опровергается и фактомъ недоумѣній св. Павла касательно всѣхъ частностей происходящаго у нихъ (iv, 20) [1].

---

[1] Повидимому, св. Павлу іудействующіе обольстители были лично неизвѣстны (ш, 1. v, 7), хотя одного изъ нихъ онъ, кажется, выдѣляетъ

Digitized by Google

Но главнѣйшее было несомнѣнно и состояло въ „измѣнѣ". Потому и прямая *цѣль* посланія опредѣлялась отсюда въ усиліи къ возвращенію отпавшихъ и въ укрѣпленіи колеблющихся чрезъ огражденіе собственнаго достоинства Евангелія Христова. А послѣднее потрясалось тѣмъ, что отрицался апостольскій авторитетъ благовѣстника и чрезъ это заподозривалась правильность его отличительнаго ученія.

Соотвѣтствуетъ такой полемикѣ и *общій характеръ* посланія. Въ немъ писатель I) сначала утверждаетъ свои апостольскія преимущества для независимаго служенія, II) потомъ устраняетъ іудаистическія воззрѣнія съ обезпеченіемъ безупречности своей проповѣди и III) въ итогѣ полагаетъ незыблемыя основы для истинно христіанской жизни, чуждой и фарисейско-іудаистическаго формализма и языческо-плотяной разнузданности. Такъ получаются—кромѣ введенія (I, 1—5) и заключенія (VI, 11—18)—три части:—индивидуально-апологетическая (I—II глл.), догматико-полемическая (III—IV глл.) и морально-увѣщательная (V—VI глл.). Это порядокъ логически послѣдовательный, но онъ былъ фактически объективнымъ и условливался подлинными условіями. Естественно, что, развивая и раскрывая мысли приспособительно къ тяжелымъ потребностямъ церковныхъ неурядицъ, Апостолъ пишетъ далеко не съ радостнымъ сердцемъ, не выражаетъ читателямъ обычныхъ благодареній и въ самомъ изложеніи проявляетъ бурную пламенность и порывистую стремительность аргументаціи и словеснаго формулировки. Но и въ этомъ сказывается жизненная самопреданность благовѣстника истинѣ Христовой, которая, естественно, находила теперь наиболѣе отчетливое выраженіе, соотвѣтствующее историческимъ нуждамъ и потому всегда пригодное при историческомъ прогрессѣ христіанскихъ обществъ.

Все это обязываетъ и насъ представить точный

особенно (V, 10), но нѣтъ основаній считать (напр., вмѣстѣ съ *Wilh. Karl*) этимъ врагомъ сатану.

Digitized by Google

I, 1—5.11.

II.

Анализъ содержанія посланія къ Галатамъ

по разсматриваемымъ въ немъ вопросамъ 1) объ авторитетѣ св. Павла, какъ Апостола и благовѣстника Христова, 2) о свободѣ Евангелія благодати и 3) о чистотѣ христіаской жизни въ Духѣ.

§ 1) Апостольско-благовѣстническое достоинство св. Павла.

Писатель прямо усвояетъ себѣ титулъ „Апостола". Поелику же послѣдній имѣлъ обширный смыслъ уполномоченнаго вѣстника вообще, то св. Павелъ придаетъ ему строго точное и спеціальное значеніе. усвояя себѣ достоинство божественнаго избранника для совершенія христіанской миссіи. Поэтому и подчеркивается выразительно, что онъ не представитель извѣстнаго союза людей, когда являлся бы носителемъ ихъ особенныхъ чисто человѣческихъ воззрѣній; но—съ другой стороны—божественныя начала его проповѣди восприняты имъ „не отъ человѣка" и дошли до него безъ посредства человѣческаго при которомъ и авторитетъ личности и качественное содержаніе ученія необходимо условливались бы этимъ посредникомъ. При устраненіи всего подобнаго необходимо допустить, что благовѣстническое полномочіе, будучи дѣйствительнымъ, исходитъ отъ самаго Христа Іисуса и будетъ фактически истиннымъ, являясь законнымъ юридически. При несомнѣнности такихъ свойствъ оказывается равно безспорнымъ и соизволеніе Отчее, поскольку св. Павелъ въ своемъ апостольскомъ служеніи вѣрно воспроизводитъ искупительное дѣло Господа Спасителя въ преданіи Самого Себя за грѣхи наши и для избавленія насъ отъ царствующаго понынѣ космическаго (естественнаго) лукавства, а все это было по волѣ славимаго во вѣки Бога и Отца нашего (I, 1—5), почему Онъ одинако благословляетъ и освящаетъ безупречное апостольское слово о подвигѣ Христовомъ.

По силѣ этого имѣемъ, что „Евангеліе" Павлово тоже не человѣческое (I, 11) и по происхожденію и по содержанію,

Digitized by Google

какъ ясно изъ того, что авторъ и принялъ и постигъ его во всей полнотѣ „не отъ человѣка“ (I. 12). Первое не отрицаемо по крайней ревнительности прежняго зилотическаго жидовствованія [1], гдѣ всѣ силы ума и сердца были сосредоточены на беззавѣтномъ преуспѣяніи въ іудаизмѣ со всѣми его законами и традиціонными преданіями, а вліяніе Церкви исключается жестокимъ гонительствомъ противъ нея (I, 13—14). Теперь остается лишь одна причина—въ откровеніи Іисуса Христа о Себѣ (ср. I, 12) по благоволенію Бога, который въ бывшемъ „хульникѣ“ явилъ Сына Своего настолько, что призванный сталъ живымъ воплощеніемъ Распятаго (I, 15—16). Вмѣстѣ съ сообщеніемъ Евангелія тутъ, очевидно, было дано и совершенное его разумѣніе, которое опять будетъ не отъ человѣка (I, 12). Тогда, конечно, немыслимы и дальнѣйшія человѣческія позаимствованія — точно въ дополненіе или исправленіе къ божественно-откровенному достоянію, когда оно требуетъ лишь строгаго охраненія во всей первоначальной неприкосновенности. Понятно, что св. Павелъ не прибѣгалъ къ человѣческимъ знаменитостямъ (I, 16) и не обязанъ ихъ естественно-ограниченному просвѣщенію. Вотъ наглядные аргументы. „Предніе“ Апостолы были первѣйшими свидѣтелями о Христѣ,—и тѣмъ не менѣе, поскольку они были „плотію и кровію“ или по историческимъ преимуществамъ, новообращенный не пошелъ къ нимъ совѣтоваться насчетъ откровенія, ибо послѣднее имѣло свою опору не въ нихъ, а въ единомъ для всѣхъ источникѣ — Богѣ. Вопреки обычнымъ человѣческимъ соображеніямъ Савлъ отправился въ Аравію и оттуда снова возвратился въ Дамаскъ (I, 17). I, 12—17 (путешествіе въ Аравію).

Объ этомъ путешествіи книга Дѣяній совсѣмъ не упоминаетъ, и весь вопросъ будетъ въ томъ, находится ли для него здѣсь достаточное и удобное мѣсто. Склоняясь къ положительному отвѣту, напередъ предупреждаемъ категорически, что, по нашему мнѣнію, *дніе доволны* въ рефератѣ св. Луки. (Дѣян. IX, 23) о дамасскомъ пребываніи едва ли справедливо относитъ къ

---

[1]) Отсюда однако не должно (—вмѣстѣ съ H. E w a l d'омъ—) выводить, что Савлъ прямо принадлежалъ къ партіи зилотической, гдѣ преобладаетъ уже политическій интересъ, хотя бы и на религіозной подкладкѣ.

Digitized by Google

I, 17 (путешествіе въ Аравію).

аравійскому удаленію: прямая и ближайшая цѣль этой замѣтки та, чтобы объяснить враждебность дамасскихъ іудеевъ къ Савлу его многократными возвѣщеніями о Христѣ среди нихъ; значитъ, этотъ срокъ долженъ падать на самый городъ Дамаскъ. Но нужно замѣтить, что проповѣдническія попытки Савловы по дамасскимъ синагогамъ вскорѣ послѣ крещенія возбудили только удивленіе и недоумѣніе (Дѣян. IX, 20. 21) и потому не могли порождать такого озлобленія въ невѣрныхъ соплеменникахъ. По всему думается, что былъ потомъ не малый перерывъ, по истеченіи коего Павелъ явился внутренно укрѣпленнымъ, и его оглашенія пріобрѣли грозно-сокрушительную силу (Дѣян. IX, 22), вызвавшую іудейское ожесточеніе. Это возмужаніе апостольское и будетъ приходиться на аравійское уединеніе, которое естественно упадаетъ на данный промежутокъ (между IX, 21 и IX, 22. 23 Дѣян.). Не противорѣчитъ сему и упоминаніе трехъ лѣтъ (въ Гал. I, 18), поелику у Дѣеписателя нѣтъ точныхъ хронологическихъ обозначеній. Кажется болѣе правдоподобнымъ, что первоначальное проповѣданіе дамасское (Дѣян. IX, 20) было не продолжительно, за-то позднѣйшее „укрѣпленіе“ со всѣми его слѣдствіями не могло совершиться кратко, какъ и самое выраженіе ἡμέραι ἱκαναί — *дніе довольны* (Дѣян. IX, 23) не совсѣмъ опредѣленно, и его размѣры колеблются отъ „мало“ до „очень много“, смотря по разумѣемымъ обстоятельствамъ и по связи рѣчи (ср. Дѣян. IX, 43. XVIII, 18 и XXVII, 7). По этимъ наблюденіямъ позволительно полагать на Дамаскъ не менѣе полуторыхъ лѣтъ, а удаленіе въ Аравію пріурочивать къ періоду не вдолгѣ по крещеніи Савловомъ.

О ближайшихъ причинахъ для этого путешествія нѣтъ свидѣтельствъ. Посему тутъ законны лишь вѣроятныя догадки по соображенію со всѣми другими намеками. Самъ Апостолъ внушительно говоритъ, что послѣ откровенія въ немъ Сына Божія онъ не сталъ совѣтоваться съ плотію и кровію (I, 16), откуда вытекаетъ, что благовѣстникъ чувствовалъ тогда нѣкоторую нужду и потребность въ совѣтѣ—только не отъ плотскихъ авторитетовъ. И это натурально, если первона-

Digitized by Google

чальное пламенное проповѣданіе по дамасскимъ синагогамъ сопровождаюсь больше изумленіемъ, парализовавшимъ всю энергію и осуждавшимъ ее на безплодность. Это явленіе, всего менѣе обѣщая успѣха благовѣстническому усердію и отнимая для него почву, необходимо заставляло Савла сосредоточиться на себѣ и позаботиться о томъ, чтобы напередъ пріобрѣсти внутреннюю мощь для слова со властію, хотя бы и раздражительную для упорныхъ. Наряду съ этимъ и размышленія о столь необычайныхъ судьбахъ своей жизни принудительно направляли помилованнаго зилота къ самоуглубленію въ интересахъ точнѣйшаго познанія путей промысла Божія, дабы прошлое не служило (для него или, по крайней мѣрѣ, для другихъ) вѣчнымъ обличеніемъ совѣсти и тяжелымъ тормазомъ для миссіи, но — наоборотъ — представлялось необычайнымъ орудіемъ въ десницѣ Всевышняго, устрояющаго все ко благу людей и къ торжеству истины. I, 17 (путешествіе въ Аравію).

Все это наклоняло св. Павла искать уединенія и при томъ тамъ, гдѣ было положено божественное основаніе для его прежнихъ іудаистическихъ чаяній, доведенныхъ имъ до страшнаго напряженія. Отсюда ближе опредѣляется и самое мѣсто этого пребыванія. Терминъ Аравія не достаточно ясенъ географически и собственно примѣнялся ко всему Аравійскому полуострову на пространствѣ между заливами Аравійскимъ и Персидскимъ, а нѣкоторые расширяютъ эту площадь къ сѣверу до параллели Алеппо, къ западу (и обходя Палестину) до Средиземнаго моря — поюжнѣе Газы, къ востоку на Ефратъ до Хабура, если не до самаго Тигра. На этой огромной территоріи арабскій переводъ Н. З. (въ Полиглоттѣ, а не у Th. Erpenius=van Erpe † 1624 г.) указываетъ пунктъ El—Belka, каковое наименованіе относилось, повидимому, къ мѣстностямъ около Мертваго моря на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ него, однако данный терминъ употребляется и въ Гал. IV, 25, между тѣмъ была, конечно, не здѣсь „Синай гора“. Упоминаніе послѣдней дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ, что у Апостола разумѣется Аравія Петрейская (Arabia Petraea)

Digitized by Google

I, 17 (путешествіе въ Аравію).

со включеніемъ Синайскаго полуострова, который былъ прибѣжищемъ для анахарета [1].

И легко постигнуть, почему Савлъ двинулся въ эту страну. Въ ней былъ обнародованъ законъ, коимъ было поглощено все существо молодого фарисея,—и естественно, что послѣдній желалъ обсудить его въ обстановкѣ первоначальнаго опубликованія. И что же рисовалось тогда апостольскому взору? Это, прежде всего, суровыя и безжизненныя скалы, которыя самымъ своимъ видомъ невольно и неотразимо внушали, какъ смертоносно служеніе письменамъ, начертаннымъ на камняхъ (2 Кор. ш, 7)!.. Тутъ сокрушенный зилотъ, сдѣлавшись просвѣтленнымъ христіаниномъ, во всей глубинѣ постигалъ, до какой степени безумно и пагубно было все его жидовствованіе. Но Синай непоколебимъ въ своей вѣковѣчной неизмѣнности и твердо охраняетъ неприкосновенность, откуда рождалась успокоительная и ободряющая мысль, что непреложенъ Господь и всегда достигаетъ Своихъ спасительныхъ цѣлей. Значитъ, въ исторіи божественнаго домостроительства законъ не враждебная сила, а—скорѣе—пѣстунъ во Христа (Гал. ш, 24), почему и для невѣрныхъ соплеменниковъ возгоралась счастливая надежда, что *тако весь Израиль спасется, якоже есть писано* [Иса. LIX, 20]: *пріидетъ отъ Сіона избавляяй и отвратитъ нечестіе отъ Іакова* (Рим. XI, 26). Коль скоро все это справедливо, то и прежній зилотизмъ Савла терялъ свою ужасающую мрачность, пріобрѣтая характеръ предуготовительный для него лично и педагогически знаменательный

[1] Нашими соображеніями достаточно объясняется, почему была избрана именно Аравія, а потому нѣтъ даже и нужды въ произвольной догадкѣ (D. *S. A. Fries*'a, Was meint Paulus mit 'Αραβία Gal. I, 17 въ «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums» herausg. von Dr. Erw. Preuschen II [Giessen 1901], 2, S. 150—151), будто въ оригиналѣ первоначально читалось 'Αραβα, подъ которымъ (судя по варіанту Jos. Flavii Vita, 51) разумѣется галилейскій городъ недалеко отъ Сепфориды и Каны, нынѣ 'Arabat-et-battôf; при этомъ—вмѣстѣ съ принятіемъ совершенно сомнительнаго преданія о галилейскомъ происхожденіи св. Павла (изъ г. Гискалы) — не менѣе напрасно утверждается, яко бы иначе необходимо допустить невѣроятный фактъ проповѣдничества Павлова среди бедуиновъ пустыни.

Digitized by Google

для всего міра. И вотъ—подобно пророку Иліѣ—св. Павелъ слышитъ теперь благостный „гласъ хлада тонка“, что это было съ цѣлію, *да въ немъ первомъ покажетъ Іисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ* [въ примѣръ] *хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. I, 16). I, 15

Такой результатъ и формулируется у Апостола словами, что Богъ избралъ его отъ самого зарожденія во чревѣ матери (Гал. I, 15),—и потому съ момента появленія на свѣтъ вся жизнь служила конечному призванію даже своею отрицательностію строго фарисейскаго воспитанія и зилотическаго пламенѣнія. Аравійское уединеніе было временемъ внутренняго возрастанія и созрѣванія въ Павлѣ великаго просвѣтителя язычниковъ [1], которымъ онъ долженъ былъ принести радость помилованія благодатію Божіей, исцѣляющею всѣ недуги и изглаждающею всякіе грѣхи. Со всѣхъ этихъ сторонъ данный періодъ былъ и святынею и тайною апостольскаго духа. Неудивительно, что онъ опущенъ у Дѣеписателя, ибо послѣдній изображаетъ лишь фактическое осуществленіе божественнаго плана о вселенной проповѣди въ строгомъ соотвѣтствіи съ божественнымъ достоинствомъ самого искупленія Христова и проходитъ молчаніемъ всѣ лично біографическіе эпизоды, если они и были ему извѣстны. Но для самого благовѣстника это была отраднѣйшая эпоха постепеннаго апостольскаго возмужанія, сообщившая смыслъ и цѣнность всему его бытію. Въ частности, для спеціальныхъ задачъ посланія къ Галатамъ аравійское удаленіе было особенно важно потому, что указанное укрѣпленіе совершалось внѣ всякихъ человѣческихъ вліяній и не безъ участія откровеній, о какихъ и Господь предрекалъ въ своемъ обѣтованіи: *на се явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси, и яже явлю тебѣ, изимая тя отъ людей іудейскихъ и отъ языкъ къ нимъ же Азъ тя послю* (Дѣян. XXVI, 16. 17).

Савлъ сталъ и христіаниномъ и Апостоломъ по исключительному полномочію Божію, почему имѣлъ право и обязанность для независимой благовѣстнической дѣятельности. Вполнѣ

---

[1] Все это показываетъ, что здѣсь нѣтъ надобности въ духовномъ толкованіи, какое допускалъ блаж. Іеронимъ.

Digitized by Google

I, 17. 18. (время удаленія св. Павла изъ Дамаска и посѣщенія Іерусалима).

законно, что и изъ Аравіи онъ не пошелъ сразу въ Іерусалимъ, а возвратился въ Дамаскъ (Гал. I, 17), дабы на мѣстѣ своего крещенія принести Всевышнему первую жертву своей евангельской ревности. Въ итогѣ всего для насъ ясенъ и необходимый выводъ, что бывшій „хульникъ" преобразился въ вѣстника Господня не по человѣческому наученію и обладаетъ всѣми несомнѣнными апостольскими прерогативами, поелику у него все отъ Бога—и избраніе, и даръ, и цѣль. Это первый фактъ, который сопровождается и подкрѣпляется другимъ, что, сознавая себя богопосланнымъ Апостоломъ языковъ, св. Павелъ и выступалъ въ этомъ достоинствѣ въ качествѣ собрата, принципіально равнаго самовидцамъ Господа. Это обнаружилось чрезъ три года по обращеніи при свиданіи со св. Петромъ въ Іерусалимѣ (Гал. I 18).

Въ посланіи говорится, что писатель самъ восходилъ на возвышенности Іудеи въ священную столицу. О внѣшнихъ поводахъ не упомянуто, но они были въ козняхъ озлобленныхъ іудеевъ (Дѣян. IX, 23 сл.). Въ 2 Кор. XI, 32 добавляется, что тому же способствовали происки областнаго правителя и дамасскаго намѣстника царя Ареѳы. Въ послѣднемъ—изъ четырехъ лицъ этого имени—нужно видѣть четвертаго князя Аравіи Набатейской (Arabia Nabataeana) Ареѳу (IV-го съ этимъ фамильно-династическимъ прозваніемъ или—по nomen proprium — Энея), властвовавшаго со времени около 9-го г. до р. Хр. по 40 г. послѣ р. Хр. Онъ былъ тестемъ тетрарха Галилеи и Переи Ирода Антипы (4 г. до—39 г. по р. Хр.). Аравійская принцесса не была счастлива въ этомъ бракѣ и наконецъ убѣжала отъ своего коварнаго супруга, измѣнившаго ради Иродіады. Къ этому присоединились еще споры насчетъ границъ Галаада, до крайности обострившія отношенія. Отсюда между родственниками возгорѣлась война, — вѣроятно, — въ 36 г. На помощь разбитому Антипѣ Вителлій вынужденъ былъ двинуть свои легіоны, однако послѣ пасхи (15-го нисана—19-го апрѣля) 37 г. прекратилъ походъ, получивъ въ Іерусалимѣ на третій день праздника вѣсть о смерти († 16-го марта) императора Тиберія (Jos. Flav., Antiqu. XVIII, 5: 1. 3).

Digitized by Google

На этотъ промежутокъ упадаетъ захватъ Дамаска Ареѳой. Позволильнѣе думать, что овладеніе совершилось путемъ даренія, ибо новому повелителю Рима (Калигулѣ) было выгодно обезпечить себѣ спокойствіе на отдаленной окраинѣ пріобрѣтеніемъ союзника въ томъ, кто могъ быть опаснымъ врагомъ. Не менѣе понятно, что и представитель Ареѳы—въ интересахъ прочнаго утвержденія власти своего принципала въ недавнихъ владѣніяхъ—заискивалъ предъ многочисленнымъ и могущественнымъ контингентомъ дамасскихъ іудеевъ, почему охотно вошелъ въ ихъ замыслы противъ св. Павла и готовъ былъ принести его въ жертву фанатической злобѣ [1]. Наряду съ этимъ одинаково правдоподобно, что такія взаимныя поблажки умѣстнѣе при началѣ аравійскаго господства надъ Дамаскомъ. Теперь получаемъ, что послѣдній былъ покинутъ—всего скорѣе—около 38 г., а тогда обращеніе Савла придется на 34—35 г. нашей эры [2]. I, 18 (1-е посѣщеніе св. Павломъ Іерусалима).

Во всемъ этомъ ближайшимъ образомъ важно собственно то, что первый визитъ св. Павла въ Іерусалимъ былъ съ момента призванія благодатію лишь чрезъ три года, въ теченіе коихъ онъ находился внѣ всякихъ связей съ іерусалимскою церковію. Поэтому неоспоримо, что апостольскія притязанія Павловы не условливались человѣческимъ посредствомъ „предшихъ“ и будутъ либо божественными либо мнимыми. Второе устраняется всѣми частностями описываемаго іерусалимскаго посѣщенія. Цѣлію его было желаніе ἱστορῆσαι или—по прямому буквальному смыслу—„дѣлать исторію“. Въ этомъ значеніи употребленный глаголъ отмѣчаетъ высокую важность св. Петра, потому что свиданіе съ рядовою личностію христіанскаго братства совсѣмъ не было бы историческимъ. Въ равной мѣрѣ подобное достоинство должно быть безспорнымъ и для второго собесѣдника, ибо вовсе не замѣчательно, бываетъ часто и безъ особенныхъ резуль-

---

[1] Этимъ устраняется догадка *V. Weber*'а, будто «намѣстникъ» былъ лишь представителемъ въ Дамаскѣ интересовъ своего повелителя (въ родѣ посла или консула), для чего приходится допустить, будто этнархъ считалъ подвластнымъ Ареѳѣ *и* св. Павла—въ виду его пребыванія въ Аравіи...

[2] Эти вычисленія тоже относительны.

Digitized by Google

I, 19 (братья Господни).

татовъ, если ординарные люди являются подлѣ великаго и сталкиваются съ нимъ, между тѣмъ преднамѣренная встрѣча нѣсколькихъ знаменитостей (напр., императоровъ) всегда сопровождается огромными слѣдствіями въ самыхъ широкихъ кругахъ. Для св. Петра эта необычайность лежала въ апостольствѣ, раскрывавшемся фактически у Израиля. По тожеству званія—и для пришельца мы получимъ апостольство, но уже съ отличіемъ сферы его обнаруженія, обнимающаго преимущественно язычниковъ. До извѣстной степени—въ Кифѣ воплощалось самое „Евангеліе обрѣзанія" въ чистѣйшей и безупречной формѣ, и потому чрезъ него св. Павелъ могъ легче, скорѣе и безошибочнѣе соизмѣрить и удостовѣрить свое эллинское благовѣстіе по божественной силѣ и дѣйственности. Вотъ почему бывшій гонитель и направляется именно къ Петру, въ которомъ онъ больше обращаетъ вниманіе на самое положеніе, чѣмъ на лицо, или во всякомъ случаѣ беретъ второе въ неразрывности отъ перваго. Для указанной цѣли — заявленія своихъ независимыхъ прерогативъ съ готовностію осуществлять ихъ — вполнѣ достаточенъ срокъ въ пятнадцать дней, но ихъ, конечно, будетъ слишкомъ мало, разъ мы допустимъ, что теперь св. Павелъ пріобрѣлъ истинное христіанское вѣдѣніе и зарекомендовалъ себя съ такой стороны, что пріобщенъ былъ къ апостольскому сонму. Немыслимый по всему предыдущему,—этотъ процессъ рѣшительно исключается и тѣмъ фактомъ, что прибывшій „другого изъ Апостоловъ никого не видѣлъ, кромѣ Іакова, брата Господня" (I, 19: ἕτερον δὲ τῶν ἀποστόλων οὐκ εἶδον εἰ μὴ Ἰάκωβον τὸν ἀδελφὸν τοῦ Κυρίου).

Употребленное здѣсь ограничительное сочетаніе εἰ μή можно переводить двояко: „какъ только" и „не считая". Согласно первому способу у насъ будетъ такая сентенція: „я не видѣлъ (сверхъ Петра) никого изъ Апостоловъ, какъ только [*видѣлъ изъ числа ихъ*] Іакова, брата Господня". При передачѣ второго рода выраженіе будетъ гласить иначе: „не я видѣлъ (помимо Петра) никого изъ Апостоловъ, *если не считать* Іакова, брата Господня" [поскольку въ этотъ счетъ онъ собственно и не долженъ попадать, не принадлежа къ тѣснѣйшему лику апостольскому XII-ти].

При первой интерпретаціи ограниченіе простирается

Digitized by Google

единственно на ослабленіе глагольнаго отрицанія, и родственникъ Христовъ оказывается въ апостольскомъ „чинѣ“, при равенствѣ Петру въ этомъ отношеніи. На этихъ предпосылкахъ созидается католическое отожествленіе названнаго Іакова іерусалимскаго съ Іаковомъ Алфеевымъ изъ XII-ти, при чемъ „братство“ Господу оправдывается тѣмъ, что—вмѣстѣ съ Іосифомъ, Симономъ и Іудой (Мѳ. XII, 55. Мрк. VI, 3)—онъ былъ сыномъ Маріи, почитаемой за сестру (Мѳ. XXVII, 56. Мрк. XV, 40. 47. XVI, 1) Богоматери, или братомъ двоюроднымъ. Однако это была Μαριὰ(μ) ἡ τοῦ Κλωπᾶ, т. е., конечно, жена Клеопы, который будетъ отцомъ Іакова, хотя онъ Алфеевъ. Для объясненія двойства этого отчества сторонники и защитники католической гипотезы допускаютъ, что здѣсь нужно видѣть только разницу въ произношеніи общаго имени חַלְפַּי, которое при твердомъ выговорѣ звучала „*кал*п*а*й = клопа(й)“, при мягкомъ же слышалось „*ʿал*ф*а*й = алфей“. I, 19 (братья Господни).

Теорія эта, убѣдительная наружно, совершенно искуственна и фактически несостоятельна. Прежде всего существенно, что 1) Клеопа (Κλεόπας) и Клопа (Κλωπᾶς), кажется, греческаго происхожденія — по сокращенію изъ Κλεόπατρος, и потому ихъ нельзя выводить изъ звуковыхъ особенностей еврейской (арамейской) рѣчи [1]. Двойство будетъ не звуковое, но безусловно реальное. Не менѣе важно, что 2) сліяніе Кл(е)опы съ Алфеемъ въ единствѣ ихъ филологической основы не допускается филологическими авторитетами (напр., Franz Delitzsch и T. K. Abbott), поелику оба наименованія различаются по начертанію [2] и въ общепринятомъ сирскомъ переводѣ (Пешитта: כליופא и [еще тоже въ текстѣ сирскаго синайскаго кодекса] חלפי) и въ (частной) сирской рецензіи, извѣстной въ качествѣ іерусалимскаго

---

[1] Здѣсь и вокализація была бы различная: חַלֹּפַי для Клопы и חַלְפַּי или חֲלִפַּי для Алфея.

[2] *P. W. Schmiedel* указываетъ еще, что евр. ח произносилось твердо и передавалось по гречески чрезъ κ собственно въ срединѣ и въ концѣ словъ, а не въ началѣ.

Digitized by Google

I, 19 (братья Господни).

лекціонарія, языкъ коего иные (хотя бы Eb. Nestle) признаютъ наиболѣе близкимъ къ употреблявшемуся Христомъ и Апостолами (כליופא и חלפאי), а св. Лука пишетъ раздѣльно и Ἀλφαῖος (VI. 15) и Κλεόπας (XXIV, 18), не подозрѣвая и не оттѣняя предполагаемаго тожества этихъ именъ. Наконецъ, 3) сомнительно и то, что Марія Клеопова была сестрою матери Іисусовой; возможно, что это два разныя лица, поелику Пешитта связываетъ ихъ соединительнымъ союзомъ въ Ін. XIX, 25, гдѣ читается слѣдующее: [при крестѣ Іисуса стояли] ואמה. וחתה דאמה. ומרים הי דכליופא = [stabant autem juxta crucem Jeshuae] mater ejus *et* soror matris ejus, *et* Marjam illa quae (erat) Klejopae, [et Marjam Magdalaita] [1]. По всѣмъ этимъ наблюденіямъ и соображеніямъ католическое мнѣніе оказывается шаткимъ. Необходимо прибавить, что оно не находитъ для себя подкрѣпленія въ преданіи, возникнувъ послѣ и помимо его. Къ сходному рѣшенію склонялся лишь блаж. Іеронимъ (Contra Helv. 12 sq. отъ 383 г. и ср. epist. XLVI [17], 12. in Matth. XII, 49: Migne lat. XXIII, col. 204 sq.; XXII, col. 491; XXVI, col. 88), думая, что братья Господни были дѣтьми Алфея и Маріи, сестры Приснодѣвы. Но этотъ церковный писатель, имѣвшій при жизни мало единомышленниковъ, былъ далеко не твердъ въ своемъ мнѣніи и постепенно ослаблялъ его силу (ср. въ толкованіи къ I, 19). При томъ у него получаются новыя затрудненія, ибо изъ братьевъ Христовыхъ—кромѣ Іакова — попадаютъ въ число XII-ти и Симонъ и Іуда, однако прибавка ко второму Апостолу эпитета „Іаковлеевъ“ (Лк. VI, 16)

[1] Такъ именно и въ самоновѣйшемъ изданіи Пешитта: Tetraeuangelium sanctum juxta simplicem Syrorum versionem ad fidem codicum, massorae, editionum denuo recognitum lectiorum supellectilem quam conquisiverat Philippus Edwardus Pusey, A. M., olim ex aede Christi, auxit, digessit, edidit *Georgius Henricus Gwilliam*, S. T. B., collegii Herdfordiensis socius. Accedunt capitulorum notatio, concordiarum tabulae translatio latina, annotationes. Oxonii 1901. Pag. 590=591. Въ нѣкоторыхъ маргинальныхъ помѣткахъ сообщается: «Клеопа и Іосифъ [были] братья, а Марія и Марія сестра матери Господней—сестры; слѣдовательно, два эти брата имѣли женами этихъ двухъ сестеръ», но въ другихъ дѣлается къ сему оговорка, что это «не точно», «не вѣрно» (ibid., p. 591 not. ad vers. 25).

Digitized by Google

едва ли отмѣчаетъ братство Іакову и скорѣе даетъ разумѣть отца, первый же характеризуется намъ лишь „Кананитомъ“ и, вѣроятно, по происхожденію изъ Каны (кананей, кананеецъ), а не по религіозному настроенію въ качествѣ зилота, какъ это выводится по сходству значенія словъ еврейскаго (арамейскаго) и греческаго. Иногда выдвигается еще, что Іаковъ, сынъ Маріинъ, былъ меньшимъ или младшимъ (Мрк. xv, 40) по сравненію съ другимъ, какъ бо́льшимъ въ общемъ для нихъ классѣ и по свойственному обоимъ достоинству; въ такомъ случаѣ все это примѣнимо только къ Іакову Алфееву по отличію его отъ соименнаго и равнаго въ кругѣ апостольскомъ Іакова Зеведеева. Въ дѣйствительности нѣтъ самой сравнительности, ибо въ подлинникѣ читается ὁ μικρός, а этотъ терминъ у греческихъ классиковъ (Платона, Аристотеля, Ксенофонта) иногда обозначаетъ просто „малый“ ростъ. I, 19 (братья Господни).

Теперь спеціальною особенностію Іакова, видѣннаго св. Павломъ въ Іерусалимѣ, будетъ лишь братство Господу. Эта одна черта дальше и требуетъ своего объясненія. Многіе и даже вовсе не раціоналистическіе комментаторы—по примѣру Гельвидія—заключаютъ отъ этого родства къ общности плотскихъ родителей ихъ и Христа Спасителя. Ссылаются обыкновенно на буквалистическую и непосредственную очевидность, но фактически она вовсе не столь принудительна. 1) На библейскомъ языкѣ ἀδελφός не предполагаетъ непремѣнно единоутробности и употребляется иногда для лицъ, близкихъ между собою и по другимъ связямъ, гдѣ—по Іерониму—люди братски сочетаваются naturā, gente, cognatione, affectu (ср. Photii Amphilochia 39 [38], 2). 2) Выраженіе у Мѳ. I, 25 (*дондеже роди сына Своего первенца*) ἕως οὗ указываетъ грань извѣстнаго дѣйствія и абсолютно ничего не говоритъ о послѣдующемъ, а τὸν πρωτότοκον, вѣроятно, не подлинно и 3) у Лк. II, 23 формулируетъ „первородство“ Іисуса съ чисто законнической точки зрѣнія: тутъ каждый первый сынъ (у жены, раждающей впервые) всегда объявлялся первороднымъ безъ соотношенія съ дальнѣйшимъ потомствомъ, котораго при первенцѣ пока не

Digitized by Google

I, 19 (братья Господни).

существуетъ и предусмотрѣть нельзя съ безошибочностію. 4) Іосифъ упоминается въ послѣдній разъ, когда Спасителю было 12 лѣтъ, и затѣмъ исчезаетъ, хотя называются братья и матерь: отсюда позволительно догадываться, что вскорѣ онъ достигнулъ естественной кончины,—и намъ придется допустить едва ли натуральную гипотезу, что за этотъ 12-тилѣтній періодъ у старца были—кромѣ Христа—еще не менѣе четырехъ сыновей и нѣсколько дочерей (Мрк. ш, 22). 5) Самъ Господь на крестѣ поручилъ болѣзнующую Богоматерь Іоанну Заведееву (Ін. xix, 26. 27), между тѣмъ было бы удобнѣе передать ее попеченію родныхъ дѣтей, для которыхъ была ощутительнѣе острая материнская скорбь, а потому здѣсь неумѣстно ссылаться на „невѣріе“ братьевъ Господнихъ (Ін. vii, 5), разъ все касалось единственно родственныхъ чувствъ. Этихъ резоновъ вполнѣ довольно для устраненія того, что служитъ столь великимъ искушеніемъ совѣсти у большинства христіанъ.

Послѣ сего въ нашемъ распоряженіи будутъ лишь два мнѣнія, что 1) братья Господни были „сводными“— отъ перваго брака Іосифа до принятія къ себѣ Маріи (Евангеліе Петра, первоевангеліе Іакова и др. апокрифы, Климентъ ал., Оригенъ. Евсевій кесар., Иларій пиктав., „Амвросіастъ“. Григорій нисскій, Епифаній, Амвросій медіол., [Златоустъ], Кириллъ ал., восточные богослужебные памятники и позднѣйшіе латинскіе авторы), или 2) были плотскими сыновьями Іосифовыми, но отъ другой Маріи—жены Клеоповой, которую, какъ вдову бездѣтную, братъ покойнаго долженъ былъ взять по закону ужичества (ближайшаго кровнаго родства) для возстановленія сѣмени умершаго, потомство котораго — иначе — совсѣмъ прекращалось (блаж. Ѳеофилактъ). Послѣднее толкованіе вызываетъ больше недоумѣній, чѣмъ рѣшаетъ задачу, но довольно будетъ отмѣтить, что въ этомъ случаѣ всѣ дѣти отъ Маріи Клеоповой обязательно считались бы именно Клеоповыми и не имѣли бы „законнаго“ братства съ поколѣніемъ Іосифовымъ, почему — при разности матерей — трудно было возникнуть и утвердиться такому назва-

Digitized by Google

нію, для котораго не было оправдывающихъ основаній. Намъ остается признать первую гипотезу, особенно развитую въ патристической литературѣ у св. Епифанія. При ней совершенно понятно, что дѣти одного отца всѣми и всегда назывались братьями.

I, 19—20 (1-е посѣщеніе св. Павломъ Іерусалима; христіанская клятва).

Ничуть не странно упоминаніе св. Павла о свиданіи съ Іаковомъ, поелику онъ не рядовой членъ іерусалимской церкви, а ея глава и предстоятель, помѣщаемый потомъ въ посланіи къ Галатамъ (II, 9) выше двухъ другихъ „мнимыхъ столповъ“ — Кифы и Іоанна, какъ это всѣмъ было извѣстно по его имени, которое обычно отличалось ссылкою на родство Господу. Отсюда легко постигнуть и высокую важность даннаго событія, столь рельефно подчеркиваемаго у писателя. Будучи начальникомъ іерусалимской христіанской общины, Іаковъ тѣмъ самъ неизбѣжно оказывался главнѣйшимъ блюстителемъ интересовъ христіанской миссіи, для которой всѣ основы и пути полагались во святомъ городѣ. Если *и* онъ призналъ авторитетъ Павла, въ такомъ случаѣ это было уже оффиціальнымъ одобреніемъ практической дѣйственности апостольскаго достоинства, принципіально обезпеченнаго въ своей истинности по силѣ солидарности его носителя съ Петромъ. Второй утвердилъ самыя права, первый благословилъ ихъ фактическое осуществленіе. Такимъ образомъ находимъ, что три предшествующіе года служили къ огражденію божественнаго источника для апостольства и благовѣстничества Павлова, а эти пятнадцать дней неотразимо убѣждали въ независимости отъ человѣческихъ наученій и „посвященій“ касательно спеціальнаго примѣненія божественныхъ полномочій среди язычниковъ.

Теперь св. Павелъ — въ качествѣ богопосланнаго Апостола—стоитъ уже на порогѣ къ выполненію своего провиденціальнаго призванія, какъ собственно эллинскій благовѣстникъ. Здѣсь заключается всецѣлое оправданіе самаго подвига Павлова, — и безспорность своего свидѣтельства о такомъ важномъ моментѣ писатель удостовѣряетъ предъ Богомъ судомъ Всевышняго (I, 20).

Подобная аппелляція есть, конечно, клятва (ср. у блаж. Іеронима къ I, 17), о которой нельзя говорить, что — въ истинномъ своемъ содержаніи—она противорѣчитъ началамъ Христовымъ, являясь уклоненіемъ отъ идеала

Digitized by Google

I, 20 (христіанская клятва).

и завѣта Господня въ сторону іудейской низьменности. Тутъ большое недоразумѣніе, гдѣ реальнымъ паденіемъ напрасно соизмѣряютъ самый принципъ. Послѣдній же выражается тѣмъ, что при клятвенномъ актѣ мы какъ бы поднимаемся предъ лице Божіе и подтверждаемъ свои слова божественною святостію, которая не терпитъ въ своемъ присутствіи лжи и обязательно изобличила бы ее вмѣстѣ съ посрамленіемъ лгуна. Если здѣсь не пустая условная фикція, близкая къ постыдному взаимному мороченію, то необходимо принимается фактически доступная дѣйствительность поднятія себя до Бога. Но эта близость къ Небесному Отцу коренится въ самомъ бытіи христіанскомъ, ибо по единенію съ Христомъ Спасителемъ, какъ Сыномъ Божіимъ, облагодатствованные бываютъ истинными чадами Божіими и пользуются тѣснѣйшимъ общеніемъ съ Господомъ всяческихъ. Въ этомъ видѣ клятва безусловно примирима со всѣми коренными христіанскими основами. Само собою разумѣется, что было бы нормальнѣе, чтобы не было и надобности въ этомъ средствѣ, когда исчезнетъ ложь и не будетъ нужды въ предосторожностяхъ противъ нея. Этимъ обрисовывается идеальное требованіе, но оно было бы мертвою утопическою отвлеченностію, коль скоро не допускаетъ постепеннаго и опосредствованнаго закрѣпленія въ жизни, или утрачивало бы свою возвышенность, принижаясь до человѣческой ограниченности и превращаясь въ условный пріемъ безъ объективной силы. Царство Божіе и правда Его исторически реальны лишь во Христѣ Іисусѣ, въ насъ же созидаются не простымъ исповѣданіемъ, а жизненнымъ преображеніемъ въ процессѣ послѣдовательнаго христіанскаго возрастанія, гдѣ всѣ промежуточныя стадіи относительны и — однако — натуральны и законны. Все это вѣрно и для клятвы, которою св. Павелъ запечатлѣваетъ неложность своихъ сказаній о событіяхъ, иллюстрирующихъ божественность его апостольства по происхожденію, достоинству и примѣненію.

Всѣ эти особенности отчета Павлова не устраняются прямо и рефератомъ Дѣеписателя (IX, 26—30): весьма

Digitized by Google

возможно, что бывшій гонитель нашелъ въ Іерусалимѣ I, 21—24. доступъ въ христіанскую среду именно чрезъ Варнаву, видѣніе двухъ позволяло говорить объ Апостолахъ вообще, при чемъ у Луки этотъ терминъ употребляется не въ столь строгомъ смыслѣ, проповѣдь Савла и состязаніе съ эллинистами легко укладываются на пространствѣ пятнадцати дней [1] и ничего не отрицаютъ, поелику οὐκ εἶδον Галатійскаго посланія (I, 19) относится лишь къ сонму апостольскому и не обнимаетъ всѣхъ іерусалимскихъ христіанъ.

Если далѣе (I, 21) св. Павелъ упоминаетъ о своемъ отшествіи въ страны Сиріи и Киликіи, то—по снесенію съ извѣстіемъ Дѣян. IX, 30 о „препровожденіи" въ Тарсъ киликійскій—это должно понимать такъ, что изъ Кесаріи онъ направился моремъ и еще на пути приставалъ гдѣ-нибудь на сирійскомъ побережьи или же посѣщалъ сирійскій округъ до вызова его изъ киликійскихъ предѣловъ Варнавой въ Антіохію. Но вѣроятнѣе всего, что тутъ дается общее изображеніе всего сирійско-киликійскаго пребыванія безъ претензій на географическую или хронологическую точность. Во всякомъ случаѣ это совершенно темный періодъ жизни Апостола и у него самого рисуется собственно по связи съ аргументаціей всесторонняго и достохвальнаго обнаруженія санкціонированныхъ правъ, ибо и теперь 1) для церквей въ Іудеѣ (кромѣ развѣ іерусалимской) онъ лично былъ величиной невѣдомой (Гал. I, 22) во всей полнотѣ христіански-апостольскаго авторитета, почему немыслимы и наученіе и естественное пристрастіе простого дружескаго расположенія, но 2) проповѣдь его была настолько успѣшна и благословенна, что исторгала славу хваленія Богу даже и у тѣхъ, для коихъ онъ былъ знаемъ единственно по антихристіанскому ожесточенію въ качествѣ гонителя (I, 23—24).

Изъ совокупности описанныхъ фактовъ вытекаетъ, что апостольское достоинство св. Павла божественно незави-

---

[1] Это указаніе можетъ означать просто «недѣли двѣ», но не видится основаній къ такому пониманію—въ виду явной хронологической точности въ другихъ мѣстахъ посланія (I, 8. II, 1).

Digitized by Google

II, 1 (какое посѣщеніе Іерусалима?).

симо 1) и по его происхожденію, 2) и по мотиву, 3) и по способу его фактическаго раскрытія въ благовѣстіи о Христѣ распятомъ. Значитъ, онъ не могъ не быть совершеннымъ Апостоломъ и истиннымъ Евангелистомъ для тѣхъ, которые и почитались и были таковыми по преимуществу. Этотъ дальнѣйшій логическій выводъ касается уже вѣрности служенія званію, совпаденія ихъ на практикѣ, которая, соизмѣряясь и изобличаясь своимъ принципомъ, и сама могла осуждать его раскрытіемъ фактической непригодности. Неудивительно, что этотъ существенный пунктъ оправдывается исторически съ особенною торжественностію и неоспоримою непререкаемостію. Въ виду необычайной важности даннаго событія писатель и говоритъ объ немъ точно и подробно. Оно случилось чрезъ 14-ть лѣтъ (Гал. II, 1) не послѣ обращенія Савлова (Baronius, Spanheim, Pearson, Semler, Keil, Vogel, Eichhorn, Olshausen, Anger, Fritzsche, Wieseler, V. Weber, † о. А. В. Горскій), потому что πάλιν (*паки взыдохъ*) отсылаетъ къ прежнему посѣщенію Іерусалима. Отъ этой грани и нужно считать (блаж. Іеронимъ, Usher, Hug, Schrader, Köhler, Hemser, Rückert, Meyer, Lightfoot, Sieffert), когда получится—приблизительно—51—52-й годъ.

При сопостовленіи съ книгою Дѣяній находимъ, что это не могло быть въ пятый (XXI, 17 сл.) іерусалимскій визитъ предъ арестомъ Апостола (ср. Епифанія haeres. XXVIII, 4), если самое посланіе къ Галатамъ издано раньше, но не менѣе неудобенъ и второй (XI, 30. XII, 25), принимаемый нѣкоторыми комментаторами (Calvin, Keil, Gabler, Rosenmüller, Süsskind, Bertholdt, Kuinoel, Paulus, Köhler, Guerike, Niemeyer, Flatt, Ulrich Böttger, Fritzsche, Stölting, Caspari, Ramsay, V. Weber), поелику онъ былъ около смерти Ирода Агриппы въ 44-мъ г. и по случаю бывшаго при императорѣ Клавдіѣ (41—54 гг.) голода, а это рѣшительно противорѣчитъ всей апостольской хронологіи и вынуждаетъ защитниковъ къ произвольной корректурѣ (Lud. Capellus, Grotius, Keil Niemeyer, Paulus, Ulrich, Böttger, Semler, Schott и др.) διὰ τεσσάρων (чрезъ четыре) вмѣсто διὰ δεκατεσσάρων (*по четыренадесяти лѣтѣхъ*). Болѣе правдоподобнымъ кажется отожествленіе съ четвертымъ іерусалимскимъ

Digitized by Google

посѣщеніемъ (xviii, 21. 22), по завершеніи второго миссіонерскаго круга: оно встрѣчается уже у св. Іоанна Златоуста и поддерживается многими солидными авторами (Luther, J. Capellus, Whiston, van Til, Hess, Wieseler, Huther, Lutterbeck), однако сомнительно по неясности совсѣмъ краткихъ извѣстій Дѣеписателя, невозможно въ виду сопутствія св. Павлу Варнавы, отставшаго послѣ апостольскаго собора, и не подтверждается упоминаніемъ Тита, поскольку онъ не совпадаетъ съ Τίτος—Τιτίος Ἰοῦστος (Дѣян. xviii, 7), разъ этотъ былъ 1) σεβόμενος τὸν Θεόν, т. е. приверженецъ іудейской религіи, хотя бы не оформившій внѣшне своей внутренней принадлежности къ ней, и 2) житель коринѳскій, какимъ не былъ по происхожденію спутникъ Павловъ, ибо послѣдній прибылъ съ Апостоломъ въ Коринѳъ. II, 1 (по сравненію съ Дѣян. xv).

Послѣ этого мы будемъ имѣть для сличенія лишь третье іерусалимское путешествіе эллинскаго благовѣстника—изъ Антіохіи по предмету споровъ о значеніи закона Моисеева (Дѣян. xv), такъ какъ предполагать неизвѣстное [—Ramsay иногда между Дѣян. ix и xi, 30 Beza около Дѣян. xiii, 1, Paley и Vernon Bartlet предъ апостольскимъ соборомъ, Schrader между Дѣян. xix, 20 и 21—] равно не имѣется и основаній и побужденій, коль скоро остающаяся фактическая возможность подкрѣпляется достаточно прочными соображеніями, а это несомнѣнно и съ отрицательной и съ положительной стороны.

При такомъ пониманіи, повидимому, исключается второй іерусалимскій визитъ, но заявленія подобнаго сорта то по пристрастію къ южно-галатійской теоріи, то по недовѣрію къ правдивости книги Дѣяній (Flatt, Rückert, Baur) съ тенденціозною догадкой, будто Лука измыслилъ эпизодъ по поводу голода либо вполнѣ (Zeller, Hilgenfeld) либо частію, представивъ незаконченное путешествіе завершившимся (Bleek, Ebrard, Neander, Meyer и—съ колебаніемъ—Ammon), или изъ одного—на апостольскій соборъ — фальшиво сдѣлавъ два (De Wette, Schleiermacher, Spitta)—всѣ эти заявленія напрасны и ничуть не требуютъ насильственнаго

Digitized by Google

II, 1 (по сравненію съ Дѣян. xv).

истолкованія (Oehler, Theile, Schott, V. Weber) предлога διά въ смыслѣ лат. intra — „въ теченіи четырнадцати лѣтъ“. Нужно обратить вниманіе, что нарѣчіе πάλιν (опять, снова) не равняется непремѣнно δεύτερον (во второй разъ): для него достаточно и вторичности, но съ нимъ не менѣе удобно мирится многократность новыхъ повтореній прежняго. Сочетаніе διά съ род. пад. имени не вполнѣ покрываетъ μετά съ винит. пад. (Paulus, Schott и др.): хотя оба они сходны по своей хронологической силѣ—въ указаніи времени для даннаго случая по сравненію съ раннѣйшимъ аналогичнымъ фактомъ,—однако первое изъ нихъ, приближаясь къ евр. מִקֵּץ (ср. у LXX-ти Второз. ix, 11) и нашему „чрезъ“, выразительно отмѣчаетъ еще особый оттѣнокъ, что бывшее доселѣ сохранялось безъ колебаній и непрерывно по сію пору, а теперь наступаетъ поворотъ и выдвигается новый моментъ. Вся фраза гласитъ—примѣрно—въ такомъ тонѣ: чрезъ четырнадцать лѣтъ, въ продолженіе коихъ все было въ равномъ положеніи по соотвѣтствію нормамъ предшествующаго іерусалимскаго визита, я опять пошелъ въ Іерусалимъ, когда совершилась перемѣна, въ свою очередь опредѣлившая будущее. Значитъ, писатель вовсе не отрицаетъ прежнихъ іерусалимскихъ посѣщеній и, пропуская нѣкоторыя изъ нихъ, онъ только свидѣтельствуетъ, что формулированное чрезъ три года по обращеніи его апостольско-благовѣстническое состояніе сохранялось за четырнадцать минувшихъ годовъ безъ всякихъ модификацій, и отношеніе всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ оставалось тожественнымъ. По этой причинѣ ему не было ни малѣйшей нужды перебирать всѣ частные эпизоды разсматриваемаго періода: не заключая характерныхъ свойствъ, они не подходили къ авторскимъ цѣлямъ и потому не могли быть злоупотреблены іудействующими врагами ссылкою на сокрытіе ихъ, разъ эти факты для всѣхъ были одинаково безразличны, почему само собою падаетъ и возраженіе (Meyer, Ebrard, Bleek), будто св. Павелъ выдавалъ бы себя головой своимъ умолчаніемъ.

Итакъ: ничто не препятствуетъ видѣть во II-й главѣ

Digitized by Google

посланія къ Галатамъ отчетъ, параллельный XV-й главѣ книги Дѣяній, хотя примиреніе ихъ далеко не легко. По этому предмету вся истина, по нашему мнѣнію, будетъ въ томъ, что въ нихъ сообщается лишь о разныхъ моментахъ единаго событія и—согласно фразѣ ἀνεθέμην αὐτοῖς.., κατ' ἰδίαν δὲ δοκοῦσι (Гал. II, 2)—у Дѣеписателя о раннѣйшихъ, у Апостола о позднѣйшихъ. Получается постепенность открытаго оффиціальнаго собранія и частнаго личнаго совѣщанія, какъ и вполнѣ естественно, что интересы общецерковные обсуждались прежде индивидуально-миссіонерскихъ. Такое распредѣленіе достаточно подкрѣпляется безспорными фактическими данными. 1) Въ Гал. II, 7—9 апостольство Павлово утверждается на благоплодности служенія и изъ этой чисто эмпирической величины извлекается уже принципъ, между тѣмъ логически правильнымъ былъ бы обратный ходъ, гдѣ по признанному достоинству необходимо выводится и незыблемо ограждается свойственное ему примѣненіе. Это нарушеніе идейнаго порядка могло вызываться только фактическою послѣдовательностію, въ которой силою вещей напередъ поставляется качество осуществленія и по нему оцѣнивается дѣйствующій факторъ. Такъ именно и было на апостольскомъ соборѣ, когда рѣчь касалась ближе всего плодовъ миссіи Павловой (Дѣян. xv, 12). Тутъ рефератъ Галатійскаго посланія требуетъ для своего объясненія извѣстій книги Дѣяній. Тоже безусловно справедливо и для нея. 2) Достойно вниманія, что раньше св. Павелъ предпринималъ свои миссіонерскія путешествія по полномочію антіохійской церкви (Дѣян. xiii, 1—3), которой доносилъ о результатахъ (xiv, 27), соображаясь съ нею насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ (xv, 2. 3), а послѣ третьяго іерусалимскаго визита онъ дѣйствуетъ по собственной инціативѣ и, никого не спрашивая, смѣло и властно приглашаетъ Варнаву: „пойдемъ опять, посѣтимъ братьевъ нашихъ“ (xv, 36). Прямо это не мотивируется іерусалимскимъ соборнымъ декретомъ, и здѣсь обязателенъ посредствующій актъ, нарочито санкціонировавшій апостольскій авторитетъ св. Павла для независимаго благовѣствованія въ мірѣ

II, 1 (по сравненію съ Дѣян. xv).

Digitized by Google

II, 1. (посравненію съ Дѣян. xv). 2.

эллинскомъ. Это наблюденіе не менѣе вынуждаетъ допустить вторую и позднѣйшую апостольскую конференцію спеціальнаго характера.

При такомъ воззрѣніи понятна будетъ и вся историческая необходимость этого новаго разсмотрѣнія. Апостольскій соборъ отвергъ іудаистическую мысль о важности обрѣзанія для спасенія, но этимъ еще не было сказано категорически, что законническія ограниченія ветхозавѣтной религіозной практики потеряли всякую сотеріологическую цѣнность, почему языческій обращенецъ безъ нихъ бываетъ абсолютно равенъ христіанину изъ іудеевъ и можетъ безпрепятственно достигать даже соучастія въ благовѣстничествѣ, какъ было съ Титомъ. Вопросъ шелъ объ окончательномъ упраздненіи номизма въ самой жизни христіанской; тутъ онъ былъ пока сохраненъ соборнымъ опредѣленіемъ для іудео-христіанъ по условіямъ исторической педагогіи, но эллинская миссія Павлова фактически созидалась на совершенномъ его отверженіи и для своей догматической прочности требовала принципіальнаго рѣшенія,—конечно,—со стороны однихъ тѣхъ лицъ, которыя были единственно компетентны въ сужденіи о существѣ христіанской истины и о ея фактическомъ закрѣпленіи среди людей. Мы видимъ, что у св. Павла была еще особая нужда, важная и лично и для самой судьбы христіанскаго оглашенія. Естественно, что онъ постарался выяснить этотъ предметъ точно и Апостолы нашли необходимымъ отвѣтить спеціально, а іудействующіе враги употребили все стремительное усердіе для своего торжества. Отсюда и послѣдовало особое „стязаніе“ съ одними „знаменитѣйшими“ по миновеніи общихъ совѣщаній.

Несомнѣнно, что между Дѣян. xv и Гал. II нѣтъ противорѣчія, ибо, касаясь разныхъ моментовъ въ событіи, онѣ не могутъ быть ни тожественными, ни взаимоисключающими, но лишь согласующимися въ главномъ и важнѣйшемъ. Не менѣе очевидно и необычайное значеніе разбираемаго эпизода въ личной исторіи Павловой, если здѣсь затрогивался самый ея жизненный нервъ. Поэтому отмѣчается и особый мотивъ откровенія божественнаго (Гал. II, 2), которымъ Апо-

Digitized by Google

столу внушено было свыше, что, исполняя порученіе Антіохійцевъ, онъ получитъ удовлетвореніе и личныхъ миссіонерско-благовѣстническихъ запросовъ. Они описываются во фразѣ съ оттѣнкомъ вопроса: μή πως εἰς κενὸν τρέχω ἢ ἔδραμον, *да не како вотще теку, или текохъ* (Гал. II, 2). Настоящее время глагола (*теку*) указываетъ всегдашнее и неизмѣнное начало подвига Павлова, а прош. несоверш. (*текохъ*) отмѣчаетъ частные факты его практическаго осуществленія въ прошломъ. Но по нормальной логикѣ оба ряда должны были совпадать между собою, когда норма выражается въ соотвѣтственныхъ актахъ и ими оправдывается въ своей дѣйственности. Раздѣленіе убѣждаетъ, что въ данномъ случаѣ не допускалось такого согласія, почему возможно было недоумѣніе и насчетъ принципіальныхъ нормъ и касательно внѣшнихъ обнаруженій. Осужденіемъ первыхъ, конечно, порицались и вторыя, но они ничуть не ограждались прямо истинностію тѣхъ, поскольку мыслимо теоретически и бываетъ не рѣдко, что при фактическомъ закрѣпленіи аксіомы допускаются уклоненія и нарушенія. Отсюда выходитъ, что безупречность апостольскаго достоинства—сама по себѣ—далеко не утверждаетъ благовѣстническаго служенія Павлова въ его подлинныхъ свойствахъ. Этимъ выдвигалась для испытанія задача: выдерживается ли въ миссіонерской практикѣ и оправдывается ли ею тотъ принципъ, какой былъ прежде признанъ „предними“ Апостолами по вниманію къ апостольскому избранію св. Павла? Въ результатѣ получалось бы освященіе всего метода Павлова—при положительномъ отвѣтѣ, либо его отрицаніе, когда и догматическое основаніе то ограждалось незыблемо, то рушилось безвозвратно. Столь роковое недоумѣніе было заявлено къ благовѣствованію, примѣнявшемуся при проповѣди среди язычниковъ (II, 2),—и его особенная сила раскрывается упоминаніемъ Тита (II, 3). Видимо, послѣдній не принадлежалъ къ числу „нѣкихъ другихъ“, отправленныхъ Антіохійцами съ Павломъ и Варнавой на апостольскій соборъ (Дѣян. XV, 2), ибо онъ не былъ посланъ изъ Антіохіи, а его „взялъ съ собою“ самъ Апостолъ (Гал. II, 1) въ качествѣ личнаго довѣреннаго спутника и, разумѣется, не безъ нарочитыхъ цѣлей. Объ нихъ не безъ права мы можемъ догадываться по ближайшей характеристикѣ Тита.

II, 3.

Digitized by Google

II, 4. 5. Первѣе всего это ὁ σὺν ἐμοί, *иже со мною* (II, 3), въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы двойникъ св. Павла, его ближайшій помощникъ на миссіонерскомъ поприщѣ, неоспоримо авторитетный, хотя и вторичный, носитель Евангелія Христова. Но—съ другой стороны—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Ἕλλην ὤν, *еллинъ сый*, чистѣйшій язычникъ, совсѣмъ не вѣдавшій ига Моисеевыхъ заповѣдей. Это сочетаніе гласило, что эллинизмъ, не нуждаясь въ обрѣзаніи для полноты своего христіанскаго достоинства, не закрываетъ пути и къ высшимъ степенямъ благовѣстничества. Этимъ живымъ примѣромъ іудаистическія ограниченія уничтожаются окончательно, и для миссіонерства санкціонируется безъязъятное торжество благодати Христовой. Правъ ли здѣсь св. Павелъ?—для рѣшенія этого вопроса было недостаточно общаго соборнаго декрета, поелику всѣ христіане, даже іудаисты, принимали, что Евангеліе назначено и для язычниковъ, но касательно способовъ возможны были и встрѣчались разныя мнѣнія. Теперь естественно и спеціальное совѣщаніе съ одними „знаменитѣйшими“ (II, 2), гдѣ Апостолъ языковъ одержалъ совершенную побѣду, ибо Титъ не былъ принужденъ обрѣзаться (II, 3), не смотря на упорныя требованія. Послѣднія исходили отъ іудействующихъ, потому что именно имъ и не покорился тогда писатель (II, 5). Для такого энергическаго отказа были у него всѣ неоспоримыя причины: 1) они ψευδαδέλφοι, *лжебратія* и ложно усвояютъ себѣ братскую солидарность съ вѣрующими чадами Божіими, 2) почему проникновеніе ихъ въ христіански-братскую среду бываетъ шпіонскимъ соглядатайствомъ съ эгоистическою цѣлію подчиненія всѣхъ облагодатствованныхъ своимъ частнымъ вожделѣніямъ насчетъ непрерывной обязательности закона Моисеева, 3) дабы парализовать евангельскую свободу безпрепятственнаго общенія съ Богомъ, какую мы имѣемъ во Христѣ Іисусѣ (II, 4). И эти замыслы были бы достигнуты рѣшительно, еслибы воплощенный носитель Павловыхъ принциповъ—Титъ—былъ обязанъ къ обрѣзанію апостольскимъ приговоромъ. Но св. Павелъ предусмотрѣлъ эту опасную сторону и не уступилъ вражескому напору, охраняя самое существо Евангелія, или ту истину его (ἡ ἀλήθεια τοῦ εὐαγγελίου), которая въ немъ единственно заключается и безъ которой само оно уже не будетъ истинно (II, 5). Слѣдовательно,

Digitized by Google

свобода во Христѣ есть необходимѣйшее и главнѣйшее II, 6. 7. 8.
свойство благовѣстія Христова. Естественно, что это исповѣданіе не допускаетъ добавленій, хотя бы и со стороны „мнимыхъ столповъ". При томъ въ дѣлѣ Божіемъ частныя человѣческія отличія не имѣютъ важности, ибо тутъ все отъ Бога, а Онъ нелицепріятенъ. Понятно, что, не отрицая историческаго преимущества „преднихъ" по ихъ самовидчеству въ непосредственномъ общеніи съ Господомъ, св. Павелъ не допускаетъ іудаистическаго преувеличенія названной черты, будто она даетъ имъ самодержавное преобладаніе и надъ нимъ, какъ богопосланнымъ благовѣстникомъ [1]. Въ свою очередь іерусалимскіе вожди не нашли въ этомъ опоры для властнаго возвышенія надъ своимъ собратомъ съ возложеніемъ на него своихъ добавочныхъ требованій, когда онъ явился бы несовершеннымъ и нуждающимся въ исправленіи (II, 6). Подобнаго результата страстно желали враги Павловы,—и тѣмъ позорнѣе было для нихъ пораженіе. Случилось совсѣмъ противное коварнымъ замысламъ. „Предніе" убѣдились, что св. Павлу ввѣрено благовѣстіе, и онъ уполномоченный строитель таинъ Божіихъ въ его спеціальномъ достоинствѣ проповѣдника для необрѣзанія, которое по этому самому оказывается равноправнымъ обрѣзанію. Отсюда неотразимо и его совпаденіе со св. Петромъ, каковой фактъ энергически выдвигается потому, что Кифа былъ первѣйшимъ представителемъ миссіонерскаго служенія въ Израилѣ и онъ же смѣло и прежде другихъ переходилъ его границы. Это заключеніе покоилось на осязательныхъ основахъ, поскольку говорится (II, 7) о видѣніи (ἰδόντες), а оно требуетъ для себя объективныхъ фактовъ, доступныхъ наблюденію. Эти фактическія оправданія изображаются въ качествѣ тожественнаго результата одинаковаго содѣйствія Божія іудейскому и эллинскому благовѣствованію (II, 8), гдѣ несомнѣнно содружество двухъ силъ — чрезвычайной и постоянной, вспомоществуемой божественнымъ „споспѣшествованіемъ". Теперь понятно и свойство этихъ данныхъ, ибо такое соче-

[1] Уже эта связь показываетъ, что въ II, 6 подъ „бывшими нѣкогда" безусловно нельзя разумѣть іудаистовъ, пользовавшихся прежде благоволеніемъ и покровительствомъ со стороны «знаменитѣйшихъ», какъ допускается у *V. Weber*'а безъ всякихъ серьезныхъ основаній и побужденій.

Digitized by Google

II, 9 («мниміи столпи»).

таніе необходимо должно было сопровождаться необыкновенными явленіями, превышающими ординарный уровень. Въ этомъ отношеніи между Петромъ и Павломъ, дѣйствительно, усматривается равенство миссіонерскаго опыта и успѣха. Въ Кесаріи „вѣрующіе изъ обрѣзанія изумились, что даръ Святаго Духа излился и на язычниковъ“, а Симонъ на это замѣтилъ: *еда воду возбранити можетъ кто, еже не крестися симъ, иже Духъ Святый пріяша, якоже и мы* (Дѣян. x, 45. 47)? Этимъ серцевѣдецъ Богъ нарочито засвидѣтельствовалъ, что Онъ не положилъ никакого различія между ими и тѣми (xv, 7—9). Значитъ, и у Петра были спеціальныя божественныя удостовѣренія законности и правильности христіанской проповѣди свободы эллинамъ, какъ Павелъ съ Варнавою разсказывали о неотразимыхъ „знаменіяхъ и чудесахъ“ Божіихъ во языцѣхъ (xv, 12) за время своего миссіонерскаго прошлаго. Углубляясь дальше въ существо этихъ наблюденій, нельзя было не убѣдиться и въ достоинствѣ регулярнаго фактора апостольскаго благовѣстничества. Если итогъ условливается двумя двигателями, изъ которыхъ сверхъестественный вездѣ солидаренъ, то и другой долженъ быть не менѣе единымъ, чтобы получался согласный результатъ. Посему совершенное сходство простирается и на вспомоществующую свыше апостольскую энергію. Для „преднихъ“ она была въ данной имъ и дѣйствующей чрезъ нихъ благодати Божіей, которая будетъ въ полной мѣрѣ несомнѣнною и во св. Павлѣ по ея всегдашнему пребыванію въ немъ въ качествѣ дара Божія (Гал. II, 9). Но разъ исключительно благодатнымъ участіемъ предрѣшаются и важность и благоплодность евангельскаго служенія всѣхъ вѣстниковъ Христовыхъ, въ такомъ случаѣ и Апостолъ языковъ оказывается на ряду съ „мнимыми столпами“. Одобреніе ихъ слѣдовало теперь неизбѣжно, и оно непререкаемо со всѣхъ сторонъ, ибо исходило отъ Іакова, Кифы и Іоанна.

Первое мѣсто принадлежало „брату Господню“ лишь по званію главы іерусалимской общины, а она была церковію-матерію, откуда начиналось и отправлялось всякое благовѣстіе. Въ этомъ смыслѣ Іаковъ своимъ благословеніемъ санкціонировалъ теоретическую законность христіанскаго проповѣдничества въ мірѣ язы-

Digitized by Google

ческомъ, удостовѣряя историческую благовременность привлеченія его въ сферу благодатнаго озаренія. Петръ былъ выдающимся представителемъ оглашенія во Израилѣ и въ этомъ званіи, спеціально отмѣчаемомъ у писателя посланія арамейскимъ именемъ Кифы, могъ свидѣтельствовать и засвидѣтельствовалъ жизненную потребность такого расширенія. Здѣсь ограждались принципъ и практика эллино-христіанской миссіи, но пока не было оцѣнено качество ея Павлова примѣненія по масштабу совмѣщенія идеальнаго съ реальнымъ. Будучи орломъ богословія и всюду подмѣчая соотношеніе со стороны гармоніи или контраста, — св. Іоаннъ былъ особенно способенъ констатировать строгое совпаденіе идеи и факта и окончательно утвердилъ незыблемость благовѣстническаго метода Павлова. II, 9.

Необходимымъ результатомъ признанія эллино-христіанскаго апостольскаго служенія являлась взаимная солидарность въ самой благовѣстнической дѣятельности, и „знаменитѣйшіе“ подали пришельцу десницы въ выраженіе своего общенія на этомъ поприщѣ. Такое содружество мыслимо лишь при раздѣльности, но не при единствѣ. Поелику же насчетъ достоинства господствовало второе, то и названная взаимность отсылаетъ къ миссіонерскому осуществленію, какъ должно думать и по упоминанію Варнавы, который сближался со св. Павломъ только по своей благовѣстнической активности. Затѣмъ ясно, что—при равноправности миссіонерскаго подвига—различіе въ немъ будетъ развѣ въ примѣненіи единой силы къ разнымъ объектамъ, хотя съ одинаковымъ успѣхомъ. Теперь естественно временное обособленіе,—чтобы одни шли къ язычникамъ, другіе къ обрѣзаннымъ,—и понятенъ его основной этнографическій характеръ разграниченія въ приложеніи благодатной энергіи къ тѣмъ или инымъ пунктамъ—съ преимущественнымъ предоставленіемъ св. Павлу эллинизма, преднимъ народа іудейскаго (п, 9), впрочемъ, безъ всякихъ запретовъ вторженія въ иныя области, когда онѣ были бы чужими, а этого не можетъ быть ни для благости Христовой, ни для ревности апостольской. Торжественнымъ и открытымъ благословеніемъ миссіи языческой „столпы“ уже выразили эллинскому благовѣстнику свое общеніе въ самой благотворной формѣ,

Digitized by Google

II, 10. 11 сл. (когда?). избавивъ его отъ всякихъ нареканій клеветы и злобы и чрезъ это расчистивъ путь для безпрепятственности въ миссіонерской работѣ. Съ своей стороны и Апостолъ языковъ отвѣчалъ пока единственно доступнымъ для него способомъ вспомоществованія бѣдному братству іерусалимскому. Тутъ онъ дѣйствовалъ точно въ духѣ установленнаго соглашенія (αὐτὸ τοῦτο, *сіе истое*) и своими милостынями запечатлѣвалъ братскую солидарность, какъ во всякомъ живомъ организмѣ здоровый членъ неизбѣжно и непринужденно отзывается на скорбь больного (II, 10).

Всматриваясь въ отдѣльные моменты разсмотрѣннаго іерусалимскаго совѣщанія, мы находимъ что всѣ они согласно укрѣпляютъ незыблемость эллино-христіанской проповѣди Павловой и по ея основѣ и по фактическому обнаруженію, чѣмъ прямо оправдывалось божественно независимое апостольство и спеціально эллинское благовѣстничество, засвидѣтельствованное при первомъ іерусалимскомъ визитѣ. Далѣе вполнѣ натурально, что св. Павелъ былъ непреклоненъ въ этомъ направленіи и не уступалъ какимъ-либо знаменитостямъ, самъ будучи исключительнымъ авторитетомъ. Яркая иллюстрація тому въ антіохійскомъ столкновеніи его съ Петромъ (II, 11 сл.).

О времени этого событія высказывается мнѣніе, что оно было предъ началомъ третьяго благовѣстническаго путешествія за „нѣсколько дней“ пребыванія Павлова въ Антіохіи сирійской (Дѣян. XVIII, 22—23), но теперь не было здѣсь Варнавы, а непосредственный ходъ рѣчи говоритъ о ближайшей хронологической преемственности съ предшествующимъ [1]. Посему гораздо вѣроятнѣе разумѣть періодъ антіохійской жизни немедленно по возвращеніи съ апостольскаго собора.

Частности этого происшествія очень несложны. Не вдолгѣ по прибытіи назадъ антіохійской делегаціи съ іерусалимскими уполномоченными—св. Петръ тоже приходитъ на берега Оронта (Гал. II, 11) и, конечно, съ цѣлію поддержать дѣло Павлово. И мы видимъ, что онъ немедленно вступаетъ въ общеніе съ язычниками, охотно принимая участіе въ ихъ трапезахъ и тѣмъ наглядно свидѣтельствуя о полной

---

[1] Со своей точки зрѣнія *V. Weber* относитъ этотъ эпизодъ къ Дѣян. XIV, 28, то даже къ Дѣян. XIII, 1.

Digitized by Google

равноправности во Христѣ. Затѣмъ совершается прискорбный переворотъ. Виновниками его были „нѣкіи отъ Іакова“. Ихъ нельзя считать строгими іудаистами партикуляристическаго типа, когда воздѣйствіе на Петра было бы непостижимо. Равно не имѣется основаній усвоять имъ званіе спеціальныхъ посланцовъ „брата Господня“, ибо въ этомъ случаѣ не видится ни благословнаго мотива, ни достойной цѣли. Скорѣе всего—это были лица изъ круга приближенныхъ Іакова, живые выразители его принциповъ о первенствующемъ созиданіи новозавѣтнаго царства Божія на почвѣ іудейства и въ согласіи съ ея священными свойствами. Въ этомъ качествѣ они и безъ всякой намѣренной агитаціи уже однимъ своимъ присутствіемъ напоминали св. Петру объ оставленіи и затемненіи собственной миссіи въ апостольствѣ у обрѣзанія съ его правами и особыми методами. Теперь Кифа поколебался, постепенно отпадая отъ прежней практики изъ опасенія соблазна для обрѣзанныхъ (II, 12). Его примѣръ былъ такъ внушителенъ и заразителенъ, что имъ увлеклись не только іудео-христіане, но даже и вѣрнѣйшій сотрудникъ Павловъ—Варнава (II, 13). II, 12. 13.

Все это необычно и тѣмъ не менѣе вполнѣ понятно въ данную эпоху постепеннаго церковнаго устроенія. Іерусалимскимъ соборнымъ опредѣленіемъ была санкціонирована совмѣстность іудео—и элинно—христіанства, но этимъ совсѣмъ еще не утверждалось, что первое должно было прямо уподобляться второму, а не просто не налагать своихъ отличительныхъ требованій на язычниковъ. Когда обрисовалась эта сторона, св. Петръ, естественно, измѣнилъ своему первоначальному антіохійскому поведенію въ интересахъ обезпеченія спокойнаго и неблазненнаго теченія іудео-христіанской миссіи [1]. Впрочемъ, тутъ не было принципіальнаго осужденія прошлому, поскольку это было бы отказомъ отъ коренного воззрѣнія, что іудей и эллинъ равны во Христѣ и ихъ

[1] Всѣмъ этимъ устраняется самая надобность для невозможной гипотезы, будто антіохійское столкновеніе было притворнымъ и устроено Петромъ и Павломъ по взаимному соглашенію, ради нагляднѣйшаго убѣжденія другихъ въ упраздненіи законничества (Оригенъ, св. Іоаннъ Златоустъ, Икуменій, Ѳеофилактъ), каковую догадку столь побѣдоносно и успѣшно разбивалъ блаж. Августинъ въ горячемъ спорѣ съ Іеронимомъ.

Digitized by Google

II, 14. внѣшнія человѣческія отличія не заключаютъ въ себѣ важности, условливающей самое воспріятіе благодатнаго спасенія. Все колебаніе было лишь „лицемѣріемъ“ (II, 13) и состояло въ приспособительномъ прикрытіи исконнаго убѣжденія, почему самъ Петръ не чувствовалъ за собою абсолютнай правоты и былъ зазоренъ (II, 11) въ собственныхъ глазахъ, какъ отступившій отъ существеннаго ради временнаго, хотя бы и съ добрыми намѣреніями. Тутъ не было грѣха принципіальнаго. Тѣмъ не менѣе фактически получилось соблазнительное указаніе для немощныхъ и слабыхъ, что для достиженія евангельской истины не достаточно прямого пути непосредственнаго приближенія ко Христу, а требуются и окольныя тропинки по ветхозавѣтному законническому маршруту (II, 14). Въ дальнѣйшемъ теченіи это грозило опасностію заблудиться и къ завѣтной цѣли не прибыть. Само собою ясно, что для іудеохристіанской мнительности и іудаистической подозрительности здѣсь былъ поводъ къ провозглашенію тенденціозной мысли, будто набрасывается тѣнь на „свободное“ благовѣстіе Павлово, не признающее и не допускающее подобныхъ согласованій съ религіозно-національными преимуществами Израиля. Въ эту эпоху естественныхъ обостреній между старымъ и новымъ въ самой жизни даже одна такая возможность, освященная авторитетомъ іерусалимскаго „столпа“, была крайне грозною, создавая сомнѣнія насчетъ элинно-христіанской миссіи и затрудняя спокойное прогрессивное ея развитіе. Отвѣтственность за всѣ эти искушенія падала именно на Петра, столь вліятельнаго по своему положенію. Нормально, что Апостолъ языковъ говоритъ ему лично (II, 11) и съ открытою торжественностію (II, 14), дабы, обратившись, Симонъ и въ этомъ случаѣ утвердилъ колеблющихся братьевъ своихъ.

Въ посланіи къ Галатамъ писатель даетъ, конечно, не подлинныя слова (ipsissima verba) своей антіохійской рѣчи, но сжатое воспроизведеніе ея простирается до заключенія II-й главы (ср. у блаж. Іеронима), а не по 15-й стихъ, такъ какъ—для полноты и дѣйственности—обличеніе заблужденія всегда требуетъ еще обоснованія самой истины, если не хочетъ быть пустымъ, безжизненнымъ ратоборствомъ—даже за правду. Понятенъ и фактическій ходъ аргументаціи, разъ все идетъ лишь о „лицемѣріи“, не точно отражающемъ подлинное

Digitized by Google

внутреннее содержаніе. Тогда неизбѣженъ вопросъ: что же за II, 15.
нимъ таится неизмѣннаго и незыблемаго, которое приноравливается къ исторической реальности? Это, разумѣется, то, что св. Петръ, желая быть и жить іудеемъ, въ силу номистическихъ условій былъ бы обязанъ всесовершенною вѣрностію собственно Моисею—съ устраненіемъ всякихъ соперниковъ и съ безраздѣльною покорностію Торѣ, являющейся единственнымъ евангеліемъ народа іудейскаго. На дѣлѣ находимъ совсѣмъ обратное, что Кифа и въ періодъ лицемѣрнаго уклоненія не усвоялъ такого абсолютизма ветхозавѣтному законадателю, исповѣдуя догматически его поглощеніе Господомъ Христомъ. Значитъ, и теперь онъ живетъ скорѣе поязычески, ибо не опирается на свои іудейскія права, приближаясь къ лишенному ихъ эллинизму. Отсюда ясно, какъ непослѣдовательно было бы склоненіе другихъ своимъ примѣромъ къ жидовствованію, а при подавляющемъ достоинствѣ Петровомъ въ глазахъ всѣхъ христіанъ антіохійская метаморфоза служила прямымъ принужденіемъ (II, 14) для „іудейской" совѣсти[1]. Недопустимое лично—по соображенію со взятою индивидуальностію, такое поведеніе не оправдывается и объективно—со стороны существа спасительныхъ упованій. Оба собесѣдника по самому своему происхожденію были іудеями и, натурально пользуясь этими отличіями, оставались непричастными сквернѣ (II, 15) безбожія, свойственнаго отчужденному отъ Израиля язычеству (ср. Еф. II, 12). Однако нынѣ они все это покинули для вѣры и устрояются единственно ею. Оцѣнивая этотъ фактъ принципіально и возстановляя его идейную логику, мы должны будемъ разсуждать въ томъ смыслѣ, что они увидѣли, какъ человѣкъ не оправдывается [дѣлами исполненія предписаній] закона, а послѣднее неоспоримо, поелику невозможно святое осуществленіе его грѣшникомъ, который при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ болѣе нарушаетъ законническую возвышенность, чѣмъ приближается къ ней. Напередъ нужно неза-

[1] Уже это одно указываетъ на высокую авторитетность разумѣемаго лица, а потому прямо устраняется уже у блаж. Іеронима) апологетическая догадка Климента ал. (ср. Евсевій и псевдо-Дороѳей; катол. Vallarsi, Molkenbuhr, Al. Vincenzi), будто участникомъ разсматриваемаго антіохійскаго эпизода былъ не св. Апостолъ Петръ, но Кифа—одинъ изъ LXX-ти учениковъ Господнихъ.

Digitized by Google

II, 16—18. висимое возрожденіе личности, чтобы она оказалась способною творить добро. Это желанное благо и доставляется Іисусомъ въ достоинствѣ Христа-Мессіи или избавителя человѣчества отъ тяготѣющей безпомощности, каковая свидѣтельствуетъ, что для воспріятія христіанскаго обновленія дозволительно только почерпаніе его въ Господѣ помимо безсильнаго законническаго напряженія. Отсюда необходимость непосредственнаго общенія со Спасителемъ въ вѣрѣ, и они увѣровали, обнаруживъ этимъ, что для пріобрѣтенія праведности законничество рѣшительно несостоятельно (II, 16). При истинности сего недозволительно и возраженіе, что, стремясь къ полученію искомой правды во Христѣ, мы окажемся на положеніи лишенныхъ святыни Израилевой эллиновъ, или будемъ грѣшниками. Вѣдь таковыми мы бываемъ чрезъ Христа, и въ результатѣ у насъ вышло бы, что Онъ работалъ грѣху, ибо всѣхъ своихъ исповѣдниковъ неизбѣжно подчиняетъ ему. Разумѣется, подобная нелѣпость нетерпима (II, 17), но она устраняется и нашимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ закону, при чемъ будто бы грѣховно попраны священныя нормы. Я былъ бы несомнѣнно повиненъ предъ ними, еслибы покидалъ и отвергалъ ихъ опрометчиво и произвольно, почему возвратъ раскаянія удостовѣрялъ бы мою „преступность“ и священную ихъ значимость, мною поруганную (II, 18). Въ разбираемомъ случаѣ все дѣло стоитъ совершенно иначе. Я умеръ для закона, такъ что и вліять на меня онъ не въ силахъ при всей энергіи своего давленія: это, конечно, правда,—только съ чрезвычайною оговоркой, что все совершилось διὰ νόμου, т. е. чрезъ него. Слѣдовательно, онъ самъ былъ посредствующею причиной моей смерти ему, а потому я не могу искать въ немъ того, что даже и онъ въ себѣ отрицаетъ. И намъ извѣстно принципіальное основаніе, что, побуждая къ праведности, но не давая ея и распаляя внутреннюю жажду духовнаго томленія, законъ необходимо отсылалъ къ божественному носителю и подателю ея во Христѣ Іисусѣ. Ясно, что предъ такимъ закономъ я не преступенъ, ибо ему именно и повинуюсь всецѣло, удовлетворяя его кореннымъ влеченіямъ. Теперь безспорно, что и въ итогѣ нельзя ожидать омертвенія грѣховности, близкаго къ языческому безбожію. Напротивъ, предшествующій актъ за-

Digitized by Google

коннической измѣны бываетъ лишь при сліяніи со Христомъ для жизни Богу, когда въ единеніи сораспятія Страждущему почерпается и крѣпость обновленія отъ Воскресшаго (II, 19). Тутъ я какъ бы срастаюсь съ Господомъ Искупителемъ, и въ Немъ упраздняется моя личная особность естественной ограниченности и религіозно-моральнаго убожества путемъ вселенія оживотворяющей благодати Христовой. Съ этой точки зрѣнія нынѣшнее пребываніе мое во плоти лишается самобытности и не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ моей независимой индивидуальности. Если же оно все-таки продолжается, то мы должны согласиться, что и фактически и этически тутъ все созидается новымъ оживляющимъ началомъ, при чемъ я живу и чувствую для себя этическое оправданіе лишь благодаря вѣрѣ во Христа, гдѣ я срастворяюсь божественному Избавителю, а Онъ — въ качествѣ истиннаго Сына Божія—приходитъ ко мнѣ по своей безпредѣльной любви и спасаетъ насъ благостнымъ подвигомъ своей самопреданности (II, 20). Изъ Него возникаетъ и на Немъ держится все наше христіанское бытіе, откуда неизбѣжно, что при Немъ рѣшительно недопустимо ничто второе, хотя бы это были „дѣла законныя“: иначе произошло бы отверженіе благодати искупительнаго возрожденія отъ Бога, потому что если въ законѣ средство полученія людьми правды Божіей, то Христосъ умеръ *туне* (δωρεάν)—безъ достаточныхъ поводовъ и безъ благоплодныхъ результатовъ (II, 21). II, 19—21.

Такимъ образомъ благовѣстническій методъ св. Павла обладаетъ принципіальною христіанскою незыблемостію и подтверждаетъ его апостольскую авторитетность по способу происхожденія и по характеру примѣненія. При этомъ стройномъ логически-предметномъ сочетаніи конечный моментъ фактической защиты апостольскаго достоинства служитъ къ показанію еще и неложности догматическихъ убѣжденій касательно всеобщаго спасенія во Христѣ Іисусѣ исключительно благодатію Божіей, когда апостольское ученіе являлось проповѣдію благовѣстія христіанской свободы.

Здѣсь открывается просторъ для подробнаго изложенія догматическихъ воззрѣній съ точнымъ выясненіемъ, въ чемъ именно состоитъ провозглашаемое во языцѣхъ

Digitized by Google

III, 1—7.

§ 2) „Евангеліе“ Павлово

въ его существѣ и по отношенію къ закону? Первая часть вопроса не требуетъ многихъ разсужденій даже для „несмысленныхъ“ Галатовъ, прельщенныхъ змѣинымъ очарованіемъ, которое отклонило въ сторону ихъ взоръ, доселѣ всецѣло фиксировавшійся на Христѣ распятомъ, всегда бывшемъ предъ глазами. Тутъ достаточно краткаго отвѣта, что наше спасеніе объективно созидается на крестномъ искупленіи, а субъективно устрояется при единеніи вѣры съ Господомъ Избавителемъ и при полученіи Духа для хожденія и возрастанія въ правдѣ (Гал. III, 1—2). Уклоненіе съ этого пути было бы отпаденіемъ отъ самаго источника, вызвавшаго и опредѣляющаго христіанскую жизнь въ истинномъ теченіи (III, 3—5), но не менѣе того оно будетъ попраніемъ и всѣхъ священныхъ завѣтовъ израильской исторіи. За это говоритъ самое дѣло, ибо въ обрисованномъ видѣ спеціальное новозавѣтное избавленіе предносилось ветхому и было оживотворяющею его душой. Такъ— и по слову закона (Быт. xv, 6)—актъ высочайшаго довѣрія Богу, когда Ему Авраамъ всецѣло предался вопреки всѣмъ фактическимъ возможностямъ,—этотъ актъ былъ зачтенъ дѣйствительно въ праведность (III, 6) съ признаніемъ ея наличности (ср. Рим. iv, 3), поелику патріархъ и трактовался и былъ „другомъ Божіимъ“ (ср. Іак. п, 23). Но всѣ согласны, что въ этомъ религіозномъ отличіи заключается и все достоинство праотца израильскаго, что онъ былъ вѣрующій праведникъ или праведный по вѣрѣ, — помимо національныхъ и индивидуальныхъ особенностей. Безспорно отсюда, что сыновство ему можетъ условливаться лишь одною вѣрой (III, 7). Подобный выводъ подтверждается и божественнымъ обѣтованіемъ: „*въ тебѣ* благословлятся всѣ народы“ (Быт. xii 7 и xviii, 18). Въ немъ сказано, что благословеніе получится чрезъ Авраама по единенію съ нимъ, но для „*всѣхъ* народовъ“ это невозможно плотскимъ способомъ чрезъ кровныя связи и необходимо предполагаетъ превосходящее плотскую ограниченность начало, какимъ и была вѣра, доступная всѣмъ людямъ. Въ этомъ смыслѣ незыблемо, что въ самомъ предре-

Digitized by Google

ченіи Божіемъ предусматривалось оправданіе вѣрою и язычниковъ (III, 8). Понятны и дальнѣйшія слѣдствія. Они будутъ въ томъ, что если благословеніе Божіе почерпается при общеніи только съ вѣрнымъ Авраамомъ и лишь чрезъ вѣру, то и доступно оно именно вѣрующимъ (III, 9), которые одни обладаютъ истиннымъ родствомъ, ведущимъ къ сыновнему пріобрѣтенію оправданія Авраамова. III, 8—12.

Закону тутъ нѣтъ мѣста, и его вторженіе необходимо сопровождается обратными результатами отстраненія отъ благостной сферы. Поэтому оказываются „подъ клятвою" всѣ, *елицы отъ дѣлъ закона суть* или тѣ, кто созидаетъ свою религіозную правду на его фактическомъ осуществленіи, поелику сего не бываетъ и быть не можетъ по неустранимой причинѣ. Основнымъ требованіемъ здѣсь служитъ заповѣдь (Второз. XXVII, 26) о всегдашнемъ и всецѣломъ исполненіи всѣхъ дробныхъ законническихъ предписаній, а они неизмѣнно являются цѣлію, подлежащею нашему непрестанному творенію, и не находятъ въ нашей волѣ законченности, нуждающейся лишь въ продолженіи (III, 10). Законъ не даетъ праведности, и принциціальная причина коренится въ самомъ существѣ истиннаго спасенія, что праведникъ живетъ вѣрою (Аввак. II 4), ею сохраняетъ жизнь свою (праведную) и—значитъ—отъ вѣры же почерпаетъ и самую живительную праведность (III, 11). Напротивъ, исключительное условіе законническаго бытія (см. Лев. XVIII, 5) полагается въ исполненіи закона (Гал. III, 12), между тѣмъ оно ни у кого не бываетъ въ такой степени, чтобы обладать оправдывающе-жизненными свойствами. Но всякія легалистическія нормы, обязательно доставляя отплату награды за ихъ точное закрѣпленіе, не менѣе неотвратимо навлекаютъ наказаніе осужденія за малѣйшія неисправности. Отсюда и надъ подзаконными необходимо тяготѣетъ клятва, почему напередъ нужно освободиться отъ нея, чтобы имѣть фактическую возможность для достиженія благословенія Авраамова. Это избавленіе и совершено Христомъ, ибо Своимъ позорнымъ висѣніемъ на [крестномъ] древѣ (Второз. XXI, 23) Онъ добровольно предоставилъ просторъ для обнаруженія всей энергіи возмездія со стороны закона, а послѣдній, исчерпавъ при такой безпрепятственности всю свою грозную силу, потомъ убиваетъ самъ себя своею несправедливостію въ отношеніи къ без-

Digitized by Google

III, 13—15. грѣшному Страдальцу и затѣмъ необходимо упраздняется (III, 13) Такъ открывается путь къ усвоенію благъ Авраамовыхъ, которыя теперь освобождаются отъ связывающихъ номистически-національныхъ стѣсненій и потому одинаково воспринимаются и язычниками, поскольку всѣми почерпаются во Христѣ единеніемъ вѣры съ Нимъ безъ всякаго участія закона. Дальше выходитъ, что именно со времени этого универсалистическаго распространенія спасительное благословеніе Авраамово начинаетъ проявлять реально свою фактическую дѣйственность, разъ прежде оно было запечатлѣно клятвою. Въ такомъ случаѣ и сами іудеи сподобляются этого благостнаго дара тоже лишь съ настоящаго момента и, конечно, путемъ вѣры, подающей имъ и Духа святости для жизни возрожденія (III, 14).

Неизбѣжный выводъ ясенъ самъ собою, что истинное исполненіе завѣтныхъ чаяній совершается не дѣлами закона и бываетъ послѣ его упраздненія, которое требуется по самому ихъ неотразимому смыслу. Естественно, что законъ не могъ быть устраненіемъ и замѣщеніемъ первоевангелія (ср. III, 8). Воспользуемся для наглядности аналогіями изъ области житейскихъ отношеній. Тутъ для формально утвержденнаго завѣщанія незыблемо, что въ немъ никто не въ правѣ ни отмѣнить, ни прибавить что-нибудь (III, 15). Приложимъ эту точку зрѣнія въ качествѣ мѣрки и къ благословенію Авраамову. Для него важно, что обѣтованія даны Аврааму и сѣмени его совмѣстно (Быт. XIII, 15. XVII, 8), при чемъ ἐῤῥέθησαν (изрекались) и ἐπαγγελίαι (множ. ч.) свидѣтельствуютъ, что въ многократномъ и категорическомъ повтореніи воля Божія нашла себѣ законченное и пунктуальное выраженіе. Здѣсь — поэтому — дорога и знаменательна всякая малѣйшая черта. А въ приведенной формулѣ крайне характерна отмѣченная совмѣстность, при которой Авраамъ лишь вкупѣ съ сѣменемъ получаетъ обѣтованіе Божіе, откуда будетъ справедливо и обратное, что сѣмя воспринимаетъ обѣтованіе въ неразрывности отъ Авраама. Для соблюденія перваго условія достаточно, что наряду съ патріархомъ включается въ число обѣтованныхъ наслѣдниковъ и сѣмя. Въ свою очередь для послѣдняго тестаментарное требованіе будетъ выполнено не иначе, какъ чрезъ такое совмѣщеніе, при которомъ въ обѣтованномъ пользо-

Digitized by Google

ваніи неизмѣнно и натурально соучаствуетъ Авраамъ. Эта нераздѣльность мыслима только при тожествѣ взаимнаго сліянія въ цѣлостной индивидуальности, объединяющей въ себѣ и праотца израильскаго. Очевидно, это будетъ единичная личность съ достоинствомъ „второго Авраама", достигшая его обѣтованія въ фактическое обладаніе и сообщающая всѣмъ другимъ. По изложенному выше, таковъ есть Христосъ Искупитель (III, 16). Эту мысль свою Апостолъ и иллюстрируетъ удареніемъ на единственномъ числѣ термина καὶ τῷ σπέρματι αὐτοῦ, *и сѣмени его*, согласно формалистической тестаментарной строгости насчетъ каждой буквы, и по объективнымъ даннымъ, потому что евр. слово זֶרַע, будучи коллективнымъ понятіемъ потомства вообще, въ разбираемомъ стихѣ фактически можетъ означать только нумерическую единичность и тѣмъ самымъ отсылаетъ къ Господу Спасителю, разъ Онъ одинъ удовлетворяетъ всѣмъ особенностямъ завѣта Божія [1].

III, 16. 17 (продолжительность времени отъ завѣта до закона).

Итакъ: послѣдній былъ *о Христѣ* и въ качествѣ завѣщательнаго акта не отмѣтается позднѣйшими прибавленіями. Во-первыхъ, онъ былъ формально утвержденъ Богомъ (конечно, клятвою: Быт. XXII, 16. Второз. I, 8 и др.; ср. Евр. VI, 17. 18) прежде и пріобрѣлъ юридическую неприкосновенность. Съ другой стороны и законъ, явившись послѣ, не имѣлъ компететности исправлять завѣтнаго опредѣленія [2], если только это не исходило отъ самого завѣщателя, когда будетъ уже не измѣненіе, а уничтоженіе стараго новымъ—съ устраненіемъ всякихъ рѣчей о погашенномъ документѣ. Этого пока не видно, почему должно помнить о хронологическомъ разстояніи между обѣтованіемъ и синайскимъ уложеніемъ въ 430 лѣтъ (III, 17).

Промежутокъ отмѣчается у св. Павла согласно Іосифу Флавію [3], псевдо-Іонаѳану (въ таргумѣ на Исх.

---

[1] Аналогично сему и Самъ Господь Спаситель усвояетъ исключительно Себѣ наименованіе «Сына человѣческаго»—по совершеннѣйшему воплощенію пророческихъ предуказаній Даніила (VII, 13 сл.), хотя бы у послѣдняго и разумѣлся — первоначально или собственно — больше идеальный Израиль.

[2] См. къ сему ниже на стр. 95.

[3] Antiqu. II, 15: 2 у B. Niese I, p. 150: Κατέλιπον δὲ τὴν Αἴγυπτον μηνὶ Ξανθικῷ πεντεκαιδεκάτῃ κατὰ σελήνην μετὰ ἔτη τριάκοντα καὶ τετρακόσια ἧ τὸν πρόγονον ἡμῶν Ἄβραμον εἰς τὴν Χαναναίαν ἐλθεῖν.

Digitized by Google

III, 17 (продолжительность времени отъ завѣта до закона).

XII, 40) и книгѣ Юбилеевъ [1], хотя въ иныхъ мѣстахъ іудейскій историкъ [2] и Филонъ [3] эту цифру относятъ только къ египетскому порабощенію [4]. Нѣтъ надобности входить во всѣ подробности темной ветхозавѣтной хронологіи и достаточно констатировать, что дата посланія къ Галатамъ нимало не противорѣчитъ библейскимъ указаніямъ, ибо въ Быт. XV, 13 предреченіе о странической жизни сѣмени Авраамова *въ земли не своей* (ἐν γῇ οὐκ ἰδίᾳ) обнимаетъ и обитаніе въ Ханаанѣ, бывшемъ пока собственно обѣтованномъ (ср. Евр. XI, 8—9), а въ Исх. XII, 40 греческій переводъ LXX-ти и самарянское Пятокнижіе разумѣютъ египетскую *и* ханаанскую земли. При такомъ счисленіи на египетское рабство придется около 200 съ небольшимъ лѣтъ, и подобный итогъ оправдывается нѣкоторыми другими соображеніями [5]. Левій жилъ въ Египтѣ 94 года, внукъ его и отецъ

---

[1] См. † *A. Dillman* у H. Ewald въ «Jahrbücher der Biblischen Wissenschaft» III (Göttingen 1851), S. 77: «für den aufenthalt in Aegypten 238 jahre bleiben».

[2] *Jos. Flav.* Antiqu. II, 9:1 у B. Niese I, p. 225 (καὶ τετρακοσίων μὲν ἐτῶν χρόνου διήνυσαν ταῖς ταλαιπωρίαις); De bello jud. V, 9:4 у B. Niese VI, p. 487 (οὐ τυραννούμενοι καὶ βασιλεῦσιν ἀλλοφύλοις ὑποπεπτωκότες τετρακοσίοις ἔτεσιν... ἐπέτρεψαν τῷ θεῷ).

[3] Quis rerum divinarum heres sit § 54 у Mangey I, p. 511, [Cohn et] Wendland III, p. 61 (и Yonge II, p. 148): τετρακόσια δὲ ἔτη γίνεται ἡ δουλεία.

[4] Нѣкоторые (напр., Rev. *John E. H. Thomson*, Books which influenced our Lord and His Apostles, Edinburgh 1891, p. 322) находятъ подтвержденіе второму счисленію въ «Вознесеніи Моисея», читая въ I, 3, что ко времени кончины 120-лѣтняго законодателя «протекло четыреста семьдесятъ лѣтъ со времени прихода отцовъ въ Египетъ»; но 1) текстъ латинскихъ фрагментовъ здѣсь до крайности испорченъ, 2) цифръ не сохранилъ и 3) считается позднѣйшею маргинальною глоссой: см. Rev. Prof. *R. H. Charles*, The Assumption of Moses (London 1897), p. 54, crit. not. ad. I, 3. Если у Prof. *C. Clemen* поставлено (Die Himmelfahrt Moses въ Die Apokryphen und Pseudepigraphen des A. T. herausg. von Prof. E. Kautzsch II: Die Pseudepigraphen des A. T., Tübingen Freiburg i. B. und Leipzig 1900, S. 317) «... 400 seit dem Auszug aus Phönicien», то здѣсь эта цифра просто взята изъ масоретскаго текста Библіи.

[5] По наблюденіямъ проф. *R. H Charles*'а, вообще масоретская хронологія не имѣетъ за себя авторитета древности и едва ли существовала въ началѣ христіанской эры, а въ данномъ случаѣ она тѣмъ болѣе сомнительна, что всѣ другія извѣстія (Филона, Іосифа Флавія и Дѣян.

Digitized by Google

Моисеевъ Амрамъ былъ женатъ на своей теткѣ—дочери Левіиной Іохаведѣ (Исх. vi, 20. Числ. xxvi, 59 и ср. Исх. ii, 1) и законодатель еврейскій родился за 80-тъ лѣтъ до исхода (Дѣян. vii, 23. 30). При 430 годахъ египетскаго рабства для матери Моисея въ моментъ его рожденія получился бы не совсѣмъ вѣроятный возрастъ—по малой мѣрѣ — въ (430—[94 + 80 =]174 =) въ 256 лѣтъ, между тѣмъ при Павловомъ счетѣ будетъ не болѣе 50-ти. III, 18—19 (достоинство закона).

Во всякомъ случаѣ законъ былъ послѣ завѣта и — по юридическому принципу — не могъ исправлять второго и вытѣснять его, какъ это непремѣнно вышло бы при условіи устраненія: тогда полученіе совершалось бы „законнымъ порядкомъ“ и, слѣдовательно, по праву, а Богъ оказалъ Аврааму милость (въ дарованіи наслѣдія) чрезъ посредство обѣтованія и потому исключительно по своей благой волѣ (III, 18).

Опять вытекаетъ, что, осуществляясь во Христѣ, законъ не имѣлъ цѣлію предвосхищать себѣ силу сообщенія всѣмъ благословенія Авраамова. Его задача, очевидно, была совсѣмъ иная. Теперь легче разрѣшить и дальнѣйшій вопросъ: что̀ же такое законъ по своему существу и смыслу (III, 19)? Это очерчивается словами: τῶν παραβάσεων χάριν προσετέθη, *преступленія*[*й*] *ради приложися*, гдѣ нарѣчный предлогъ всегда сохраняетъ оттѣнокъ (содѣйствія) „въ пользу“ чего-либо такого, что здѣсь получаетъ новую опору для своего продолженія и развитія. Этимъ естественно колеблется толкованіе, будто законъ данъ для обузданія (ἀντὶ χαλινοῦ ὁ νόμος у св. I. Златоуста; ср. Θеофилакта, Икуменія; блаж. Іеронима и др.). Наоборотъ, его предначертаннымъ служеніемъ будетъ благопріятное вліяніе для τῶν παραβάσεων. Этимъ терминомъ обозначается не грѣхъ вообще, но спеціальное его проявленіе въ преступаніи точно формулированной и повелительной нормы, каковою могли быть только обсуждаемыя законническія предписанія. Отсюда находимъ, что законъ привзошелъ не безъ того, чтобы его нарушали. Тогда въ

---

vii, 6) только воспроизводятъ указаніе Быт. xv, 13 и (—кромѣ Bell. jud. v, 9: 4—) отличаются неопредѣленностію своего хронологическаго примѣненія (The Assumption of Moses, p. 3—4, not. ad 1, 2).

Digitized by Google

III, 19 (достоинство закона). исполнителяхъ необходимо предполагается сила сопротивленія законнической корректности,—сила, получающая теперь отчетливое выраженіе именно въ качествѣ законопреступности. Ясно, что это бывшій ранѣе (Рим. v, 13. vп, 7 и др.) грѣхъ, къ коему потомъ присоединяется законъ, почему о немъ и сказано προσετέθη – приложенъ сверхъ и въ добавленіе, откуда неизбѣжный результатъ будетъ въ возбуждающемъ оживотвореніи (Рим. vп, 8. 9) и усиленіи (1 Кор. xv, 56) существовавшей грѣховности. Такъ было фактически, и Апостолъ раскрываетъ намъ, что это совершилось не вопреки законоизрекающей волѣ, разъ все предусматривалось въ самомъ началѣ. Если же непремѣннымъ предвареніемъ и обязательнымъ условіемъ водворенія закона должна быть наличность сродной ему величины, то онъ не есть учрежденіе ни исконное, ни вѣчное, а возникаетъ и прекращается вмѣстѣ со своимъ двойникомъ. Но мы знаемъ, что грѣхъ историческаго происхожденія и упраздняется обѣтованнымъ сѣменемъ; потому и господство закона, отправляясь отъ извѣстнаго пункта времени, простирается только до этого предѣла фактической реализаціи божественнаго обѣтованія.

Таковы границы, и лишь въ нихъ законъ обладаетъ достаточною важностію, не затрогивая сферы обѣтованной. Онъ былъ опубликованъ съ характеромъ юридически-принудительнаго постановленія (διαταγείς) чрезъ (посредство) Ангеловъ, на присутствіе которыхъ указываютъ всѣ чудныя знаменія при Синаѣ (ср. Псал. cvi, 4), какъ lxx переводчиковъ свидѣтельство объ нихъ усматривали во Второз. xxxiii, 2, судя по греческой редакціи: ἐξ δεξιῶν αὐτοῦ ἄγγελοι μετ' αὐτοῦ [1]. Такое соучастіе безплотныхъ небесныхъ духовъ архидіаконъ Стефанъ (Дѣян. vii, 53) считаетъ символомъ славы закона и посланіе къ Евреямъ (ii, 2) принимаетъ его за вѣрную поруку твердости ветхозавѣтнаго слова, преступленіе и ослушаніе коего неминуемо влекли за собою праведное воздаяніе. Съ другой стороны и послѣднимъ посредникомъ законода-

---

[1] Ср. еще Дѣян. vii, 53. *Іосифа Флавія* Antiqu. xv, 5: з у B. Niese III, p. 356: ἡμῶν δὲ τὰ κάλλιστα τῶν δογμάτων καὶ ὁσιώτατα τῶν ἐν τοῖς νόμοις δι' ἀγγέλων παρὰ τοῦ θεοῦ μαθόντων. *Филона* De somniis i, 22 у Mangey I, p. 642, [Cohnet] Wendland III, p. 235 и Yonge II, p. 322. Есть намеки и въ книгѣ Юбилеевъ.

Digitized by Google

тельства былъ Моисей, великій пророкъ, отмѣченный перстомъ Божіимъ въ сіяніи лица его (2 Кор. III, 7). Все это громко говоритъ о величіи закона, но опредѣляетъ и дѣйствительные размѣры. Тутъ блескъ ангельскій отражался для людей единственно въ преломляющемъ посредничествѣ Моисеевомъ. Въ этомъ спеціальная особенность синайскаго законоположенія, и именно ею опредѣляется подлинный его смыслъ. Что же собственно означаетъ это посредство? И грамматически и фактически несомнѣнно, что посредникъ по самой своей природѣ (—отсюда съ членомъ ὁ μεσίτης—) можетъ быть развѣ при двухъ сторонахъ и не меньше. Далѣе будетъ вѣрно отрицательное заключеніе, что онъ не бываетъ посредникомъ (для) одного, ибо тогда посредствовать уже не съ кѣмъ Здѣсь необходимо требуется что-нибудь второе, но Богъ одинъ и представляетъ собою божественное единство (въ существѣ) со всею абсолютностію (III, 20). Теперь получается такой выводъ: разъ посредничество обязательно предполагаетъ двойство, а его нельзя находить въ строго единомъ Богѣ, то, очевидно, законъ *не* исключительно божественный, *не* чисто божественное учрежденіе, *не* самоцѣльное и *не* самосвѣтное выраженіе воли Божіей, если чрезъ него послѣдняя входитъ въ соглашеніе, примиряется и приспособляется къ другой. Эта вторая не божественна и преходяща; посему и отвѣчающій ей законъ синайскій будетъ временно-аккомодативнымъ институтомъ домостроительственной педагогіи, которая въ историческомъ процессѣ обнаруживается многочастно и многообразно [1]. И это пониманіе не было въ устахъ Апостола абсолютно неожиданною странностію, поелику еще пророкъ Іезекіиль говорилъ о своихъ предкахъ отъ имени Іеговы (XX, 25): „и (Азъ) дахъ имъ заповѣди *не* добры, и оправданія, *въ нихъ же не будутъ живи*“, какъ Спаситель свидѣтельствовалъ іудеямъ (Мѳ. XIX, 8): „Моисей *по жестокосердію вашему* повелѣ вамъ пустити жены ваша: *изъ начала же не бысть тако*“.

III, 20.

Сообразивъ все сказанное, мы легко усмотримъ, что св. Павелъ охотно признаетъ необычайныя достоинства закона по силѣ особыхъ обстоятельствъ и способовъ его опубликованія. Наравнѣ со своими невѣрующими соплеменниками—

[1] Ср. и выше на стр. 91.

Digitized by Google

III, 21. писатель вполнѣ принимаетъ высокую важность посредничества, сообщившаго всему институту наименованіе Моисеева:—только въ этомъ, для всѣхъ безспорномъ, фактѣ онъ подмѣчаетъ и сокрушительную энергію для всякихъ номистическихъ притязаній въ пользу необходимости законническихъ нормъ при достиженіи спасенія. Потому Моисея Апостолъ называетъ просто по его спеціальному отличію синайскаго ходатайства и 20-й стихъ начинаетъ энергическимъ противоположеніемъ, которое устраняетъ совсѣмъ и сокрушаетъ въ прахъ всѣ іудейскія и іудаистическія преувеличенія ослѣпленно-фанатическихъ защитниковъ законническаго величія, когда у нихъ историческое значеніе претворяется въ догматическое. Къ прежнимъ даннымъ, что 1) самъ законъ осуществляется во Христѣ—путемъ поглощенія—и 2) не отмѣтаетъ обѣтованія Божія, отнынѣ присоединяется третья черта въ интересахъ причиннаго выясненія всѣхъ другихъ, что онъ таковъ вслѣдствіе натурально свойственной ему временной приспособительности. Отсюда естественно возникаетъ еще дальнѣйшій вопросъ: не былъ ли—поэтому—законъ помѣхою и тормазомъ для обѣтованія, враждебно-препятствующимъ ему учрежденіемъ?—и отвѣтъ будетъ безусловно отрицательнымъ (III, 21). Для утвержденія нужны были бы два качества, что законъ 1) имѣлъ цѣлію замѣнить завѣтъ и 2) располагалъ къ тому достаточными средствами для оживотворенія или для независимой собственно помистической жизни:—въ этомъ случаѣ чрезъ него, дѣйствительно, осуществлялось бы исконное намѣреніе обѣтованія въ сообщеніи людямъ праведности, которая ведетъ къ неисчерпаемой жизненности и поддерживаетъ ее [1]; но фактически нѣтъ перваго и—слѣдовательно—не находится второго. Наоборотъ (ἀλλά): воплощающее и олицетворяющее законъ—Писаніе именно по этому своему характеру крѣпко и всѣхъ заключило и подчинило верховенству грѣха, поелику іудеи оказались подъ клятвою, а язычники были *безбожни въ мірѣ* (Еф. II, 12). Здѣсь искомая праведность могла открываться лишь по изъятіи закона, при чемъ она становится собственностію этого побѣдителя и чрезъ него переходитъ на всѣхъ присныхъ по силѣ единенія съ нимъ. А это есть

---

[1] Ср. объ этомъ выше къ III, 11 на стр. 89.

Digitized by Google

Іисусъ Христосъ съ безконечною и неограниченною братіею **III, 22—27.** искупленныхъ, откуда получаемъ, что обѣтованіе дается въ фактическое обладаніе однимъ вѣрующимъ и только по вѣрѣ въ Господа (**III, 22**). Изъ этихъ наблюденій вытекаетъ, что по своимъ внутреннимъ стремленіямъ законническое заключеніе не противно цѣлямъ обѣтованія и—скорѣе—отрицательно подготовляло ихъ универсальное исполненіе внѣ всякихъ національныхъ рамокъ, ибо приводило ко всеобъемлющей и всѣмъ доступной вѣрѣ. До водворенія новаго міропорядка съ господствомъ послѣдней—роль закона ограничивалась національно іудеями и исчерпывалась строгимъ охраненіемъ ихъ въ своей оградѣ. Тѣмъ не менѣе даже и это узничество служило на пользу мессіанско-благодатныхъ плановъ. Иначе вышло бы развѣ всеобщее языческое совращеніе безбожія, а теперь упраздненіемъ „клятвы законной" начинается владычество благословеній духа оправданнаго и жизни святой. Очевидно, что самое стреженіе еврейское подъ закономъ направлялось къ вѣрѣ, долженствовавшей открыться и по ветхозавѣтному предчувствію, если она лежала въ основѣ исконнаго обѣтованія и проникала его (**III, 23**). Въ этомъ смыслѣ законъ и былъ *пѣстуномъ* или „педагогомъ" (**III, 24**) для евреевъ, суровымъ дядькой, путемъ ограниченій, запрещеній и обузданій приготовляющимъ ко Христу, дабы, оправдавшись вѣрою въ Него и пріобрѣтши самостоятельность, они (**III, 25**) болѣе совсѣмъ не нуждались въ опекѣ и были полноправными наслѣдниками. Но эта юридически-фактическая полномощность относится къ правдѣ, какъ исключительному достоянію Божію, которое можетъ усвояться лишь при обладаніи всѣми наслѣдственными преимуществами сыновства. Тогда оправданіе христіанское незыблемо утверждаетъ, что всѣ облагодатствованные суть истинно чада Божіи по своему реальному общенію вѣры съ Господомъ Искупителемъ, ибо своимъ человѣчествомъ въ Іисусѣ Онъ натурально соединяется съ нами и своимъ божественнымъ мессіанствомъ во Христѣ возводитъ къ Богу (**III, 26**). Для людей вся задача будетъ здѣсь лишь въ обезпеченіи этого соединенія съ Избавителемъ, и оно безспорно, поелику (**III, 27**) уже совершилось крещеніе, а βαπτίζω съ предл. εἰς вин. п. указываетъ на таинственно-неразлучное сочлененіе. Потому дѣйствіе этого акта, прости-

Digitized by Google

III, 28—29. раясь на всѣхъ принявшихъ, разрѣшается облеченіемъ во Христа, гдѣ они—по прекрасному истолкованію св. Іоанна Златоуста—приходятъ εἰς μίαν συγγένειαν καὶ μίαν ἰδέαν [въ одно родство и единый образъ] съ Нимъ, заимствуя отъ Него богосыновство. Въ этомъ у христіанъ все спеціальное отличіе, но послѣднее абсолютно не зависитъ отъ религіозно-національныхъ, соціальныхъ и половыхъ градацій, ибо почерпается исключительно во Христѣ и равно для всѣхъ, почему и сами вѣрующіе неизбѣжно слагаются въ нераздѣльное цѣлое по тожеству вѣры искупленія и благодати возрожденія (**III, 28**).

Въ итогѣ имѣемъ, что Христовы—по нерасторжимости союза съ Главою—будутъ истиннымъ потомствомъ Авраама чрезъ его подлинное Сѣмя и—согласно обѣтованію—бываютъ наслѣдниками всѣхъ его благословеній и чаяній (**III, 29**), разъ завѣтъ былъ о Христѣ (ср. III, 17), а они съ Нимъ и въ Немъ. Конечно, закону тутъ нѣтъ мѣста, какого не было у него и прежде соотвѣтственно подлинному достоинству. Частнѣе эта новая дополнительная особенность, что наше христіанское сыновство не отъ закона, опять освѣщается примѣрною аналогіей изъ житейской сферы. Беремъ переходный возрастъ на ступени „младости“ между παῖς (дитя) и ἀνήρ (мужъ), когда субъектъ есть просто νήπιος и не владѣетъ еще правомъ самостоятельно-авторитетной рѣчи (νη + ἔπος или πι ος съ дигаммой) [1]. Въ этотъ періодъ прирожденный наслѣдникъ

---

[1] Ср. Курсъ римскаго права † проф. *К. А. Митюкова*; изданіе второе съ добавленіями приватъ-доцента А. К. Митюкова (Кіевъ 1902), стр. 38—39: «Возрастъ дѣтства римляне называли *infantia*, а лицъ этого возраста *infantes* или *qui fari non possunt*, т. е. которые не могутъ говорить съ сознаніемъ значенія произносимыхъ ими словъ. Всѣ юридическіе акты совершались въ древнее время у римлянъ въ устной формѣ. Почему способность произносить эту форму съ сознаніемъ значенія словъ ея и совпадаетъ со способностію совершать юридическіе акты... *Infans* было дитя, не достигшее 7-ми лѣтъ», когда—по Макробію—eodemque anno id est septimo plene absolvitur integritas loquendi. Наряду съ infantes» неспособны совершать нѣкоторые акты лица, вышедшія изъ дѣтства, но не достигшія совершеннолѣтія. Это были *impuberes, qui fari possunt, infantia majores*. Они не могутъ понимать значенія всѣхъ юридическихъ актовъ. Почему законъ и не допускаетъ ихъ къ совершенію актовъ отчужденія имущества и вообще актовъ,

Digitized by Google

собственно подобенъ рабу, будучи юридически господиномъ всего (IV, 1), поскольку до установленнаго отцомъ срока для фактическаго пользованія законною частію онъ въ своей личной свободѣ заправляется эпитропами-попечителями, а въ имущественно-хозяйственныхъ дѣлахъ контролируется икономами (IV, 2) [1]. Совершеноо сходно этому и всѣ мы— іудеи и эллины—до момента христіанской зрѣлости были въ рабскомъ подчиненіи „стихіямъ міра“ (IV, 3), подъ которыми разумѣются космическіе элементы, коими — наряду IV, 1—3.

обязывающихъ ихъ. Къ актамъ чистаго пріобрѣтенія несовершеннолѣтній былъ вполнѣ способенъ». Такой періодъ продолжался до 14-ти лѣтъ— для мужчинъ—и до 12-ти для—женщинъ *). Соотвѣтственно этому (стр. 347—348) «римское право различаетъ два вида опеки: 1) опеку въ собственномъ смыслѣ (tutela) и 2) попечительство (cura). Основная идея обоихъ этихъ учрежденій одна и таже... (Но) только опекунъ давалъ лицу, которое находилось подъ его опекой, такъ наз. *auctoritatem*... Дитя старше 7 лѣтъ само могло совершать юридическіе акты, но опекунъ своимъ участіемъ восполнялъ еще незрѣлую личность этого дитяти. Это восполненіе и есть *auctoritas* опекуна. Попечитель также содѣйствуетъ несовершеннолѣтнему при совершеніи имъ нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ. Но это содѣйствіе попечителя есть только согласіе (consensus), или одобреніе акта, совершеннаго лицомъ вполнѣ способнымъ дѣйствовать юридически, но лицомъ неопытнымъ, легко доступнымъ для обмана и увлеченія со стороны другихъ. Auctoritas опекуна есть нераздѣльная составная часть акта, совершаемаго малолѣтнимъ; согласіе же попечителя есть особое отдѣльное дѣйствіе, подтверждающее въ извѣстныхъ случаяхъ актъ несовершеннолѣтняго». Полнолѣтіе было въ 25 годовъ *), и до этого времени *послѣдовательно смѣнялись* опекунъ и попечитель, которые не могли быть при одномъ субъектѣ совмѣстно.

[*) Эта регламентація возрастовъ, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія, и раньше степень зрѣлости опредѣлялась, кажется, эмпирически, о чемъ см. у проф. *Д. И. Азаревича*, О различіи между опекой и попечительствомъ по римскому праву (Спб. 1872), стр. 33 сл., какъ въ этомъ же сочиненіи спеціально обсуждаются и всѣ вопросы, служащіе ближайшимъ предметомъ изслѣдованій автора; въ частности, подтверждается (на стр. 34) и извѣстіе Апостола Павла Гал. IV, 2 о дозволительности назначенія срока для прекращенія опеки.]

[1] Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о встрѣчающихся въ посланіи «юридическихъ» указаніяхъ, которыя употребляются одними ради защиты южно-галатійской теоріи (*W. M. Ramsay*), другими привлекаются для мысли о римскомъ происхожденіи даннаго апостольскаго документа (*Ant. Halmel*). Первые отмѣчаютъ слѣдующія черты. I) Св. Павелъ объявляетъ вѣрующихъ чадами Авраамовыми (III, 7) въ силу ихъ наслѣдничества, чѣмъ предполагается, что наслѣдуютъ только сыновья

Digitized by Google

IV, 4. съ эллинизмомъ—будетъ характеризоваться и вся ветхозавѣтная номистическая педагогія, потому что она была приспособлена къ стихійно-космическимъ условіямъ человѣческой ограниченности и созидалась лишь на внѣшнемъ упорядоченіи человѣческаго поведенія съ требованіемъ рабски-безотвѣтной покорности себѣ. При подобномъ положеніи крайней подневольности людей—и названный строй не могъ прекратиться самъ собою, но по достиженіи полнаго осуществленія своихъ цѣлей во времени измѣняется высшею властію, господственно освобождающею узниковъ. Отсюда нормально (IV, 4), что виновникомъ этого переворота является Богъ, дѣйствующій не произвольно, а въ самый удобный срокъ, когда пришло къ завершенію то, чѣмъ должна была наполняться доблагодатная эпоха,—когда законъ исчерпалъ всю

(природные и адоптивные), а не дочери или постороннія лица, между тѣмъ по тогдашнему римскому праву, дѣйствовавшему и въ сѣверной Галатіи, можно было сдѣлать наслѣдникомъ каждаго безъ усыновленія; лишь въ греческой юридической практикѣ южно-галатійскихъ областей со временъ Александра в. и Селевкидовъ сохранялось древне-римское уложеніе о наслѣдническихъ преимуществахъ мужского поколѣнія, кровнаго и усыновленнаго. II) Въ Гал. III, 15—17 завѣщаніе считается извѣстнымъ заранѣе и неотмѣняемымъ, какъ было по греческимъ законамъ, требовавшимъ публичной передачи тестаментарныхъ актовъ чиновникамъ, которые должны были хранить и не допускать нималѣйшихъ поправокъ, когда по римскимъ нормамъ завѣщанія были секретомъ при жизни тестатора, получали дѣйственность уже по смерти его и до тѣхъ поръ легко измѣнялись. III) По римскому праву (см. прим. на стр. 99) малолѣтній сынъ до 14-ти годовъ находился п о д ъ tutor'омъ (= ἐπίτροπος) и до 25-ти подъ curator'омъ (= οἰκονόμος), но отцу дозволялось назначать по завѣщанію только первого, а не втораго; поэтому обратное сообщеніе Гал. IV, 2 встрѣчаетъ для себя аналогію лишь въ сиро-римскомъ или въ греко-сирскомъ юридическомъ памятникѣ, бывшемъ въ примѣненіи среди южно-галатійскихъ жителей.

Всѣ эти соображенія при внимательномъ разборѣ (*P. W. Schmiedel*'я) оказываются неубѣдительными. Прежде всего неточно воспроизводятся факты. Для греческихъ законовъ констатируется, что, по крайней мѣрѣ, съ IV—III-го в. до р. Хр. завѣщатель располагалъ свободою въ назначеніи наслѣдниковъ; равно и самыя завѣщанія не обязательно было передавать въ оффиціальныя учрежденія, откуда — опять же — ихъ можно было брать и уничтожать, почему неотмѣняемость не доказана и едва ли вѣроятна; на востокѣ вообще не выдерживалось римское различіе между двумя видами опеки tutela (собств. опекой надъ малолѣтнимъ) и cura (попечительствомъ надъ несозрѣвшимъ, хотя юридически правоспособнымъ), а греки знали

Digitized by Google

свою педагогическую энергію. Теперь именно было благовременно, чтобы послѣ законническаго подготовленія открылось самое обѣтованіе во всемъ своемъ фактическомъ торжествѣ. Посему нынѣ Богъ и послалъ Сына Своего, Который, замѣняя все космическое, будетъ вышемірнымъ или истинно божественнымъ. Данное качество возможно лишь при сосущественности божеству, обезпечивающей одинаковое божеское естество. Въ свою очередь это преимущество бываетъ неразрывно отъ совре́менности, каковая для божественной области всегда равняется вѣчности. Потому и сказано усилительно ἐξ-απ-έπεστειλεν — отослалъ отъ Себя то, что было ранѣе (ср. Дѣян. vii, 12. xii, 11 и др.) въ сферѣ жизни Отца и—значитъ—вѣчно. Это посланничество было для сообщенія людямъ сыновняго наслѣдова- IV, 4.

лишь первую и потому у нихъ былъ только одинъ терминъ ἐπίτροπος, такъ что,—когда послѣдній спеціализировался,—погречески прямо писалось κουράτωρ, иногда вытѣснявшееся чрезъ φροντιστής (наряду съ κύριος). Не менѣе того не совсѣмъ правильно освѣщаются и апостольскія свидѣтельства. Вѣрующіе суть сыны Авраама (ср. Рим. iv, 11 сл. 16—18), но по усыновленію *не* ему, *а* Богу (Гал. iv, 5—6), какъ дѣти обѣтованія по Исааку—отъ свободной (iv, 28. 31). Апостолъ говоритъ о судьбѣ тестаментарнаго распоряженія уже по кончинѣ завѣщателя и—слѣдовательно—не включаетъ его въ число тѣхъ, кто некомпетентенъ модифицировать завѣщаніе, которое неприкосновенно для другихъ и всегда подвластно тестатору. Касательно «попечителей» и «домоправителей» св. Павелъ выражается не съ технической строгостію, не отрицая—вопреки юридическимъ требованіямъ — ихъ одновременной совмѣстности; поэтому не безспорно и то, что отецъ рисуется умершимъ (ср. *W. E. Ball*, St. Paul and the Roman Law, Edinburgh 1901, p. 29—30 и въ «The Contemporary Review» № 308: August, 1891, p. 289), поскольку подобный случай могъ представляться возможнымъ и при жизни хозяина (Лк. xv, 12. 29 сл.). Наконецъ, всѣ эти данныя убѣждали бы развѣ въ знакомствѣ благовѣстника съ греческими законами, нимало не удостовѣряя этого для читателей: иначе пришлось бы согласиться, что язычники галатійскіе (iii, 13. 23—25. iv, 5) и коринѳскіе (1 Кор. x, 1) были пунктуально освѣдомлены въ Моисеевыхъ предписаніяхъ. Въ силу этого не содержатъ научной принудительности въ пользу южно-галатійской гипотезы и ссылки на Гал. iii, 24 сл. iii, 28 и др. на тѣхъ основаніяхъ, будто «педагоговъ» (изъ) рабовъ не было на сѣверѣ Галатіи и лишь на югѣ ея женщины имѣли большую независимость при мужчинахъ. По сказанному ясно, что и юридическое толкованіе апостольскихъ текстовъ не должно быть проводимо съ излишнею скрупулезностію. См. и ниже на стр. 104,1.

Digitized by Google

IV, 5. нія. Разъ же для пріобрѣтенія сего люди сами по себѣ неспособны, здѣсь долженъ войти въ союзъ съ ними и поднять ихъ до Себя Нисшедшій. Ясно, что въ этихъ интересахъ необходимы и общія свойства человѣчности и спеціальныя приспособленія ея къ условіямъ наслѣдничества, гарантировавшагося прежде законничествомъ. Подобный характеръ выполненія Сыномъ своей миссіи и отмѣчается у Апостола соподчиненными причастіями такъ, что γενόμενον ἐκ γυναικός *(бываема отъ жены)* указываетъ принятіе не бывшей доселѣ полной человѣческой природы, которая „бываетъ" только при рожденіи отъ „жены", а γενόμενον ὑπὸ νόμον *(бываема подъ закономъ)* означаетъ добровольное подчиненіе закону, которое не требуется непремѣнно и—слѣдовательно—допускается намѣренно ради успѣха миссіи Сыновняго снисхожденія. По человѣчеству Христосъ сблизился съ людьми и законническою покорностію усвоилъ совершеннѣйшій оправдательный методъ. Дальше нужно было либо улучшить и укрѣпить данное средство или—при его испытанной негодности—устранить новымъ. Естественно, что фактическое выполненіе искупительныхъ плановъ должно было идти обратнымъ порядкомъ—отъ частнаго къ общему. Если дѣло начинается съ примѣненія законническихъ пріемовъ, то и результатъ ближайшимъ образомъ долженъ обнаруживаться въ сферѣ владычества закона, откуда благотворное вліяніе необходимо будетъ простираться на болѣе обширные круги. Апостолъ и удостовѣряетъ, что все описанное было допущено и предпринято для достиженія того фактическаго успѣха, чтобы искупить подзаконныхъ (IV, 5). Самымъ этимъ намѣреніемъ утверждается, что пребываніе подъ законническимъ попеченіемъ было недостаточно для надлежащаго увѣнчанія оправдательныхъ цѣлей и нуждалось въ истинномъ избавленіи. Ясно, что послѣднее могло достигаться лишь чрезъ упраздненіе подзаконнаго состоянія вмѣстѣ съ устраненіемъ всего законничества. Разъ же тутъ было реальное оправданіе, въ такомъ случаѣ обязательно принять, что бывшіе подзаконники получаютъ теперь сыновнюю полноправность и, конечно, потому, что великій освободитель ихъ, обладая сыновствомъ, возводитъ къ нему и другихъ. Отнынѣ начинается царство обѣтованія въ божественномъ Сынѣ. Онъ является уже единственнымъ и

Digitized by Google

исключительнымъ владыкою обѣтованныхъ благъ, почему и награждаетъ ихъ только въ силу своего соизволенія, когда бываютъ рѣшительно неумѣстны законническія ограниченія и условія. Отсюда логически неоспоримо, что при искупленіи іудеевъ одновременно и фактически открывался равный просторъ для приближенія къ Господу всѣмъ людямъ, которые и оказываются усыновленными. Тутъ не простое юридическое adoptio, ибо реальное рабство совсѣмъ не уничтожается теоретическимъ зачисленіемъ въ разрядъ дѣтей и требуетъ для своего сокрушенія не менѣе фактическаго conditio filiorum въ несомнѣнномъ обладаніи. Это не прямо сыновство, но всыновленіе, поелику оно вторичное и производное, посредствуется въ своемъ возникновеніи и продолженіи среди человѣчества натуральнымъ Сыномъ Божіимъ, хотя въ каждомъ изъ вѣрующихъ бываетъ реальнымъ свойствомъ облагодатствованнаго состоянія. По этой именно причинѣ (IV, 6), что вы подлинно сыны, Богъ даровалъ вамъ и особаго ходатая для вѣчнаго поддержанія въ васъ сыновняго достоинства.

IV, 6 (Духъ Св. по отношенію къ Отцу и Сыну).

О ниспосланіи этого новаго дѣятеля употребляется прежній терминъ ἐξαπέστειλεν, а потому Онъ—подобно Христу—будетъ самостоятельною и вышемірною личностію божественнаго характера. Затѣмъ (—согласно параллелизму между αὐτοῦ ст. 4-го [„посла Богъ Сына Своего“] и υἱοῦ αὐτοῦ ст. 6-го: „посла Богъ Духа Сына Своего“—) отношеніе Духа къ Сыну совпадаетъ съ отношеніемъ Сына къ Отцу, которые консубстанціальны по божественному естеству. Необходимо, что Духъ является единосущнымъ Сыну, будучи таковымъ и для Отца, потому что двѣ величины (Отецъ и Духъ), равныя порознь третьей (Сыну), всегда бываютъ равными взаимно. Мы видимъ, что названіе Духа Сыновнимъ рисуетъ Его лишь со стороны божественнаго существа и не затрогиваетъ личныхъ особенностей. Поэтому разсматриваемое апостольское свидѣтельство напрасно привлекается (напр., у Rud. Cornely) для обоснованія католической идеи Filioque въ исхожденіи Духа „*и отъ Сына*“, ибо она касается опредѣленій по ипостаси, о чемъ св. Павелъ здѣсь умалчиваетъ, предполагая это упоминаніемъ о посольствѣ, которое

Digitized by Google

IV, 7. немыслимо безъ индивидуальной самобытности посылаемаго.

Духъ обозначается только Сыновнимъ, между тѣмъ по соестественности Онъ былъ въ одинаковой мѣрѣ и Отчимъ. О послѣднемъ не говорится, конечно, потому, что рѣчь идетъ о сохраненіи и укрѣпленіи Сыновняго избавленія въ людяхъ. Для самаго успѣха нужно было, чтобы продолжатель былъ не ниже своего предшественника, а это всего лучше обезпечивалось ихъ натуральною сосущественностію въ тожественной божественности. Духъ, будучи Сыновнимъ, воспринимаетъ искупительную Сыновнюю миссію для проведенія ея въ жизнь человѣчества на протяженіи всей міровой исторіи. И Онъ очищаетъ и освящаетъ наши сыновнія воздыханія къ Богу, являясь неумолчно вопіющимъ въ насъ Ἀββᾶ ὁ πατήρ. Апостолъ удерживаетъ (см. и Рим. VIII, 15) арамейское слово (ἀββᾶ = отецъ) изъ устъ Христа Спасителя (Мрк. XIV, 36) и изъ употребленія христіанскихъ собраній, но усиливаетъ его энергію въ повтореніи понятія греческимъ выраженіемъ, чтобы отмѣтить горячность и непоколебимость нашего сыновняго обращенія, гдѣ нашей внутренней искренности точно соотвѣтствуетъ реальная незыблемость христіанскаго убѣжденія, что Богъ есть истинно и дѣйствительно Отецъ нашъ. Значитъ, фактическое сыновство наше утверждается въ своей наличности и непрерывности божественными возглашеніями Духа съ несокрушимою безспорностію. Здѣсь принципъ абсолютно обезпеченъ въ тожественномъ ему приложеніи по своему вліянію въ человѣческомъ родѣ. Тогда и въ частностяхъ для каждаго исповѣдника Христова вѣрно (IV, 7), что если онъ фактически бываетъ сыномъ Божіимъ, то болѣе и далѣе не рабъ [1], почему будетъ и наслѣдникомъ въ неограниченномъ смыслѣ, но всего этого достигаетъ лишь постольку, поскольку имѣетъ сыновство, или чрезъ Іисуса Христа-Мессію.

---

[1] Ясно, что у св. Павла сыновство считается совершенно несовмѣстимымъ съ рабствомъ, а потому безусловно ошибочны предположенія (напр., у Rev. *Septimus Buss*, Roman Law and History in the New Testament, London 1901, p. 282—283), будто въ Гал. IV, 1 Апостолъ говоритъ съ точки зрѣнія римскихъ юридическихъ нормъ, по которымъ сынъ находился подъ отеческой властію (patria potestas) почти на положеніи раба (ibid., p. 273—274. 364).

Digitized by Google

Въ итогѣ мы снова приходимъ къ добытому выводу, что божественное обѣтованіе о наслѣдованіи осуществляется не закономъ, даннымъ для иныхъ цѣлей, но исключительно, всецѣло и прямо чрезъ воплощеннаго Сына Божія, доставляющаго и сыновнія права и сыновнія блага. Для этого потребно общеніе съ Нимъ въ вѣрѣ, которая и служитъ единственнымъ путемъ нашего оправданія. Неизбѣжно, что отселѣ всякіе другіе способы недозволительны и становятся препятствіемъ для благодатнаго воздѣйствія, разъ для него выдвигаются непригодныя средства, претендующія на равенство и соперничество съ надлежащимъ методомъ. Принятіе законничества повлечетъ отпаденіе изъ благодатной сферы въ прежнее религіозное невѣжество языческаго поклоненія фантастическимъ божествамъ, лишеннымъ всякаго реальнаго соотвѣтствія (IV, 8), а это будетъ уже возвращеніемъ къ стихіямъ (IV, 9), немощнымъ даровать правду, поелику онѣ бѣдны по своей природѣ и не обладаютъ необходимыми запасами; таковы и были законническія нормы по ихъ космической аккомодативности въ строжайшемъ приспособленіи къ условности нашего міротеченія. При всемъ томъ и законъ ветхій способствовалъ промыслительнымъ планамъ спасающе-искупляющей воли Божіей, а потому въ немъ должно было содержаться точное предуказаніе насчетъ своей временной роли—при отчетливомъ оттѣненіи, что не отъ него послѣдуетъ свобода сыновняго господства. Этимъ захватывается самый центръ спора съ іудаистами. Они не отвергали благодати, но для совершеннаго усвоенія ея считали обязательными законническіе пріемы, такъ какъ ими ограждались первенствующія права наслѣдничества въ засвидѣтельствованіи кровнаго родства съ Авраамомъ, носителемъ обѣтованія. И если только при этихъ законническихъ предвареніяхъ бываетъ окончательный успѣхъ, то безъ нихъ, очевидно, недостаточны и притязаніе и обладаніе. Формулируется различеніе сыновъ и пасынковъ со стороны пріобрѣтенія достоянія Авраамова на основаніи двоякихъ отношеній къ праотцу—плотскаго и духовно-обѣтованнаго. Масштабомъ оказывалось именно двойство такого сыновства, которое и нужно было выяснить по его важности въ актѣ наслѣдничества. Въ этихъ интересахъ и избирается эпизодъ о дѣтяхъ Авраамовыхъ (IV, 21 сл.). IV, 8. 9.

Digitized by Google

IV, 21 сл. (характеръ Павловой аллегоріи).

Его эксплоатировали въ свою пользу іудействующіе шпіоны и вызывали на обратное толкованіе; тѣмъ не менѣе Апостолъ сосредоточился на немъ не ради одной полемической самозащиты, а по вниманію къ дѣйствительному соотвѣтствію между нимъ и христіанскимъ облагодательствованіемъ. Тутъ пропорціональность по истинѣ поразительная, ибо въ обоихъ рядахъ находятся всѣ главнѣйшіе элементы—двоякаго сыновства и двоякой наслѣднической участи. Разумѣется, въ исторіи Авраамовой трактуется собственно объ имущественномъ обладаніи, но не нужно забывать, что вмѣстѣ съ этимъ преемствомъ переходили и всѣ обѣтованныя прерогативы. Теперь аналогичность будетъ совершеннѣйшею, и это раскрываетъ намъ всю натуральность подобной аргументаціи. Понятно и то, что она получала всю свою убѣдительность не иначе, если реальное поведеніе христіанское освѣщалось реальнымъ же прототипомъ, обнаружившимъ съ фактическою неотразимостію, что̀ бываетъ при равныхъ условіяхъ. Для состоятельности апостольскихъ соображеній требуется, чтобы анализируемый случай былъ дѣйствительнымъ историческимъ событіемъ. Поэтому должно согласиться, что св. Павелъ отправляется отъ исповѣданія несомнѣнной фактической достовѣрности взятаго историческаго примѣра. Но послѣдній совпадалъ со своимъ христіанскимъ двойникомъ лишь по господствующимъ факторамъ, о которыхъ мы и по единичному опыту съ твердостію заключаемъ, что они будутъ дѣйствовать аналогично при всякихъ примѣненіяхъ. Повторенія прямого нѣтъ, и прошлое не копируется, а воспроизводится по сокрытымъ въ немъ принципамъ. Въ этомъ смыслѣ минувшая историческая реальность не исчерпывается данною внѣшнею конкретностію, сверхъ которой она содержитъ внутри себя и—потому—„вѣщаетъ намъ нѣчто иное“ или „аллегоризуетъ“. По этой причинѣ и соотношеніе бывшаго съ теперешнимъ будетъ аллегорическимъ, гдѣ въ исторической наличности реально заключается и экзегетически обнаруживается фактическое преобразующее предзнаменованіе. Апостолъ идетъ отъ факта къ факту и—на осно-

Digitized by Google

ваніи ихъ взаимной гармоніи по существу—изъ перваго IV, 21—24. извлекаетъ предрѣшеніе насчетъ второго. Этимъ способомъ разрушалась агитаторская очаровательность лжебратьевъ и отрезвлялось іудаистическое обольщеніе Галатійцевъ.

Послѣдніе—по внушенію своихъ соблазнителей—желаютъ быть подъ закономъ и сами по доброй волѣ рѣшаются устроять свою жизнь такъ, чтобы она во всемъ была строго законническою и созидалась законническими вліяніями. Для этого нужно не просто „слушать" законническія велѣнія, напр., во время синагогальныхъ субботнихъ собраній, а—главнымъ образомъ—слушаться [1] ихъ съ готовностію всецѣлаго повиновенія (IV, 21). Въ этомъ тонѣ своимъ вопросомъ благовѣстникъ и приглашаетъ читателей къ внимательному анализу разсказа, записаннаго въ книгѣ законной (Быт. xvi, 15. xxi, 3) и потому несомнѣннаго и авторитетнаго. Тутъ мы находимъ двойство сыновства и именно такое, какое іудаисты думали ввести въ христіанство съ превосходствомъ для себя и съ подчиненіемъ увѣровавшихъ язычниковъ, которые приравнивались къ прозелитамъ. Что̀ же особенно характернаго въ этомъ двойствѣ? Одинъ сынъ рожденъ по плоти—при исключительномъ господствѣ плотскихъ началъ по возникновенію, продолженію и завершенію всего процесса, но онъ отъ рабы и—значитъ—рабъ натуральный. Другой произошелъ въ силу обѣтованія, которое не исключаетъ участія плотскихъ факторовъ, поскольку утверждается не болѣе того, что имъ единственно было вызвано къ жизни и продуктивной дѣйственности самое плотское посредство, функціонировавшее потомъ по своимъ нормамъ и съ обычною естественностію. Этотъ отъ свободной и самъ по природѣ свободенъ (IV, 22. 23). Въ спеціальномъ сочетаніи этихъ частностей сказывается принципіальная закономѣрность, сохраняющая свою непреложность при всякихъ приспобленніяхъ и обнаруженіяхъ. Съ этой стороны и въ этомъ своемъ достоинствѣ частныхъ иллюстрацій (ἅτινα) всѣ эмпирическія детали являются аллегорическими (IV, 24) по своему реальному зна-

---

[1] Ср. и *Оригена* Philocalia I (=De principiis lib. IV), 13: τοῦ ἀκούειν ἐν τῷ νοεῖν καὶ γινώσκειν κρινομένου у J. Armitage Robinson, the Philocalia of Origen (Cambridge 1893), p. 20.

Digitized by Google

IV, 25. менованію касательно результатовъ соотношенія упомянутыхъ элементовъ. По историческому событію ясно, что плоть даетъ изъ себя только свойственное ей рабство и тѣмъ самымъ прямо устраняетъ отъ обѣтованнаго наслѣдія, доступнаго лишь полномощнымъ дѣтямъ, каковыя бываютъ исключительно по обѣтованію. Предъ нами теперь обрисовываются два пути наслѣдованія, а въ духовной области воспріятія благословенія Авраамова оно регулируется двумя завѣтами, которые, очевидно, будутъ подобны своимъ прототипическимъ предвареніямъ, ибо служатъ спеціальными пріемами для обезпеченія наслѣдственнаго успѣха. Но законъ гарантировалъ и санкціонировалъ за своими приверженцами ихъ прирожденныя прерогативы и въ этомъ смыслѣ приближался къ плотяности. Если это вѣрно, тогда безспорны и его качества и его судьба. Посему важнѣе всего отыскать, находятся ли въ немъ плотяные предикаты. Разберемъ самые факты. Одинъ завѣтъ ἀπὸ ὄρους Σινᾶ,—имѣетъ въ этой горѣ и отъ нея начало своего историческаго бытія, почему всегда называется синайскимъ. Отсюда вытекаетъ, что онъ существуетъ реально лишь съ этого историческаго момента и, происшедши во времени, не обладаетъ независимою самобытностію. Въ дальнѣйшемъ неизбѣжно, что, не будучи самостоятельнымъ, синайскій институтъ по самой своей природѣ бываетъ соподчиненнымъ или подвластно рабскимъ. Естественно, что его произведенія будутъ натурально рабскими по самому рожденію отъ него. Такова именно (ἥτις) и есть Агарь, съ которою по всѣмъ своимъ чертамъ сближается законъ въ одинаковой рабственности. Но въ наемницѣ Авраамовой эти дѣйствія условливались ея натуральнымъ рабствомъ, которое, судя по сходству результата, должно быть и въ Синаѣ. Объ немъ же извѣстно (IV, 25) съ несомнѣнностію осязательнаго и неотразимаго факта, что эта гора лежитъ въ Аравіи [1], служившей мѣстомъ обѣтанія потомства агарянскаго (ср. Вар. III, 23; Пс. LXXXIII [LXXXII], 7. 1 Парал. V, 19). Это была агарянски-рабская страна во всѣхъ своихъ частяхъ, вклю-

[1] Согласно основательной аргументаціи † *J. B. Lightfoot*'а, для начала IV, 25 принимается чтеніе τὸ γὰρ Σινᾶ ὄρος ἐστὶν ἐν τῇ Ἀραβίᾳ—съ устраненіемъ упоминанія имени Агари (ср. и *Friedr. Zimmer*).

Digitized by Google

чая и синайскія вершины. Слѣдовательно, завѣтъ первый по своему синайскому возникновенію происходитъ изъ рабской области, которая—аналогично Агари—можетъ давать изъ себя только рабственность. Тогда понятно, что и ея порожденіемъ служитъ законъ рабскій, законъ порабощенія, а не свободнаго сыновства. При истинности изложеннаго необходимо ожидается фактическое подтвержденіе въ историческомъ рабствѣ законныхъ, какъ таковыхъ. Завѣтъ синайскій „соотвѣтствуетъ" нынѣшнему земному Іерусалиму по единству общаго для нихъ класса, къ которому оба они относятся потому, что проникнуты однимъ духомъ, а это незыблемо, поелику священная столица Израиля была живымъ воплощеніемъ законническихъ началъ, функціонировавшихъ со всею полнотой, безпрепятственностію и индивидуальностію [1]. Но оказывается [2], что именно по этимъ своимъ особенностямъ теперешній законническій Іерусалимъ и пребываетъ въ рабствѣ. Послѣднее вызывается не внѣшними соціально-политическими мотивами и всецѣло покоится на законнической основѣ. Свидѣтельство тому въ порабощенности дѣтей, которыя бываютъ въ рабствѣ и рабствуютъ не по своей виновности, а лишь по своей сыновней родственности, по достоинству духовныхъ чадъ законническаго Іерусалима, опредѣляющаго все ихъ отличительное бытіе. И нельзя не согласиться, что порабощенность политической зависимости Іудеи отъ Рима условливалась преимущественно законническою приверженностію, чрезъ зилотизмъ приведшею потомъ къ окончательному крушенію іудейской автономности. Вездѣ и всюду политическія коллизіи вырастали изъ номистической горделивости самопревозношенія, когда законъ употреблялся для политическаго вызывательства и навлекалъ политическія стѣсненія на его ревнителей. Въ этомъ видѣ политическая подчиненность законниковъ была фактическимъ удостовѣреніемъ, IV, 25.

---

[1] Отсюда ясно, что предполагается наличность всего законническаго культа при нормальныхъ его обнаруженіяхъ въ храмѣ іерусалимскомъ, а потому напрасно изъ даннаго указанія стараются вывести (*R. Steck*), будто посланіе написано послѣ разрушенія іерусалимскихъ святынь въ 70-мъ году.

[2] Вмѣсто причинно-поясняющаго γάρ (ℵABCD* al.), конечно, справедливѣе принимать (D^c^EKL al.) протовоположительное (δουλεύει) δέ.

Digitized by Google

IV, 26—27. что законъ есть дѣйствительно институтъ рабскій, разъ онъ бываетъ такимъ по происхожденію и дѣйствію. Все это бываетъ съ нимъ въ силу его плотяности, ибо онъ запечатлѣваетъ собственно лишь плотскія притязанія наслѣдничества по кровному родству съ Авраамомъ. Другой завѣтъ предполагается противнымъ синайскому, откуда само собою ясно, что онъ закрѣпляетъ не плотяныя связи, не сопровождается рабствомъ и не вмѣщается въ номистическихъ іерусалимскихъ рамкахъ. Апостолъ проходитъ промежуточныя стадіи и прямо констатируетъ, что новый Іерусалимъ, не совпадая съ нынѣшнимъ, будетъ высшимъ (IV, 26) его—не столько пространственно [= небесный] и хронологически [= будущій], сколько качественно,—по превосходству надъ порабощающими условіями града номистическаго. Это уже особое гражданство, независимое отъ законническихъ ограническій и, конечно, обратное прежнему. Естественно, что этотъ Іерусалимъ бываетъ всецѣло свободнымъ и потому принимаетъ въ свою среду однихъ свободныхъ членовъ. А такова по своему существу и есть „мать наша", которою мы раждаемся въ христіанское бытіе и отъ которой получаемъ христіанскую жизнь. Но все это утрояется вѣрою, и она — подобно Саррѣ—будетъ единственною производительницей свободныхъ и полноправыхъ наслѣдниковъ. Правда, нѣкогда она оставалась безъ потомства, однако быстрый и широкій ростъ христіанской семьи свидѣтельствуетъ, что ошибочно было считать ее совершенно неплодною на основаніи простого факта, что съ ней пока не было мукъ рожденія (IV, 27). На это были свои причины, коренившіяся совсѣмъ не въ неспособности ея къ чадородію. Опытъ убѣждаетъ, что надъ нею сбывается радостное слово пророческое (Иса. LIV, 1) о восторженномъ веселіи неплодной, потому что теперь—по сравненію съ соперницей—у нея болѣе многочисленное потомство, непрерывно и прогрессивно размножающееся, между тѣмъ какъ та постепенно теряетъ въ своихъ дѣтяхъ. Неотразимо, что—въ контрастъ минувшему отчужденію—неплодная обладаетъ нынѣ всѣми супружескими правами свободнаго общенія съ мужемъ. Посему и тѣ изъ людей, которые бываютъ братьями по равному сыновству христіанскому или чрезъ вѣру, благодаря послѣдней суть истинные

Digitized by Google

Исаакиты и—въ параллель сыну Авраамову (*но* не *чрезъ* него)—бываютъ чадами обѣтованія (IV, 28) въ томъ смыслѣ, что раждаются согласно обѣтованію (genet. subject.) и этимъ самымъ пріобрѣтаютъ исключительную наслѣдственную компетентность. При такомъ тожествѣ, и въ религіозномъ наслѣдованіи непремѣнно повторится до точности бывшее въ матеріальномъ, хотя бы историческая внѣшность этому не благопріятствовала. Тутъ уничиженность христіанства не должна смущать нашей совѣсти, и мы обязаны видѣть здѣсь предвареніе и залогъ своей славы. Вѣдь все это нынѣ происходитъ такъ же, какъ и тогда, гдѣ плотяный (—по религіозному преданію—) гналъ духовнаго (IV, 29); однако Писаніе убѣждаетъ (Быт. xxi, 10), что сынъ рабыни не только не получилъ всего наслѣдства, но не имѣлъ доли и въ наслѣдованіи сына свободной, который сталъ единственнымъ обладателемъ всего нераздѣльнаго богатства (IV, 30). Поэтому если мы братья и связываемся лишь солидарностію вѣры въ общемъ для всѣхъ богосыновствѣ, то для насъ безспорно, что мы не дѣти рабы по натуральному или добровольному законничеству, а сыны свободной (IV, 31) и—значитъ—полные исключительные наслѣдники. IV, 28—31.

Въ концѣ концовъ и самъ законъ направлялъ къ вѣрѣ, какъ выше освѣщался въ своемъ соподчиненномъ и педагогическомъ достоинствѣ для періода младости человѣчества. Онъ не былъ производителемъ самаго обѣтованнаго спасенія и потому не служитъ къ достиженію его въ качествѣ пригоднаго средства. Послѣднее обязательно должно соотвѣтствовать своему предмету со строгою пропорціональностію. Но объективная сущность Христова избавленія состоитъ въ искупительномъ голгоѳскомъ подвигѣ, гдѣ карающій законъ со всею неудержимостію обрушивается на святѣйшую безгрѣшную жертву и этою своею несправедливостію самъ себя убиваетъ. Чрезъ это уничтожается тяготѣніе клятвы законной, а міропорядокъ клятвенно-законническій, построенный на возмездіи и отвѣтственности, замѣняется благодатно-обѣтованнымъ. Тутъ всѣ блага бываютъ всецѣлою собственностію воплощеннаго Сына Божія—Мессіи Іисуса Христа—и заимствуются только отъ Него при условіи тѣснѣйшаго общенія съ Нимъ. Понятно, что и воз-

Digitized by Google

VI, 14. можнымъ способомъ будетъ сліяніе въ вѣрѣ и чрезъ вѣру, когда вѣрующій приходитъ въ натуральное сродство съ Господомъ (ср. III, 26. 27). Все здѣсь чрезъ Христа, во Христѣ и отъ Христа. При этомъ уже не остается мѣста заслугамъ самого человѣка, и онъ не имѣетъ въ себѣ матеріала для превозношеній (ср. Рим. III, 27. IV, 2) и въ правѣ гордиться развѣ тѣмъ, на чемъ фактически созидалась въ исторіи побѣда христіанская съ торжествомъ свободы. Посему въ дѣлѣ устроенія и пріобрѣтенія своего спасенія Апостолъ не можетъ и не желаетъ усвоять себѣ нималѣйшихъ похвалъ (Гал. VI, 14). И необходимая причина того для всѣхъ осязательна и обязательна. Она кроется въ нашей полной христіанской несамобытности, гдѣ все бываетъ вторичнымъ и въ этомъ производителѣ почерпаетъ и свою крѣпость и свою гордость. Естественно, что нашему смиренію единственное изъятіе дозволительно лишь для основъ и источника христіанскаго званія и достоинства. А благодатное бытіе покоится ἐν τῷ σταυρῷ,—на крестномъ искупленіи, для моей пользы подъятомъ и меня дѣйствительно спасающемъ. Это ясно по взаимной комбинаціи всѣхъ участниковъ, ибо предъ нами крестъ Господа, я же Его рабъ, неразрывный отъ Него и въ самомъ торжествѣ, поелику близокъ къ Нему, какъ человѣку = Іисусу, Который — при единеніи вѣры — властно обновляетъ и щедро обогащаетъ, будучи божественнымъ Мессіей = Христомъ. Въ такой своей неразлучности крестъ, сообщая меня съ вышемірнымъ Избавителемъ, исторгаетъ изъ космически-стихійныхъ условій нашего земного существованія, принижавшихъ богодарованный законъ по его приспособленности къ нимъ. Теперь всѣ подобныя ограниченія не достигаютъ до благодатнаго уровня и перестаютъ не только вліять ослабляющимъ или стѣсняющимъ образомъ, но даже и быть. Съ этой стороны взаимной несродности міръ какъ бы пригвождается и лишается всякой энергіи по отношенію къ благодатному строю; въ свою очередь и я, распинаясь Христу, ухожу изъ-подъ космической державы, бываю мертвымъ для ея заправляющаго контроля. Такъ появляется независимая христіанская жизнь, которая всегда удерживаетъ это свое свойство, потому что для членовъ благодатнаго союза пребывающихъ вѣрою во Христѣ Іисусѣ теряютъ свою значимость всѣ

Digitized by Google

космическія связи съ равною (οὔτε-οὔτε) и безвозвратною **VI, 15—16.** окончательностію (**VI, 15**). Теперь не просто утрачиваетъ силу (ср. v, 6 ἰσχύει), а рѣшительно исчезаетъ [1] περιτομή,— и съ отверженіемъ обрѣзанія мы избавляемся отъ космическихъ нормъ закона. Тоже вѣрно и для ἀκροβυστία, разъ необрѣзанность не служитъ болѣе печатію и символомъ языческаго порабощенія стихійности. Повидимому, погибли и пропали всѣ необходимые рессурсы для самой жизни. И если—при столь рѣшительномъ разрывѣ съ міромъ — христіанинъ все-таки продолжаетъ существовать, то неизбѣжно принять, что имѣются особые факторы, производящіе и поддерживающіе собственно христіанское бытіе. Послѣднее есть реальный повсюдный фактъ и потому будетъ не просто лишь формирующимся процессомъ постепеннаго сотворенія [—κτίσις въ активномъ слыслѣ—], не получившаго опредѣленности и законченности. Напротивъ, предъ нами уже результатъ творческаго созиданія [—κτίσις пассивно—] въ сложившемся благодатномъ твореніи, которое является новымъ по своему возникновенію и по отличительному характеру. Все это бываетъ чрезъ Христа Іисуса (ср. 2 Кор. v, 17), по своему эссенціальному сыновству и насъ усыновляющаго Богу. Посему, живя въ достоинствѣ „новой твари", мы окажемся дѣйствующими въ качествѣ дѣтей Божіихъ, поступающихъ нормально и пользующихся Отчимъ благоволеніемъ. Понятно, что, держась въ рядъ (στοιχήσουσιν: ср. и iv, 25) съ этими особенностями своего христіанскаго возрожденія, полагая такой принципъ „канономъ" (τῷ κανόνι τούτῳ) или уравнителемъ всего нашего житейскаго поведенія (**VI, 16**), мы во всемъ оказываемся примиренными съ Творцомъ, и отъ Него свыше нисходитъ на насъ миръ совѣсти чистой и жизни святой. Въ этомъ случаѣ именно на вѣрующихъ исполняются всѣ высокія чаянія израильскія, и по воспріятію и закрѣпленію ихъ въ себѣ христіане фактически бываютъ Израилемъ Божіимъ, — такимъ, какого Богъ желалъ имѣть въ народѣ своемъ и нашелъ лишь въ братствѣ вѣрующихъ, изъ котораго не устраняются и природные Израильтяне.

---

[1] Для vi, 15 вѣроятнѣе чтеніе (ℵ*ABCD*FG al.) ἐστὶν LTr, ἔστιν TWH.

Digitized by Google

Въ итогѣ опять выходитъ, что все священное завѣта ветхаго осуществляется лишь въ царствѣ благодати и его собственными методами. Законъ отвергается безусловно по его непригодности, какъ и въ исторіи божественнаго домостроительства онъ былъ приспособительнымъ учрежденіемъ педагогическаго свойства, хотя воспитывалъ больше отрицательнымъ путемъ, своею недостаточностію развивая осмысленное и горячее стремленіе къ тѣмъ благамъ, которыя въ немъ возвѣщались. Все исчерпывалось пробужденіемъ спасительной жажды, для которой требовалось потомъ надлежащее удовлетвореніе. Но законническая практика неотразимо удостовѣряла всесовершенную человѣческую немощность, исключавшую всякія надежды на тварныя посредства. Посему долженъ былъ выступить дѣятель божественный, и такимъ явился Сынъ Божій, предвѣчно связанный съ міромъ, чрезъ Него же вызваннымъ къ бытію въ качествѣ вторичнаго образа Божія (см. Кол. I, 15—17). Однако все избавленіе было разсчитано на людей, и отсюда возникаетъ необходимость сочетанія абсолютной божественности и полной человѣчности въ единой индивидуальности, чтобы въ ней преодолѣвалъ и торжествовалъ самъ нуждающійся человѣкъ. Поэтому въ проповѣданіи Апостола языковъ объективною основой Евангелія Христова рисуется тотъ историческій фактъ, что наше искупленіе отъ грѣховнаго убожества и реально-юридической неспособности къ наслѣдованію устроялось исключительно голгоѳскимъ подвигомъ Сына Божія. Впрочемъ, пока всѣ выгоды остаются во всецѣломъ обладаніи Господа Спасителя, а другими пріобрѣтаются только при соучастіи съ Нимъ въ Его богочеловѣческихъ преимуществахъ, но вовсе не по усердію подражанія Ему въ хожденіи по стезямъ правды, которой нѣтъ ни у кого. Естественно, что здѣсь все зависитъ отъ того, чтобы достигнуть персональнаго общенія съ Искупителемъ, слиться съ Нимъ до самопоглощенія, когда каждый натурально будетъ наслаждаться жизнію пребывающаго въ немъ Христа. Ясно, что съ субъективной стороны, или по способу усвоенія людьми искупительныхъ даровъ Христовыхъ въ личную собственность, благовѣстіе Павлово утверждается на вѣрѣ, которою всѣ приводятся въ союзъ съ божественнымъ Сыномъ. Вмѣстѣ съ этимъ получается чисто божественное

Digitized by Google

содержаніе, и для него обязательно требуется равный регуляторъ тожественнаго достоинства. Такъ раскрывается предъ нами вторая субъективная черта въ апостольскомъ воззрѣніи на дѣло Христово, что его плоды прививаются и возрастаютъ въ насъ подъ неизмѣннымъ и непрерывнымъ заправленіемъ божественнаго Духа Святаго.

Всѣми этими факторами обезпечивается неизбѣжный и несомнѣнный результатъ, что вѣрою единенія человѣкъ пріобрѣтаетъ во Христѣ богоусыновленіе, сохраняя его за собою въ неприкосновенности чрезъ Ходатая—Духа. Въ этомъ видѣ облагодатствованный человѣкъ и наслѣдуетъ и живетъ съ сыновнею независимостію, пользуясь свободой распоряженія и по своей натуральной зрѣлости и по юридической компетентности. Значитъ, при догматическомъ освѣщеніи искупительнаго подвига Христова въ благовѣстіи апостольскомъ у насъ будетъ Евангеліе свободы христіанской по нашему сыновству Богу и Отцу чрезъ Христа—Сына во Святомъ Духѣ Сыновнемъ. При такихъ особенностяхъ своихъ вѣрующій, конечно, долженъ и дѣйствовать во всемъ соотвѣтственно свободному состоянію, когда онъ будетъ жить этически безукоризненно, въ гармоническомъ согласіи съ спеціальными „канонами новой твари“ (ср. VI, 16. 15).

Этимъ предрѣшается

§ 3) Нравственное ученіе св. Апостола Павла объ истинно христіанской жизни.

Здѣсь предполагается начертать для возрожденнаго образъ поведенія, точно подходящій къ его подлинному достоинству и указывающій путь къ нормальному процвѣтанію при всегдашнемъ успѣшномъ развитіи. По самому смыслу задачи здѣсь нужно теоретическое выясненіе законовъ христіанскаго бытія, а потому опредѣленіе послѣдняго служитъ опорой и точкой отправленія для созиданія и формулированія христіанской этики. Въ чемъ же,—спрашивается,—особенное и существенное достоинство всякаго

Digitized by Google

V, 1. христіанина, какъ вѣрующаго? Его главнѣйшее характерное отличіе заключается въ томъ, что онъ получилъ свойства и права сыновства и въ этомъ качествѣ располагаетъ совершенною свободой—подобно юридически и фактически полномощному наслѣднику, вступившему въ обладаніе всѣмъ достояніемъ. Теперь понятно, что и въ нравственной жизни всегда и всюду должна проявляться одна свобода, безъ которой не бываетъ христіанскаго облагодатствованія. Тогда первымъ принципомъ христіанской нравственности будетъ неизмѣнное пребываніе или непоколебимая устойчивость въ свободѣ при безусловномъ устраненіи всего, что гдѣнибудь носитъ хоть тѣнь поработительнаго стѣсненія (V, 1). Но для безошибочности выполненія этого основного правила слѣдуетъ со всею отчетливостію раскрыть спеціальныя преимущества такой христіанской свободы. Объ ней сказано, что именно ею и въ интересахъ ея утвержденія [—ᾗ (τῇ ἐλευθερίᾳ) dativ. commodi—] насъ Христосъ свободилъ и, конечно, лишь постольку, поскольку Онъ самъ истинно свободенъ. А въ Немъ это достоинство покоится на всецѣломъ воплощеніи воли Божіей по Его натуральному богосыновству, откуда естественно, что Онъ и дѣйствуетъ внѣ всякихъ ограниченій съ сыновнею автономностію. Отраженіе сего въ вѣрующихъ будетъ святостію при закрѣпленіи въ себѣ божественности, почерпаемой при единеніи со Христомъ и сохраняемой чрезъ живое воспроизведеніе Его во всемъ своемъ благодатномъ устроеніи. Необходимо, что человѣкъ возрожденный, будучи свободнымъ, проявляетъ въ этомъ свое сыновство, которое награждаетъ сыновнею независимостію. Значитъ, христіанская свобода есть непосредственное обнаруженіе сыновне-чистаго общенія съ Отцомъ чрезъ Сына, когда подъ водительствомъ Духа мы удерживаемъ органическую неразрывность съ Господомъ чрезъ воспроизведеніе Его въ Себѣ или чрезъ возможно полное осуществленіе закона Христова. Христіанская свобода служитъ натуральнымъ отблескомъ христіанскаго усыновленія, въ равной мѣрѣ пользуясь всѣми его прерогативами и принимая всѣ его высокія обязательства. Христіанинъ живетъ свободно, но въ строжайшемъ соотвѣтствіи со всѣми требованіями своего званія.

Христіанская свобода вовсе не сближается и не гра-

Digitized by Google

ничитъ ни съ противозаконіемъ, ни съ беззаконіемъ или внѣзаконностію, ибо въ себѣ самой содержитъ собственныя регулирующія нормы, устраняя тѣ, которыя пригодны для рабственности, гдѣ онѣ умѣстны, между тѣмъ она выше этого уровня. Тутъ первѣе всего желательно огражденіе своей сыновней возвышенности при помощи всегдашней неразлучности отъ Искупителя, какъ ея источника и подателя. Это будетъ положительный постулятъ христіанской морали для практическаго примѣненія благодатныхъ началъ. Отрицательнымъ и вторичнымъ, хотя столь же непремѣннымъ, требованіемъ должно быть отверженіе всего противнаго, препятствующаго и несроднаго. Съ этой точки зрѣнія неизбѣжно, что и въ нравственномъ отношеніи рѣшительно упраздняется законъ ветхозавѣтный. Теперь—вопреки коварнымъ обольщеніямъ іудаистовъ—Апостолъ со всею убѣдительностію открываетъ неоспоримую и осязательную причину. Она выражается сжато и энергично авторитетнымъ словомъ Павловымъ, которое звучитъ властною внушительностію и дышетъ отрезвляющею призывностію (V, 2). „Если вы обрѣзываетесь“ сами—безъ понужденія къ сему вашимъ христіанскимъ состояніемъ, то, разумѣется, дѣлаете это 1) добровольно и 2) по убѣжденію въ важности этого акта для поддержанія спасенія. Такимъ способомъ послѣднее будетъ условливаться въ своемъ нормальномъ бытіи уже законническою операціей и теряетъ свой исключительно христіанскій характеръ. Обрѣзаніе пріобрѣтаетъ силу самостоятельной спасительности и отторгаетъ отъ Христа, не допускающаго такихъ пособниковъ, которые—даже при добромъ стремленіи ко вспомоществованію—являются фактически просто узурпаторами, посягающими на абсолютную единичность Господа въ нашемъ искупленіи и возрожденіи. Понятно, что для обрѣзывающагося связь съ Избавителемъ прерывается, и Христосъ, будучи реально вѣчнымъ носителемъ благодати, оказывается совершенно безполезнымъ для этихъ ренегатовъ, коль скоро они сами уклоняются отъ благотворныхъ лучей Христова сіянія. Это грозно-печальное слѣдствіе тѣмъ неумолимѣе и неотвратимѣе, что здѣсь немыслима половинчатость или двойственность, чтобы при симпатіяхъ къ законничеству можно было сохранять всю благодатную жи-

V, 2.

Digitized by Google

V, 3—4. вительность. Напротивъ: тутъ либо „да“—и все, либо „нѣтъ“—и ничто. Вдумаемся въ предметъ внимательнѣе. Всякій подобный человѣкъ есть обрѣзывающійся (V, 3: περιτεμνομένῳ). Очевидно, онъ принимаетъ на себя эту печать по признанію ея спасительности, а ее получаетъ данный оперативный пріемъ лишь въ качествѣ преддверія къ цѣлостной оправдательной системѣ законничества и совсѣмъ не имѣетъ въ обособленіи, когда допускается, напр., по медицинскимъ соображеніямъ. По своей религіозной роли обрѣзаніе равняется крещенію и сопровождается подчиненіемъ человѣка тому строю, куда посвящаетъ и благословляетъ. Естественно, что „почивающій на обрѣзаніи“ будетъ рабскимъ должникомъ закона, чтобы постоянно творить его во всей дробности формъ и нормъ [1]. Такъ снова начинается прежнее,—но теперь уже ренегатское,—оправдываніе себя „въ законѣ“ (V, 4: οἵτινες ἐν νόμῳ δικαιοῦσθαι), усердіе къ отысканію въ немъ всей правды и всецѣлое заключеніе себя въ его сферу. Въ результатѣ неизбѣжно является отлученіе отъ Христа съ выпаденіемъ изъ благодатно-спасительной области Христовой.

Для обрѣзанныхъ тогда упраздняется и вся благодатная дѣйственность, потому что функціонируетъ она только въ своей средѣ — независимаго христіанскаго сыновства. Въ немъ все созидается на нашей неразрывности съ божественнымъ Сыномъ, съ Которымъ мы входимъ въ общеніе чрезъ вѣру. Послѣдняя, объединяя насъ съ Господомъ, въ каждомъ частномъ случаѣ прямо наполняется оправдывающимъ содержаніемъ голгоѳской жертвы и сама бываетъ вмѣстительницею искупительныхъ благъ. Но если эти сокровища сыновне божественны, то и нор-

---

[1] Поэтому со строго іудейской точки зрѣнія вполнѣ логично талмудическое предостереженіе: «Отступникъ отъ закона о субботѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отступникъ отъ закона во всей его цѣлости». См. у Dr. *J. Hamburger*'а въ «Real-Encyclopädie des Judentums» III, 3 (Lpzg 1896). S. 67. Отсюда же понятно, что зазорная Вереника (сестра Агриппы II, правнучка Ирода в.) предъ третьимъ (собств. и фактически—вторымъ) бракомъ съ Полемономъ киликійскимъ потребовала отъ него только обрѣзанія (*Jos. Flav.* Antiqu. xx, 7: 3), поскольку послѣднее всегда почитается «краеугольнымъ камнемъ еврейства» (см. и въ журналѣ «Восходъ» 1882 г., № 7—8, стр. 12).

Digitized by Google

мальное пользованіе ими нуждается въ божественномъ посо- V, 5—6.
біи Духа Святаго (V, 5). При этомъ вѣра становится и носительницею и сообщительницею намъ самой правды Христовой, которую, какъ нѣчто готовое, мы почерпаемъ (ἀπ—εκ—δεχόμεθα) въ личное обладаніе именно изъ нея (ἐκ πίστεως). Она, строго говоря, не средство для пріобрѣтенія оправданія, подаваемаго помимо нашей заслуженности, а—скорѣе и точнѣе—способъ передачи, единственно возможный для этого случая, гдѣ необходимо тѣснѣйшее соотношеніе со спасительнымъ источникомъ. Это въ совершенствѣ исполняетъ вѣра, приводящая ко Христу, и ею мы усвояемъ себѣ въ собственность потребную намъ праведность. Отнынѣ послѣдняя бываетъ неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ и въ свою очередь оказывается опорою нашихъ дальнѣйшихъ упованій, почему ее нельзя считать предметомъ (объектомъ) надежды, отъ которой (которою) она только еще ожидается [—δικαιοσυνῆς genitivus objetivus для ἐλπίδα—] въ будущемъ. Фактически бываетъ совсѣмъ иное, разъ это является нашимъ безспорнымъ обладаніемъ. Значитъ, у Апостола разумѣется не надежда *на* праведность, но надежда *отъ* праведности, которая въ качествѣ активнаго субъекта [—δικαιοσύνης genitiv. subjectivus—] даетъ намъ все, что она можетъ и должна дать. Успѣхъ совершенно несомнѣненъ, поелику тутъ вѣра бываетъ исключительнымъ двигателемъ всего процесса. Причина очевидна и коренится въ томъ, что здѣсь все и всецѣло покоится во Христѣ Іисусѣ (V, 6), а въ сферѣ Его владычества равно (οὔτε—οὔτε) безсильны и потомъ исчезаютъ (ср. къ VI, 15) въ своихъ оправдательныхъ притязаніяхъ или отрицаніяхъ и обрѣзаніе и необрѣзаніе. Нужно лишь сліяніе съ Господомъ, и это устрояется одною вѣрой, которая бываетъ законченнымъ актомъ, коль скоро мы подлинно находимся уже въ Искупителѣ. Въ этой дѣятельности вѣра не допускаетъ улучшеній по безукоризненности доставленнаго результата и сама начинаетъ функціонировать въ свойственныхъ обнаруженіяхъ. Отсюда получаемъ, что апостольское реченіе δι' ἀγάπης ἐνεργουμένη (*любовію поспѣшествуема*) не пассивное въ смыслѣ принимаемой и провозглашаемой католичествомъ fides formata — вѣры формулируемой постепенно и непрерывно, усовершающейся и приходящей въ крѣпость зрѣлости посредствомъ любви.

Digitized by Google

V, 6 (соотношеніе вѣры и любви). Напротивъ, первая рисуется активною и производитъ свой плодъ во второй. Такова и есть вѣра, дѣйствующая изъ себя и сама по себѣ [—ἐνεργούμενη med., средняго залога—] при помощи любви, ея обнаруживающей и запечатлѣвающей.

По этой связи раскрывается, какимъ образомъ изъ вѣрующей активности раждается любовь и въ чемъ состоитъ. Любовь бываетъ отблескомъ вѣры, а эта вселяетъ въ насъ искупляюще-спасающаго Христа и потому дѣйствуетъ въ насъ со всею спасительностію непремѣнно по подобію историческаго подвига Христова. Въ этомъ качествѣ вѣра христіанская отражаетъ въ себѣ самую сущность избавленія Христова. Но Господь былъ въ немъ абсолютною любовію и по условливающему мотиву, и по фактическому методу, и по конечной цѣли своего мессіанскаго служенія. Понятно, что вѣра, будучи истинно-христіанской, обязательно дѣйствуетъ изъ себя самой и безъ всякаго внѣшняго понужденія любовію и именно любовію Христовой—въ святости оправданія, какъ во вѣки праведенъ Христосъ, въ жизни обновленія, какъ всесовершенъ Сынъ Божій, и въ благости исправляющаго и возсозидающаго снисхожденія, какъ *исполнъ благодати* (Ін. I, 14) воплощенный Логосъ-Избавитель. Христіанская вѣра необходимо свидѣтельствуется и осуществляется фактически любовію, когда мы закрѣпляемъ благодатно-реальное единеніе съ Богомъ чрезъ Искупителя и, пріобрѣтая въ Немъ сыновнюю близость богообщенія, поднимается до созерцанія сокровенныхъ таинъ божества. Натурально, что съ этой стороны любовь христіанская у св. Іоанна Богослова рисуется средствомъ богопознанія (1 Ін. IV, 8), ибо лишь чрезъ нее достигается взаимообщеніе познающаго и познаваемаго до степени тѣснѣйшаго соприкосновенія, даже сопроникновенія (1 Ін. IV, 16).

Апостолъ Павелъ разсматриваетъ любовь въ неразрывности отъ вѣры оправданія при ихъ гармоническомъ сочетаніи въ христіанской практикѣ, гдѣ слѣдствіе бываетъ тожественнымъ своей причинѣ по достоинству. Такая дѣятельность христіанская будетъ безусловно нормальною или строго нравственной; но ея источникъ—во

Digitized by Google

Христѣ, способъ—въ вѣрѣ, руководительство въ Духѣ, увѣнчаніе—въ любви. Законъ и здѣсь остается внѣ границъ христіанскаго облагодатствованія въ его обнаруженіяхъ среди людей. Тѣмъ не менѣе это ничуть не ведетъ къ нравственной распущенности аномизма и не наклоняетъ къ этической необузданности антиномизма. Конечно, оправданный призванъ (**V, 13**) къ осуществленію данной ему свободы,—только она всецѣло христіанская, изъемлющая насъ изъ-подъ владычества міровой стихійности и—прежде всего—отъ плотяности, которою мы приковываемся къ міру. Ясно, что разумѣемая свобода абсолютно чужда всякихъ плотскихъ элементовъ и не можетъ быть точкою опоры для развитія активности плоти. Свобода сама остается и насъ удерживаетъ въ чисто духовной области вѣры, а тамъ всюду и во всѣхъ дѣйствуетъ любовь Христовой самопреданности на пользу всѣхъ и каждаго. Поэтому христіански свободные не превозносятся взаимно, но работаютъ другъ другу любовію (ἀλλὰ διὰ τῆς ἀγάπης δουλεύετε ἀλλήλοις) по ея натуральному и неустранимому влеченію. Чрезъ это христіане покажутъ себя на высотѣ идеала, къ которому направлялось все предшествующее: отъ послѣдняго они теперь избавляются навсегда за ненадобностію предвареній при наличности желательнаго успѣха. Вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ будетъ реальная полнота высокихъ законническихъ стремленій. Эта истина, неизбѣжная по смыслу христіанскаго званія, имѣетъ для себя неотразимое законническое оправданіе. Оно содержится (**V, 14**) въ самомъ словѣ закона ветхозавѣтнаго, поскольку этотъ бываетъ всецѣло выполненнымъ фактически [1] при точномъ воплощеніи его кардинальной заповѣди (Лев. xix, 18): *возлюбиши ближняго твоего якоже себе.*

V, 13—14 (любовь христіанская, какъ исполненіе закона).

Относительно ея несомнѣнно, что она не достигалась въ законѣ, однако исчерпывала все содержаніе его оправдательныхъ напряженій и тяготѣній, почему христіанское исполненіе будетъ и удовлетвореніемъ

[1] Считаемъ болѣе вѣроятнымъ не πληροῦται (Rec.) въ формѣ настоящаго времени: *исполняется нами*—христіанами, *а* (по ℵABC) πεπλήρωται (LTrTWH) въ формѣ перфекта и безотносительно къ христіанскому осуществленію, которое только удостовѣряется на основаніи дѣйствительнаго факта такой реализаціи (ср. Рим. xiii, 8).

Digitized by Google

и упраздненіемъ законническихъ влеченій. Упомянутое повелѣніе требуетъ признанія ближняго *своимъ*, и это встрѣчается между людьми при узахъ кровнаго родства въ семействѣ, національности и т. п. Но дальше заповѣдуется гораздо бо́льшее въ призывѣ къ совершенному отожествленію меня съ другимъ. Это обязательство непосильно для отмѣченныхъ посредствъ, ибо сынъ не есть отецъ и царь не равенъ рабу своихъ подданныхъ, какъ и имъ самимъ. Тутъ нужно высшее объединеніе, гдѣ всѣ безразлично одинаковы. Для доблагодатнаго прозрѣнія такое состояніе мыслимо было лишь при общемъ приниженіи всѣхъ предъ Богомъ по рѣшительной зависимости отъ Него и по своей несамобытности. Законъ обезпечивалъ заповѣданное тожество отчетливымъ провозглашеніемъ идеи универсальной тварности. Само собою понятно, что эту истину нужно было исповѣдывать напередъ, а кругъ ея вѣдѣнія замыкался границами Израиля. Это количественное съуженіе сопровождалось и качественною недостаточностію, поелику между тварными—хотя бы для союза избранныхъ Божіихъ—нѣтъ натуральной внутренней взаимности сліянія, разъ тварное уравненіе производится чрезъ третью инстанцію внѣ людей стоящаго Бога. Здѣсь каждый видитъ въ ближнемъ себя собственно не по равенству себѣ, а по равному всѣхъ отношенію къ Творцу. Поэтому и въ средѣ народа Божія заповѣданное тожество было больше теоретическимъ постулятомъ, не исключавшимъ на практикѣ самыхъ рѣзкихъ градацій даже въ самой религіозной сферѣ, и фактически сопровождалось преобладаніемъ націонализма, окончательно восторжествовавшаго въ іудействѣ. При всемъ томъ законъ, не давая заповѣданной любви, видѣлъ и находилъ бы въ ней абсолютное свое выраженіе. Онъ былъ разсчитанъ именно на водвореніе религіозно-моральной солидарности въ одинаковой у всѣхъ святости воплощенія правды Божіей, при чемъ непремѣнно функціонировалъ бы и фактически исполнялся въ повсюдной любви взаиморавенства по достоинству. Для ветхозавѣтнаго домостроительства все это было просто цѣлью, а если она реали-

Digitized by Google

зуется въ христіанствѣ, то послѣднее и бываетъ исполненіемъ закона. Но въ царствѣ благодати всѣ члены дѣйствительно и реально сливаются въ безраздѣльное цѣлое съ естественностію и необходимостію. Въ немъ всѣ участники соединяются органически съ божественнымъ Сыномъ и въ Немъ сами становятся истинными чадами Божіими. Затѣмъ уже ясно, что дѣти бываютъ между собою братьями и не могутъ не усматривать другъ въ другѣ равнаго сына. Значитъ, христіанинъ, пока онъ остается вѣрующимъ или въ силу своего спеціальнаго преимущества, натурально созерцаетъ себя самого въ каждомъ ближнемъ ему по одинаковому христіанскому обновленію и любитъ братски не съ національною узостію плотскаго происхожденія, а съ необъятнымъ универсализмомъ всѣмъ доступной и для всѣхъ открытой вѣры. **V, 15.**

По всему безспорно, что законничество до точности воплощается въ христіанствѣ по самымъ высшимъ своимъ религіозно-моральнымъ требованіямъ, превышавшимъ его активную энергію. Потому,—какъ исполненный всецѣло,—законъ не имѣетъ силы и дѣйственности въ христіанскомъ благодатномъ строѣ, который однако же чуждъ и противозаконія и беззаконія и находится поверхъ законническаго уровня, обладая своими заправляющими нормами. Неудивительно, что въ христіанскомъ союзѣ недопустима раздробленность вызывательской обособленности, господствующая въ плотяной сферѣ и заправляемая законностію. Иначе братская солидарность вытѣсняется столкновеніемъ несовмѣстимости, ведущей къ устраненію одного другимъ при ожесточенной борьбѣ за существованіе. Отсюда раждается инстиктивная потребность взаимнаго угрызенія, а—при равной интенсивности у всѣхъ—оно должно сопровождаться всеобщимъ истребленіемъ (**V, 15**). Но все это держится плотяностію и внѣ ея не бываетъ. Посему Апостолъ и говоритъ, что христіане, вышедши изъ плотяныхъ оковъ, обязаны сообразоваться съ условіями своего новаго бытія. Послѣднее, созидаясь въ божественномъ Сынѣ, нуждается и въ божественномъ регуляторѣ, который закрѣпляетъ наше тѣсное объединеніе во Христѣ съ Богомъ. Таковъ и есть Духъ божественный, являющійся спеціальнымъ двигателемъ христіан-

Digitized by Google

, 16—18. скаго поведенія, гдѣ Онъ бываетъ центромъ, опредѣляющимъ границы периферій, и служитъ солнцемъ, охраняющимъ планомѣрность всего теченія. Разумѣется, при Его контролѣ все будетъ совершаться съ христіанскою правильностію, ибо удерживается въ собственной области и функціонируетъ по ея исключительнымъ законамъ. Понятно, что тогда вѣрующій станетъ ходить безпрепятственно и безбоязненно, не опасаясь потерять изъ-подъ ногъ христіанскую почву и ниспасть за черту свободной духовности. Этимъ принципіально предрѣшается, что духовный по самому своему достоинству оказывается независимымъ отъ плотяности и физически не можетъ слѣдовать ея отличительнымъ вліяніемъ (V, 16), которыя просто даже не досязаютъ христіанской возвышенности. Это и непреложно и необходимо, что подобный человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ исполнять (οὐ[+] μὴ τελέσητε) плотскихъ вожделѣній. Обратное еще было бы мыслимо въ нѣкоторой степени, еслибы плоть имѣла хоть малѣйшее родство съ Духомъ, соприкасалась съ Нимъ и незамѣтно примѣшивалась къ Его отправленіямъ, постепенно вторгаясь въ духовный процессъ, сообщая свою окраску и, наконецъ, овладѣвая окончательно. Но въ томъ и все дѣло, что между ними господствуетъ внутренняя противность (V, 17: κατά), а жаръ и холодъ, свѣтъ и тьма вмѣстѣ не бываютъ, устраняя другъ друга при встрѣчѣ. И, по истинѣ, плоть стремится къ враждебному для Духа, отвѣчающаго въ томъ же самомъ тонѣ, почему при фактическихъ столкновеніяхъ они не переплетаются и не входятъ въ содружество, сохраняя свою природную непримиримость. Въ этомъ случаѣ плоть усиливается, чтобы человѣкъ дѣйствовалъ не духовно, какъ Духъ побуждаетъ поступать вопреки плотяности. Отдавшись тому или иному фактору, люди уже подчиняются ему съ утратою своей воли, которая теперь можетъ выражаться только однимъ извѣстнымъ способомъ—духовнымъ либо плотянымъ. Естественно, что когда водителемъ нашимъ будетъ Духъ (V, 18), мы самою своею духовностію изымается изъ плотяной неупорядоченности и этимъ избавляемся отъ законнической подвѣдомственоcти, ибо для нея нѣтъ матеріала, разъ у насъ въ жизни и мысли воцаряется наилучшая гармонія. Законъ не находитъ тутъ приложенія, поелику

Digitized by Google

приспособленъ для плотяности, какъ это для всѣхъ ясно **V, 19—20.** съ неотразимостію по ея обнаруженіямъ (**V, 19**). Плоть хочетъ устроиться по своему типу, однако не обладаетъ самобытностію, чтобы развиваться изъ себя самой и по себѣ въ цѣлостную органиченную систему. Всѣ напряженія исчерпываются лишь разрозненными фактами осуществленія, которые мотивируются плотяностію и бываютъ, конечно, специфически плотскими (τὰ ἔργα τῆς σαρκός), поскольку плотію производятся (genitiv. subjectivus) и воплощаютъ ее съ точностію (genitiv. objectivus). Съ этой стороны они для всѣхъ осязательно-наглядны и легко постигаются въ своихъ отличительныхъ качествахъ. Предъ нами неограниченное плотяное владычество, не стѣсняемое въ своей активности. При такомъ рѣшительномъ напорѣ плоти и первѣйшимъ [1] ея запечатлѣніемъ будетъ πορνεία—безпорядочное и ничѣмъ не контролируемое удовлетвореніе плотскихъ инстинктовъ въ „блудѣ". Здѣсь плоть достигаетъ полнаго главенства и, простираясь далѣе, естественно налагаетъ всюду свою ἀκαθαρσία—„нечистоту" плотскаго вожделѣнія и плотянаго интереса всякаго рода и вида. Послѣ этого для нея не оказывается достаточныхъ препонъ, и она проявляется потомъ въ ἀσέλγεια—съ крайнею необузданностію и съ „непотребствомъ" неприкрытой наглости самаго бѣшенаго цинизма, совсѣмъ не желающаго стѣсняться. Плоть захватываетъ окончательное верховенство и воздвигаетъ себѣ свой „идолослужебный" культъ въ εἰδωλολατρ(ε)ία (**V, 20**) съ религіозными „волшебствами" разныхъ φαρμακ(ε)ία (ср. Апок. XXI, 8), гдѣ плотяно-матеріальныя средства „чародѣйства" предполагаютъ плотяность религіознаго сознанія въ понятіи подвластности такимъ волшебнымъ способамъ самого божества—наряду съ плотяностію движущаго стремленія и преслѣдуемой цѣли. Въ этомъ состояніи самообоженія плоть не можетъ допускать равенства или соперничества, а потому она ко всему „враждебна" (ἔχθραι), горделиво все „оспариваетъ" (ἔρεις) по чувству злостной „завистливости" (ζῆλοι) и—при неуступчивости—распаляется бурною „яростію" въ θυμοί. Въ результатѣ будетъ фактическая „враждебность" (ἐριθεῖαι) къ упор-

---

[1] Вставка μοιχεία (Rec.) является излишнею и по ходу рѣчи, какъ этого слова нѣтъ въ ℵ*ABCP pesch. copt. (= bohair.) aethiop. vulg.

Digitized by Google

V, 21. ствующему. Разъ же это настроеніе присуще всѣмъ плотянымъ индивидуальностямъ съ одинаковою интенсивностію, отсюда неизбѣжно раждается „расколъ“ (διχοστασίαι) непримиримыхъ партій, которыя по своимъ руководящимъ принципамъ скоро и съ неминуемостію формируются въ осмысленныя „еретическія“ фракціи (αἱρέσεις). Тогда возникаетъ (V, 21) неумолимое взаимное „ненавистничество“ (φθόνος) съ тенденціею къ „убійственному“ уничтоженію (φόνος) противниковъ, дабы на развалинахъ всеобщаго погрома для плоти удобно и свободно было торжествовать свою побѣду въ дикомъ „опьяненіи“ (μέθαι) охмѣляющихъ и неслыханно-безчинныхъ оргій (κῶμοι). При безбрежномъ плотскомъ абсолютизмѣ все прочее подобное понятно само собою и не требуетъ перечисленія. Столь же несомнѣнны и всѣ выводы, для которыхъ Апостолу было достаточно напомнить читателямъ сказанное имъ прежде—во второй визитъ у Галатійцевъ. Цѣль ихъ религіознаго усердія и моральнаго напряженія заключается въ наслѣдованіи царства Божія, но при плотяномъ деспотизмѣ они были бы τὰ τοιαῦτα πράσσοντες, всегда и непрерывно осуществляющими всю сумму плотскихъ возможностей. Между тѣмъ у всѣхъ вѣрующихъ искомый идеалъ покоится въ βασιλεία θεοῦ—въ такомъ строѣ, который всецѣло созидается отъ Бога, имѣетъ Его своимъ виновникомъ (genitiv. subjectivus), откуда вытекаетъ, что тутъ обязательно должна выражаться со всѣмъ совершенствомъ и царствовать именно воля Божія (genitiv. objectivus). Пока эта задача бываетъ больше идеальною и выполняется частитично и постепенно въ членахъ церкви Христовой, служащей моментомъ и средою водворенія на землѣ царства Христова, воплощавшаго Божіе со всею фактическою точностію въ личности Господа Искупителя, а достигнута будетъ людьми реально лишь въ царствѣ Бога и Отца. При всемъ томъ главенствующій факторъ всегда бываетъ божественный, противный плотяности, почему всѣ плотяные не будутъ имѣть даже малѣйшаго касательства къ царственно Божію наслѣдію. Для этого нужно безусловное соотвѣтствіе царственной божественности, а оно требуетъ производителя, способнаго и достойнаго—значитъ,—не менѣе божественнаго. Но извѣстно, что продолжаетъ миссію Христа и утверждаетъ наше единеніе съ Богомъ Духъ

Digitized by Google

Святый, Который поэтому и будетъ исключительнымъ водителемъ вѣрующихъ въ церкви Христовой къ царству Божію. Дѣйствуя въ своей сферѣ и съ божественно-властною самодержавностію, Онъ необходимо даетъ изъ себя нѣчто цѣлостное, какъ Его „плодъ“ (V, 22), единый по источнику и по содержанію—вопреки дробности плотскихъ „дѣлъ“. При такомъ божественномъ абсолютизмѣ въ самомъ процессѣ—и результатъ окажется одинаково божественнымъ въ качествѣ адекватнаго отраженія въ христіанахъ свойствъ жизни собственно божественной. А въ премірномъ бытіи троичности царствуетъ „любовь“, покоящаяся на эссенціальномъ тожествѣ и сосущественной неразрывности всѣхъ божественныхъ Лицъ. Но всѣ облагодатствованные, находясь въ сочлененіи съ Отцомъ чрезъ Сына во Св. Духѣ, органически связываются братскою солидарностію взаимной самопреданности и въ каждомъ другомъ любятъ себя самихъ (ср. v, 13). Въ этомъ смыслѣ любовь есть первѣйшее обнаруженіе вѣры, корень и вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей. Только она обладаетъ подобными преимуществами при сыновней неразлучности съ Богомъ, гдѣ вполнѣ естественна радость при достиженіи этого спасительнаго союза, который вселяетъ въ душу свой миръ невозмутимой солидарности съ небомъ и спокойной гармоничности на землѣ. Въ дальнѣйшемъ практическомъ примѣненіи будетъ фактически закрѣпляться пріобрѣтенная божественность. Но по отношенію къ роду человѣческому и всему сотворенному Всевышній долготерпѣливъ по Своей благостной милости,—и въ Его чадахъ будутъ обитать μακροθυμία и χρηστότης—„сдержанность“ для гнѣвливой обидчивости на ближняго по „доброму влеченію“ къ нему, которое, впрочемъ, не граничитъ съ попустительствомъ, ибо старается дѣйствовать „благами исправленія“ (ἀγαθωσύνη), чтобы поднять павшаго на свою высоту и пріобщить къ радостной восторженности. Христіанская активность тутъ не измѣняетъ своей природѣ, насаждая въ другихъ то самое, что отличаетъ ее натурально. Здѣсь успѣхъ достигается и потому, что она бываетъ непреклонно стойкою, остается вѣрною себѣ (πίστις) во всѣхъ своихъ особенностяхъ и въ этомъ достоинствѣ касается всякаго недуга съ „мягкостію врачеванія“ (V, 23), чуждаго суровости прещенія (πραΰτης), поелику „са-

V, 22—23.

Digitized by Google

V, 24—25. модержавна“ въ своихъ свойствахъ и не допускаетъ искаженія и омраченія ихъ чѣмъ-либо несроднымъ или противнымъ (ἐγκράτεια). Данное перечисленіе снова убѣждаетъ, что сюда непримѣнимъ дисциплинарно-регулирующій и карающій законъ, для котораго нѣтъ пункта приложенія въ царствѣ правды (ср. 1 Тим. I, 9), раскрывающейся въ жизни вѣрующихъ изъ самой себя съ натуральною святостію. Всѣ творцы поименованныхъ и аналогичныхъ добродѣтелей суть οἱ τοῦ Χριστοῦ Ἰησοῦ (V, 24)—такіе, которые пребываютъ въ Господѣ и только въ Немъ имѣютъ свое благодатное бытіе, а потому, распявшись со Христомъ, они фактически умертвили свою плоть, отняли у нея жизненность со всѣми плотяными влеченіями разныхъ похотей. Безъ послѣднихъ не оказывается и матеріала для законническихъ нормъ. Теперь получаемъ, что—не дозволительный и не пригодный для возникновенія христіанской жизни—законъ просто неумѣстенъ и для ея поддержанія. Она состоитъ въ свободѣ богоусыновленія, которое пріобрѣтается единеніемъ съ Сыномъ Божіимъ и реально обнаруживается воспроизведеніемъ качествъ божественнаго Главы въ дѣтяхъ по благодати, когда бываетъ всецѣлое совпаденіе должнаго съ наличнымъ въ этической безупречности.

Ясно, что основа и источникъ христіанской нравственной дѣятельности—Христосъ, ея орудіе—вѣра, фактическое запечатлѣніе—любовь со всѣми развѣтвленіями и обнаруженіями. Въ такомъ случаѣ, если здѣсь и можетъ быть рѣчь о заправляющемъ регуляторѣ, это будетъ сохранитель и укрѣпитель начавшагося христіанскаго процесса, прогрессивному теченію и процвѣтанію коего онъ способствуетъ съ авторитетностію и безошибочностію самихъ производящихъ факторовъ божественныхъ. Таковымъ и является Духъ Божій. Но разъ только Имъ и при Его соотвѣтственномъ вліяніи мы живемъ христіански корректно, то естественно, что Онъ будетъ исключительною силой всего нашего моральнаго устроенія (V, 25) во всѣхъ фактическихъ модификаціяхъ жизненной практики. Этимъ же двигателемъ, конечно, станутъ опредѣляться и всѣ наши частныя отношенія. Въ числѣ ихъ прежде всего немыслимо самопрославленіе, поелику оно было бы пусто и безсодержательно, не находя для себя малѣйшей

Digitized by Google

опоры тамъ, гдѣ все Божіе, а тогда совсѣмъ не будетъ ни V, 26. VI, 1. предлога, ни причины для взаимнаго вызывательскаго раздраженія по чувству зависти въ себѣ и съ порожденіемъ ея въ другихъ (V, 26). При изъятіи всякаго превозношенія и съ устраненіемъ побужденій къ раздору легко формулируется истинный способъ христіанскаго поведенія при всѣхъ жизненныхъ уклоненіяхъ и коллизіяхъ. Нужно думать, что изъ своего миссіонерскаго опыта Апостолъ беретъ подходящее и знакомое читателямъ, если говоритъ далѣе о нравственныхъ паденіяхъ. Самая форма рѣчи убѣждаетъ, что это примѣръ далеко не гипотетическій, а — скорѣе — совершенно реальный [1]. Допустимъ, что ἐὰν καὶ προλη(μ)φθῇ ἄνθρωπος ἔν τινι παραπτώματι (VI, 1), что онъ захваченъ какимъ-нибудь грѣховнымъ правонарушеніемъ и пойманъ въ немъ „на самомъ преступленіи", „съ поличнымъ" (ἐπ' αὐτοφόρῳ, flagrante delicto). При всемъ томъ и нынѣ онъ остается нашимъ „братомъ" и требуетъ пока лишь исправленія возвращеніемъ къ братской нормѣ. Но наше преимущество заключается въ томъ, что мы πνευματικοί—„духовные", ибо въ своемъ христіанскомъ бытіи всецѣло устрояемся Духомъ. Естественно, что мы и должны „вставлять на свое мѣсто вывихнутый членъ" (= καταρτίζειν), какъ живущіе ἐν Πνεύματι— со свойственною Ему мягкостію цѣлительнаго врачеванія, равно чуждаго и насильственнаго принужденія и обличительной жесткости растравляющаго укора. Иначе—при другомъ противномъ способѣ — мы покажемъ себя не „духовными" и засвидѣтельствуемъ свое собственное паденіе, съ отрѣшеніемъ отъ сферы Духа въ сторону плотянаго уязвленія аналогичнаго характера. Слѣдовательно, наша братски исправляющая миссія есть прямое, естественное и необходимое требованіе самаго христіанскаго достоинства, почему обязательна для сохраненія ея здоровой крѣпости. Принимая на себя тяготы другого, тѣмъ самымъ всякій изъ вѣрующихъ все непоколебимѣе утверждается въ духовности и своею помощію поскользнувшемуся брату отнимаетъ у себя часть возможностей для плотского вторженія. Въ результатѣ получается, что подобнымъ взаимнымъ бременоношеніемъ мы облегчаемъ немощнымъ путь къ религіозно-

[1] См. выше на стр. 43.

Digitized by Google

VI, 2—3. моральному возвышенію и, поднимая ихъ до своего „духовнаго“ уровня, побѣждаемъ въ себѣ самихъ личнаго врага въ наклонности къ плотяному обуреванію. Чрезъ это нами точно осуществится и „законъ Христовъ“, который фактически раскрытъ Христомъ (genitiv. subjectivus) и намъ заповѣданъ отъ Него (genitiv. objectivus) для неуклоннаго примѣненія. Очевидно, это будетъ законъ искупляющеспасающаго подвига Христова, а онъ состоялъ въ исцѣленіи недужныхъ и возведеніи падшихъ. Повторяя тоже въ своей христіанской практикѣ, мы—понятно—со всѣмъ доступнымъ совершенствомъ будемъ исполнять и исполнимъ (ἀνα + πληρώσετε) [1] этимъ и норму Христова служенія (VI, 2), какъ единственное правило и исключительную основу нашей морально-благодатной жизни. Все это бываетъ для насъ принудительнымъ принципіально не только въ объективномъ отношеніи или потому, что, будучи искупленными, мы должны отражать въ себѣ объективный фактъ искупленія въ его спеціальныхъ качествахъ. Не менѣе сего къ этому мы побуждаемся и съ субъективной стороны—по разсмотрѣнію нашего дѣйствительнаго религіозно-моральнаго положенія. Разумѣется его несамобытность, не дозволяющая высокомѣрной замкнутости въ кастовыхъ рамкахъ. Логика тутъ неумолимая и сокрушительная для всякой индивидуально-горделивой обособленности. Причина въ томъ, что для послѣдней нужно помыслить себя чѣмъ-либо (VI, 3) способнымъ къ автономному бытію, какъ не обусловленному и ни отъ кого независимому, а для этого нѣтъ мотивирующихъ и оправдательныхъ матеріаловъ, ибо каждый по своей человѣческой индивидуальности есть абсолютное ничто для возникновенія и процвѣтанія своего христіанскаго званія. Неизбѣжно, что результатомъ такого мечтанія будетъ гибельное „умоповрежденіе“ съ обольщеніемъ своего разума обманчивыми призраками, будто человѣкъ самъ достигъ идеала и въ правѣ съ холодною пренебрежительностію смотрѣть на борющихся братьевъ. Напротивъ, всѣ почерпаютъ свое достоинство не изъ себя самихъ, но имѣютъ его внѣ, откуда оно усвояется въ личное обладаніе. Поэтому при

[1] Вмѣсто аориста ἀναπληρώσατε предпочитаемъ чтеніе (BFGdfg pesch. copt. [=bohair.] aethiop. vulg.) въ формѣ будущ. вр. ἀναπληρώσετε.

Digitized by Google

нравственно-христіанскомъ возрастаніи все сводится ко всегдашнему и непрестанному закрѣпленію въ себѣ благодатно даннаго содержанія самымъ дѣломъ. Естественно, что христіанскій долгъ разсужденія будетъ выражаться непрерывнымъ и строгимъ испытаніемъ своей осуществляющей дѣятельности (VI, 4) по принципу соотвѣтствія идеальной задачѣ. Тогда—въ случаѣ удовлетворительнаго исхода этого искуса—отыщется матеріалъ и для похвалы (τὸ καύχημα), — только теперь не на чужой счетъ превосходства надъ грѣховностію ближняго, но уже за свой собственный—въ мѣру своей нравственной зрѣлости. Хвала чрезъ другого всегда бываетъ незаконною и пустой, потому что говоритъ лишь о недостаткахъ брата и ничуть не удостовѣряетъ моей моральной безукоризненности, которая оцѣнивается единственно масштабомъ того, что подлежитъ исполненію. И въ этомъ отношеніи у всѣхъ есть свое бремя нравственно-религіознаго подвига въ осуществленіи христіанской святости (VI, 5), гдѣ,—какъ мы видѣли, — возможны и дозволительны именно взаимность и солидарность. VI, 4—6.

Со всѣхъ сторонъ аргументируется, что—по самому отличительному характеру христіанскаго бытія — высшіе для своего обезпеченія побуждаются дѣйствовать въ духѣ врачующе-кроткаго снисхожденія къ слабымъ и колеблющимся. Впрочемъ, это ничуть не значитъ, что послѣдніе въ правѣ жить попеченіями „духовныхъ“, не заботясь о личномъ трудѣ моральнаго усовершенствованія. Напротивъ, у нихъ есть тоже своя обязанность одинаковаго этическаго свойства. Своимъ паденіемъ они показываютъ въ себѣ практическихъ невѣждъ и по этому качеству подобны всѣмъ обучаемымъ. Отсюда имѣемъ контрастъ ὁ κατηχούμενος и ὁ κατηχῶν (VI, 6)—наставляемаго и наставляющаго по ихъ спеціальному достоинству и взаимодѣйствію. Второй сообщаетъ слово своей мудрости,—въ нашемъ примѣрѣ — слово евангельскаго благовѣстія и этимъ точно удовлетворяетъ своей обязательной миссіи проповѣдника объ избавленіи Христовомъ, его возродившемъ и спасающемъ. Первый рисуется обучающимся и постепенно воспринимающимъ все богатство своего просвѣтителя. Для успѣха своего усердія ученикъ необходимо вынуждается къ равному обладанію всѣми благами ментора, а это возможно лишь при общеніи собствен-

Digitized by Google

VI, 7—8. наго соучастія, когда питомецъ личнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ поднимается до уровня своего воспитателя и здѣсь заимствуетъ всѣ его преимущества. Ходъ историческаго возрастанія христіанства на землѣ опредѣляется не самобытнымъ творчествомъ людей, а усвоеніемъ ими заранѣе даннаго спасенія чрезъ полномощныя посредства изъ того источника, гдѣ оно содержится всецѣло и откуда разливается по міру соотвѣтствующими каналами. Помимо этихъ путей божественное оправданіе не распространяется и не достигается. Понятно, что тутъ всего опаснѣе страшное заблужденіе, будто „Богъ поругаемъ“ (VI. 7), т. е. можетъ быть проведенъ и обойденъ въ реализаціи Его спасительныхъ плановъ и оставленъ въ нѣкоторомъ посмѣяніи, если все пріобрѣтается безъ Него своими силами и методами. Нѣтъ, — здѣсь все Божіе и получается лишь божественными способами. Въ этомъ пунктѣ господствуетъ строжайшее совпаденіе не менѣе обычнаго соотношенія, что всегда пожинаютъ именно то, что и сѣютъ. Но всякій, уклоняющійся отъ этого закона въ пожинаніи духовномъ, отвергаетъ божественныя орудія, почему долженъ утверждаться на однѣхъ своихъ способностяхъ и въ своихъ интересахъ замыкается ихъ предѣлами. Отторгаясь отъ божественнаго, онъ остается въ сферѣ тварной ограниченности, которая очерчивается рамками плотянности. Неизбѣжно, что, куда бы люди не простирались со своими усиліями, они вездѣ будутъ наталкиваться и имѣть средою приложенія только плоть, которая оказывается единственною почвой для сѣянія (VI, 8), какъ оттуда же заимствуется и его матеріалы. При этомъ безызъятномъ плотяномъ верховенствѣ жатва необходимо заимствуется отъ производящей плоти и, конечно, окажется всецѣло плотяною, потому что въ ней и сѣятель, и сѣмя, и грунтъ одинаково плотяны. Разумѣется, итогъ будетъ равнымъ и исчерпывается φθορά или объемлющимъ насъ тлѣніемъ плотянаго разложенія (Рим. VI, 21), которое не обладаетъ рессурсами для непрерывной жизненности и сопровождается погибелью вѣчной (2 Ѳессал. I, 9) въ утратѣ благъ божественнаго бытія. Напротивъ: сѣющій въ Духъ находится въ Немъ и, почерпая тамъ всѣ свои запасы, получаетъ отъ Него сообразное, т. е. жизнь не менѣе тлѣнности безусловную, не устраняемую роковою необходи-

Digitized by Google

мостію физической смерти и—значитъ—вѣчную, переходящую дальше міра нынѣшняго въ вѣкъ грядущій. Это соотвѣтствіе незыблемо увѣряетъ насъ въ совершенной благоплодности подобнаго подвига, ибо въ немъ духовная живительность увѣнчивается духовно-нескончаемою жизненностію. Такое наблюденіе само собою укрѣпляетъ въ непрестанной бодрости, чтобы въ осуществленіи натуральнаго добраго и прекраснаго мы всегда были тверды и не смущались эмпирическимъ разладомъ внѣшнихъ фактическихъ слѣдствій съ достоинствомъ нашихъ внутреннихъ влеченій (VI, 9). Это бываетъ часто, но отсюда нельзя и не должно выводить, будто при своемъ добродѣланіи (τὸ καλὸν ποιοῦντες) мы попадаемъ и бываемъ во злѣ [1]. Этотъ тяжелый диссонансъ не зависитъ отъ самого добра, которое по своей природѣ непремѣнно бываетъ благостнымъ и направляетъ къ блаженству. Съ этой принципіальной точки зрѣнія теперешній разладъ скорѣе свидѣтельствуетъ, что пока предъ нами среда не подходящая и не пригодная для адекватнаго обнаруженія, почему обязательно ожидается эпоха полнаго господства добра, когда будетъ наиточнѣйшее согласіе между идеальнымъ и дѣйствительнымъ. А что такой періодъ наступитъ,—это принудительно требуется всѣми свойствами истиннаго добра, которое не было бы самимъ собою, еслибы не достигало своего безусловнаго раскрытія во внѣшнемъ запечатлѣніи. Въ „свое ему время“ добро и будетъ безпрепятственно функціонировать со всею полнотой собственнаго обнаруженія. Въ виду этого—вмѣсто маловѣрнаго унынія—намъ нужно постараться обезпечить себѣ въ будущемъ благотворный результатъ, который бываетъ лишь непосредственнымъ и естественнымъ излученіемъ добра и натурально сообщается всѣмъ его носителямъ. Наша этическая задача должна заключаться въ достиженіи этой неразрывности съ идеаломъ, чтобы потомъ мы могли наслаждаться желанною реализаціей. Ясно, что для пріобрѣтенія людьми этого единенія съ добромъ обязателенъ достаточный промежутокъ—стремленій, напряженій и борьбы во имя надежды, но еще безъ обладанія ея сокровищами. Таковъ VI, 9.

[1] Предпочитаемъ чтеніе LTrTWH ἐν(γ)κακῶμεν (ℵABCD*), а не ἐκκακῶμεν.

Digitized by Google

VI, 10. и есть вѣкъ нынѣшній, характеризуемый больше нравственными напряженіями и нравственными испытаніями. Въ этой связи и при подобномъ озареніи морально-житейскія аномаліи и коллизіи теряютъ свою соблазняющую и удручающую остроту и пріобрѣтаютъ высокое этическое значеніе въ качествѣ предуготовительныхъ стадій, доставляющихъ и оправдывающихъ наше участіе въ вѣчномъ духовномъ пожиманіи. Если же такъ, то не будемъ ослабѣвать въ своей приверженности къ добру. Наоборотъ: по отмѣченнымъ основаніямъ, постараемся,—доколѣ есть время и пока не поздно (VI, 10),—непрерывно и прогрессивно утверждаться въ добрѣ, когда оно параллельно нашему возрастанію въ немъ будетъ сказываться во всемъ нашемъ поведеніи со свойственною благостностію. Здѣсь нѣтъ блага отвлеченнаго, потому что христіанское всегда бываетъ жизненнымъ факторомъ, неотдѣлимо отъ самой жизни христіанской и чрезъ нее запечатлѣвается въ дѣятельной практикѣ. Но понятно, что обнаруженіе по своему объему реально покрывается размѣрами воспроизводимой имъ силы и сосредоточивается въ этихъ границахъ. Потому и христіанское добродѣланіе обнимается сферою владычества своего порождающаго начала, гдѣ имѣются всѣ условія для его полнаго расцвѣта. Этотъ кругъ очерчивается вѣрой, поелику только ею водворяется въ насъ и самое добро, осуществляемое въ наличности. Естественно, что между „своими по вѣрѣ“ наша благостная активность должна функціонировать *наипаче* (μάλιστα) по сравненію съ примѣненіемъ ея ко „всѣмъ“ (VI, 10). Конечно, добро универсально и стремится ко всеобщему награжденію, не взирая на различіе въ объектахъ. Однако тутъ все направляется собственно къ тому, чтобы прежде всего привлечь другихъ въ область своего фактическаго вліянія, и лишь теперь они будутъ пользоваться, между тѣмъ какъ ранѣе только располагались къ добру затрогивавшею ихъ внутреннею его благостностію. Христіанская доброта мысли и дѣла простирается на весь міръ и желаетъ всѣмъ доставить благо, которое и проявляется надъ ними во всемъ своемъ содержаніи, когда они его примутъ и ему предадутся. Можно призывать къ вѣчному блаженству всѣхъ и каждаго и этимъ самымъ дѣлать имъ добро, но нельзя доставить въ собственность благъ царства небеснаго тому,

Digitized by Google

кто не числится даже гражданиномъ. Въ этомъ смыслѣ и Апостолъ заповѣдуетъ, чтобы христіанское добродѣланіе соотвѣтствовало своимъ устремленіемъ универсализму божественно-необъятнаго источника и въ пригодной средѣ господства вѣры обнаруживалось со всѣмъ своимъ реальнымъ богатствомъ фактическаго облагодѣтельствованія. При этомъ христіанинъ окажется неуклоннымъ въ жизненномъ воплощеніи своего идеала. Такой всегдашній и напряженный подвигъ добродѣланія непремѣнно приведетъ насъ къ желанной цѣли, при чемъ добро будетъ властвовать и всецѣло и непрестанно.

Здѣсь мы имѣемъ прямой и вѣрный путь къ небу, — и, достигнувъ этихъ вершинъ, поучающая проповѣдь апостольская получаетъ окончательное завершеніе, ибо далѣе начинается уже нравственное *пребываніе* въ *неизмѣнномъ* сохраненіи результатовъ нравственнаго *возрастанія*. Послѣднее же ограждается незыблемо въ своемъ нормальномъ развитіи, потому что состоитъ въ закрѣпленіи свойствъ Божіихъ чрезъ божественное посредство Христа и при божественномъ руководствѣ Духа. Посему въ христіанствѣ наша нравственная жизнь бываетъ отблескомъ жизни божественной и въ ней получаетъ свою непреложную опору и высочайшее освященіе. Избавленіе будетъ сопровождаться равнымъ устроеніемъ. И если первое было освобожденіемъ къ свободно-сыновней независимости, то второе столь же рѣшительно бываетъ проникнуто стихіями свободнаго сыновства и служитъ реализаціей свободныхъ прерогативъ. Нравственная практика христіанская есть осуществленіе и закрѣпленіе свободныхъ преимуществъ религіозной вѣры спасенія. Въ нравственномъ отношеніи не менѣе, чѣмъ и въ догматическомъ, ученіе св. Апостола Павла является истиннымъ благовѣстіемъ христіанской свободы, несомнѣнной въ искупленныхъ по достоинству полноправныхъ сыновъ Божіихъ, свободныхъ въ выраженіи своихъ отличій и невольныхъ при ихъ лишеніи. Въ христіанствѣ благодатно-сыновняя свобода обязательно бываетъ нравственной, а нравственная дѣятельность необходимо оказывается свободной.

Digitized by Google

Такъ догматическія предпосылки утверждаютъ собою этическія приложенія у Апостола языковъ. Въ этомъ обоснованіи морали на догматикѣ заключается спеціально-христіанское достоинство „Евангелія“ Павлова, гдѣ теоритическое воззрѣніе просто отражаетъ историческій фактъ Христова искупленія и этическое назиданіе служитъ лишь прямымъ примѣненіемъ принципіальныхъ нормъ. Отсюда аргументируется и вѣчная незыблемость проповѣди апостольской. Но она ведется при строгомъ вниманіи къ наличнымъ потребностямъ времени и удовлетворяетъ его запросамъ.

III.

Историческое значеніе посланія къ Галатамъ

этимъ уже предполагается само собою. Къ сожалѣнію, какъ неизвѣстны въ подробностяхъ ближайшія и частныя условія происхожденія разсматриваемаго писанія, точно такъ же мы не можемъ отвѣтить и на вопросъ о томъ, кѣмъ оно было передано по адресу и съ какими чувствами принято первыми его читателями. Нѣкоторые (R. Steck) категорически высказываютъ, что разбираемое посланіе осталось совершенно безплоднымъ, и ни одинъ изъ галатійскихъ сыновей Апостола не услышалъ убѣждающе-призывнаго голоса отца, если лично благовѣстникъ удалился изъ этой страны послѣ вторичнаго посѣщенія съ горестнымъ чувствомъ разочарованія и мрачною безнадежностію, близкою къ отчаянію, а потомъ вскорѣ произошло измѣнническое отпаденіе. Все это преувеличено и краски сгущены вопреки подлиннымъ переливамъ свѣта и тѣней. Напротивъ св. Павелъ покинулъ Галатію съ достаточною увѣренностію насчетъ ея христіанскаго развитія, поскольку безъ этого было бы странно удивляться по поводу іудаистическаго увлеченія Галатовъ, разъ эта катастрофа предусматривалась заранѣе и не могла быть неожиданностію. Въ свою очередь и возобладаніе іудействующихъ созидалось собственно подъ прикрытіемъ и во имя Павлова авторитета,—яко бы частію исправляется и частію улучшается дѣло апостольское. Естественно, что Галатійцы, вѣря подлогу р а д и оригинала, тѣмъ болѣе должны

Digitized by Google

были внимать и повиноваться послѣднему. И мы знаемъ, что самому св. Павлу они были послушны, почему покорились и письменному вразумленію. Мы скорѣе въ правѣ думать, что — подобно Коринѳу — и въ Галатіи успѣхъ увѣнчалъ мужественныя усилія великаго миссіонера въ его аргументаціи — фактически незыблемой, логически строгой, дышущей отеческою лаской ободренія и милости даже въ самой бурной стремительности и грамматической порывистости языка, не всегда выдерживающаго корректность и сбивающагося на иной строй (въ „анаколуѳахъ", напр., II, 4. 5).

Однако нельзя извлекать чего-либо несомнѣннаго и изъ словъ счастливаго упованія, что читатели „не будутъ мыслить иначе" (v, 10), поелику это говорится по принципу долженствованія и служитъ отраженіемъ любви, всему доброму вѣру емлющей. Во всякомъ случаѣ вся эта область скрывается отъ нашего взора вмѣстѣ съ посланіемъ. Случайное упоминаніе во 2 Тим. IV, 10 о миссіи Крискента въ Галатію [Δημᾶς .. ἐπορεύθη εἰς Θεσσαλονίκην· Κρήσκης εἰς Γαλατίαν — Γαλλίαν, Τίτος εἰς Δα(ε)λματίαν] могло бы внушать, что связи съ нею Апостола не прекращались до конца жизни, но данное свидѣтельство не совсѣмъ ясно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, не вполнѣ устойчивъ самый текстъ, и одни (Westcott & Hort и Nestle съ ADEFGKL) принимаютъ (εἰς) Γαλατίαν, другіе (Tregelles на полѣ, Tischendorf, Базельское изданіе 1880 г. съ ℵC) удерживаютъ (εἰς) Γαλλίαν Затѣмъ, дозволительно колебаніе касательно географическаго значенія употребленныхъ терминовъ. Еще древніе экзегеты первый изъ нихъ прямо пріурочивали къ Галліи (Ѳеодоръ мопсуэстійскій и Ѳеодоритъ киррскій) или допускали лишь второй (Евсевій кесарійскій), для котораго категорически отрицалось сходное распространеніе его и на Галатію (Епифаній кипрскій). Въ подрывъ чтенія Γαλατίαν ссылаются (W. M. Ramsay), что другое едва ли могло вытѣснить его столь рано, поелику Γαλλία и Γάλλοι впервые встрѣчаются на греческомъ языкѣ [у философа Епиктета въ I-мъ в. по р. Хр. или — точнѣе — у его ученика Арріана во II-мъ в. въ Dissert. II, 20: 17] не ранѣе 100-го г. и лишь Страбонъ († ок. 24 г. по р. Хр.) употребляетъ въ такомъ смыслѣ Γαλλικόν, а отчетливое различеніе Галатіи малоазійской и Галліи европейской чрезъ Γαλατία и Γαλλία

Digitized by Google

засвидѣтельствовано намъ въ греческой письменности только со времени историка Ге(И)родіана † ок. 240). Не нужно еще забывать о географической растяжимости понятій Γαλατία и Γαλάται, которыми у греческихъ писателей I—III-го христіанскихъ вѣковъ захватывалась и Галлія (Діодоръ сиц., Страбонъ, Іосифъ Флавій, Плутархъ, Аппіанъ, Павзаній, Діонъ Кассій, Атеней и др.) [1]. Поэтому нельзя рѣшительно исключать послѣднюю, ибо гипотеза о приверженности Апостола къ оффиціально-римской терминологіи (W. M. Ramsay) субъективна и колеблется не менѣе компетентными сужденіями о греческомъ складѣ его мышленія и рѣчи (Edw. Hicks). Тимоѳей же, конечно, не могъ ошибиться, имѣя удобства разузнать отъ передатчика. Связь съ Далматіей и близость къ Риму собственно Галліи больше располагаютъ разумѣть вторую, хотя бы традиціи Віенны (во Франціи къ югу отъ Ліона) и Майенса (Маинца на Рейнѣ) о насажденіи въ нихъ христіанства Крискентомъ не обладали историческою прочностію и сами созидались на анализизируемой новозавѣтной замѣткѣ, которая позднѣйшими читателями легко истолковывалась въ пользу европейской провинціи, искавшей для своихъ церквей апостольскаго обоснованія, откуда естественно и поясненіе Γαλλίαν, устранившее потомъ первоначальнее Γαλατίαν. Но если даже и примѣнять 2 Тим. IV, 10 къ Галатіи подвиговъ Павловыхъ, это будетъ единственный слѣдъ ея за весь вѣкъ апостольскій. Память ея вновь воскресаетъ предъ нами около 192 г. по связи съ монтантистическими движеніями, проникавшими въ Анкиру (Евс. Ц. И. V, 16:4), а при Діоклетіановскихъ гоненіяхъ этотъ городъ запечатлѣлъ свою христіанскую зрѣлость цѣлымъ сонмомъ мучениковъ. Однако на анкирскомъ соборѣ (314 г.) были всего два галатійскіе епископа — мѣстный и юліопольскій, хотя для позднѣйшаго періода (съ IV-го в.) удостовѣрена наличность многихъ епископій въ обѣихъ частяхъ, образованныхъ при Ѳеодосіѣ в. (около 386—395 г.), — въ Galatia prima (magna) s. proconsu-

[1] Впрочемъ, въ сивиллинныхъ оракулахъ подъ Γαλάται, несомнѣнно, разумѣются наши Галаты (III, 485. 509. 599), упоминаемыя подлѣ Лидянъ и Памфилійцевъ съ Писидійцами (V. 340); см. Die Oracula Sibyllina bearbeitet von Dr. *Joh. Geffcken* въ изданіи берлинской Академіи наукъ (Lpzg 1902), p. 73. 74. 79. 121.

Digitized by Google

laris съ г. Анкирой и въ Galatia secunda (parva) s. salutaris съ г. Пессиномъ. Тѣмъ не менѣе Галатія не выступала съ широкою и видною вліятельностію въ христіанской исторіи, въ византійскую эпоху опустошалась арабами и персами, была въ рукахъ сельджукскихъ турокъ, короткое время переходила къ латынамъ, порабощалась татарами и, наконецъ, при Сулейманѣ захвачена была османскими турками, во владѣніе коихъ остается доселѣ.

Такимъ образомъ, мы не въ состояніи исторически прослѣдить непосредственное вліяніе посланія къ Галатамъ, но тѣмъ самымъ оно отрѣшается отъ своего узкаго частнаго предназначенія и пріобрѣтаетъ широкое достоинство документа, который—независимо отъ своей ближайшей цѣли—рѣшаетъ общеисторическую задачу и способствуетъ нормальному теченію всего христіанства. Въ этомъ отношеніи высокая важность даннаго апостольскаго писанія достаточно очевидна и обнаруживается съ полною ясностію. Въ немъ благовѣстникъ стремится и хочетъ раскрыть условія и способы достиженія того идеала святости, какой начертанъ и осуществленъ Господомъ Искупителемъ и обязателенъ для всѣхъ Его исповѣдниковъ. Здѣсь самъ собою и съ крайнею остротой нераспутанной еще исторической коллизіи выдвигался принципіально-догматическій вопросъ о точнѣйшихъ отношеніяхъ домостроительства ветхаго къ новому, ибо оба они обладаютъ божественною санкціей и ведутъ къ единой цѣли—совершеннаго человѣческаго спасенія. Двѣ равныя силы на общемъ пути и въ одномъ направленіи необходимо сталкиваются и переплетаются между собою, входя въ самыя многоразличныя сочетанія, пока не примирены взаимно. До тѣхъ поръ недоумѣнія по этому предмету были требованіемъ самаго факта и дѣла, а не просто заблуждающейся и упорствующей мысли іудаистовъ. Было бы всяческою неправдой думать, будто іудействующіе агитаторы руководились исключительно низменными побужденіями зазорнаго свойства и не имѣли серьезныхъ религіозно-моральныхъ мотивовъ. Напротивъ: они тоже искали праведности Божіей и боролись именно за нее, когда рекомендовали въ этихъ интересахъ удерживать и старыя средства. Поелику же новыя съ нимъ не согласовались и

Digitized by Google

VI, 12. ихъ вытѣсняли, отсюда возникало тяжелое осложненіе самаго тревожнаго характера. До своего устраненія оно было болѣзненнымъ и сокрушительнымъ бременемъ мятущейся совѣсти даже у крайнихъ іудействующихъ соглядатаевъ, которые не находили себѣ успокоительнаго исхода и мучились душевно. Объ этомъ говоритъ съ убѣдительностію и анализируемое посланіе. Въ немъ Апостолъ Павелъ категорически свидѣтельствуетъ (VI, 12), что „желающіе похвалиться по плоти принуждаютъ Галатовъ обрѣзаться, чтобы не быть гонимыми крестомъ Христовымъ“ (οὗτοι ἀναγκάζουσιν ὑμᾶς περιτέμνεσθαι, μόνον ἵνα [μὴ] τῷ σταυρῷ τοῦ Χριστοῦ [+ WH Ἰησοῦ] [μὴ] διώκωνται—διώκονται). Иногда комментируютъ эти слова въ примѣненіи къ внѣшнимъ преслѣдованіямъ. Допускается, что своею ревностію въ пользу возложенія на эллинохристіанъ чрезъ обрѣзаніе іудействующіе лжебратья являлись двигателями національной пропаганды, снискивали благоволеніе невѣрующихъ соплеменниковъ и избавлялись отъ іудейскихъ нападеній, а обрѣзанные приближались къ іудейству и наряду съ нимъ пріобрѣтали легальность religionis licitae въ глазахъ языческой власти (Val. Weber). Все это до крайности спорно и, пожалуй, прямо фантастично. Что до второго пункта, то о немъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи въ апостольскомъ текстѣ, гдѣ трактуется единственно объ іудаистическихъ потаенныхъ вожделѣніяхъ, при чемъ языческое правительство, — снисходя пренебрежительно къ исконной религіозной практикѣ обрѣзанія природныхъ іудеевъ и терпя ее въ обращенныхъ [1],—ради этого запечатлѣнія, вовсе не склонно было простирать равную принципіальную терпимость на прозелитовъ, для которыхъ понадобилось бы допустить національное перерожденіе, какого не признавала вполнѣ даже сама іудейская догматика. Римское язычество дозволяло лишь іудейскій культъ, но едва ли христіанство при сохраненіи обрѣзанія для своихъ языческихъ сочленовъ уравнялось бы съ послѣднимъ по іудейскому сужденію [2]. Исторія свидѣтельствуетъ совсѣмъ

[1] Только Адріанъ воспретилъ распространеніе обрѣзанія на неіудеевъ, приравнявъ его къ кастрированію, а ранѣе оно—по крайней мѣрѣ—попускалось: см. и *Theodor Mommsen*, Römisches Strafrecht (Lpzg, 1899), S. 638—639.

[2] Примѣромъ сего можетъ служить, что свобода іудейства отъ уча-

Digitized by Google

противное, какъ и фактически компромиссъ разрѣшался тѣмъ, что сами іудео-христіане либо снова поглощались іудействомъ либо совсѣмъ утрачивали іудейскій обликъ и не могли выдержать равновѣсія хотя бы въ формахъ сектантства. Этимъ колеблется и первая догадка, разъ мы усматриваемъ, что христіанство, понимавшее свою оригинальность, всегда было гибельнымъ ренегатствомъ для іудейской ортодоксіи и не спасалось отъ ея лютости іудейскими религіозными обрядами. Для иллюстраціи довольно напомнить только о судьбѣ обрѣзаннаго Апостола языковъ и о страданіяхъ его отъ іудейскаго фанатизма. Іудаисты не въ правѣ были ожидать лучшей участи за свое перитемническое усердіе. При этомъ и собственно гоненія были внѣ іудейской компетенціи. Въ апостольскій вѣкъ они, конечно, бывали часто и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ римской имперіи, однако не имѣли тѣни формальной корректности (ср. Дѣян. XVIII, 12 сл. XIX, 40) и намѣренно оправдывались предъ римскимъ начальствомъ *не* религіозными побужденіями (Дѣян. XVII, 6. 7). Наконецъ, іудействующимъ гораздо проще было бы обезпечить себѣ спокойствіе и неприкосновенность отъ іудейскихъ притѣсненій прекращеніемъ своей христіанско-миссіонерской дѣятельности, которая яко бы ихъ дискредитировала въ іудейскихъ кругахъ и вызывала іудейскую подозрительность. Грамматическое строеніе апостольской фразы тоже не благопріятствуетъ анализируемому толкованію, поелику въ ней крестъ рисуется самымъ орудіемъ разумѣемаго гоненія (τῷ σταυρῷ dativus instrumentalis), а не его причиной и поводомъ (διά съ accusativ. и genitiv.). Говорится: крестомъ, но *не* „чрезъ крестъ“ или „изъ-за креста“. Видимо, что гонитъ въ данномъ случаѣ именно послѣдній, и для устраненія его давленія принимаются всѣ мѣры. Съ этой точки зрѣнія удовлетворительно разрѣшается вся загадка. Если крестъ гнететъ, то ясно, что онъ обладаетъ санкціонированнымъ мною господствомъ и не отвергается, когда исчезало бы и унич- VI, 12.

стія въ культѣ императоровъ совсѣмъ не простиралась на христіанство, хотя сначала римское правительство едва ли точно различало послѣднее отъ перваго: см. *E. Schürer*, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi III³ (Lpzg 1898), S. 74.

Digitized by Google

V, 11. тожалось все нагнетательное крестное вліяніе. Незыблемо, что для іудаистическихъ зилотовъ крестъ не былъ постороннимъ и чуждымъ. Наоборотъ: онъ близокъ и дорогъ имъ и этимъ самымъ вызываетъ гонительство душевной муки. Постигнуть это не хитро. Крестъ берется, конечно, въ Павловомъ освѣщеніи въ качествѣ единственнаго способа искупленія, гдѣ не допускаетъ наравнѣ съ собою ничего подлѣ, кромѣ и сверхъ себя. Здѣсь и заключалось искушеніе для іудаистической религіозной политики. Что̀ Іисусъ Христосъ есть Мессія,—это нормально и согласно съ идеей Искупителя, почему въ этомъ достоинствѣ іудаисты всегда были готовы исповѣдать Господа, подобно Его современникамъ, желавшимъ даже провозгласить Іисуса царемъ іудейскимъ. Но что̀ средство нашего спасенія столь позорно и что оно до такой степени безъизъятно, — съ этимъ безусловно не мирилась мнительная іудейская совѣсть. Религіозный интересъ раздвояется, — и въ сердцѣ происходитъ болѣзненный раздоръ живой симпатіи и инстинктивнаго протеста по отношенію къ кресту Христову. Душа разомъ и влечется и отталкивается одинаково энергично, ибо желаетъ стать христіанскою и въ тоже время сохранить важнѣйшее изъ прежняго іудейства. Въ этой коллизіи было все затрудненіе. Поэтому и крестъ потерялъ бы искусительность всеустрояющаго универсализма, коль скоро вмѣстѣ съ нимъ будетъ примѣняться другой оправдательный пріемъ. И св. Павелъ свидѣтельствуетъ, что при допущеніи обрѣзанія крестная блазненность уничтожалась и онъ избавлялся бы отъ непрерывныхъ гоненій со стороны іудаизма (V. 11), а этотъ могъ снять съ Апостола свою анаѳему лишь при убѣжденіи, что у него крестъ не оттѣсняетъ совершенно законническихъ методовъ и не имѣетъ абсолютной исключительности. Такого компромисса для благовѣстника не было и не принималось, почему крестъ Христовъ прямо угнеталъ іудаистовъ своею всеобдержностію, ибо еще не былъ приведенъ во внутреннюю солидарность съ ихъ доктринальною предзанятостію. Естественно, что іудействующіе, не желая ни отказаться отъ своихъ іудейскихъ пристрастій, ни порвать всякія связи съ христіанствомъ, пытались ослабить бремя этого тягостнаго столкновенія, служившаго преткновеніемъ для мир-

Digitized by Google

наго религіознаго развитія. По самому положенію вещей неизбѣжно, что при взаимной противности обѣихъ величинъ это стремленіе осуществлялось не иначе, какъ дипломатическимъ путемъ чрезъ водвореніе такого порядка, чтобы наружно казалось, что старое не нарушено въ своихъ прерогативахъ и новое не поглощаетъ ихъ съ соблазнительною пренебрежительностію. Отсюда натуральны и іудаистическія усилія сгладить крестную раздражительность чрезъ утвержденіе практики обрѣзанія въ собственной области креста Христова, который внѣшне лишался универсалистической единичности. Все это должно было способствовать іудаистическому самовосхваленію насчетъ перитемнической покорности язычниковъ (VI, 12. 13)—въ счастливомъ упованіи, что препятствіе препобѣждено и крестное смущеніе упразднилось. По намѣреніямъ искреннихъ іудаистовъ тутъ не было догматической подкладки въ мысли о принципіальной и обязательной значимости обрѣзанія въ качествѣ преддверія къ цѣлостной оправдательной системѣ номизма, поелику и сами они не соблюдали закона (VI, 13) въ такомъ достоинствѣ. VI, 12—13.

Мы видимъ теперь, что точное опредѣленіе истиннаго взаимоотношенія между домостроительствомъ законническимъ и благодатнымъ было жгучимъ вопросомъ живой христіанской исторіи [1]. Отъ извѣстнаго рѣшенія этой задачи зависѣла судьба всего дальнѣйшаго христіанскаго теченія. Разъ мы согласимся на іудаистическую сдѣлку, въ результатѣ у насъ получится, что новозавѣтное избавленіе само по себѣ не достаточно и нуждается въ дополнительныхъ опорахъ, не менѣе потребныхъ для законченности спасенія. Отсюда вышло бы реформированное іудейство, которое не

---

[1] По этимъ разъясненіямъ нашимъ ясно, насколько несправедливы заявленія, будто, увлекаясь полемикой, Апостолъ Павелъ допускалъ рѣзкости опрометчивыхъ преувеличеній въ своихъ уничижительныхъ сужденіяхъ насчетъ закона (см. *Henry St. John Thackeray*, The Relation of St. Paul to Contemporary Jewish Thought, London 1900, p. и 78 ср. Rev *Robert J. Drummond*, The Relation of Apostolic Teaching to the Teaching of Christ, Edinburgh [1]1900, p. 364), платилъ іудействующимъ агитаторамъ равною монетой (Prof. *Ernst von Dobschütz*, Die urchristlichen Gemeinden sittenges chichtliche Bilder, Lpzg 1902. S. 118) и здѣсь не освободился отъ фарисейскаго фанатизма (S. 116).

Digitized by Google

II, 9. постигаетъ самой сущности Христова искупленія, не обладаетъ имъ и не сообщаетъ его никому. Ясно, что христіанство этимъ лишалось своей живительности и обрекалось на неизбѣжное исчезновеніе, какое и постигло всѣ іудеохристіанскія секты.

По сказанному открывается отчетливо вся историческая важность разсматриваемаго кризиса по связи съ дальнѣйшимъ христіанскимъ прогрессомъ. Однако фактическое осложненіе нельзя и не должно преувеличивать гипотезой, будто данная коллизія удерживала всю свою роковую остроту іудаистическаго пошиба и для ума „преднихъ“ Апостоловъ, яко бы склонявшихся къ ветхому при господствѣ новаго. Эта теоретически-предзанятая догадка понынѣ пользуется большими симпатіями въ раціональной экзегетикѣ, стремящейся къ чисто раціональному истолкованію христіанства изъ обычныхъ историческихъ факторовъ, но подобное воззрѣніе не имѣетъ серьезныхъ основаній въ анализируемомъ посланіи. Мы знаемъ, что св. Павелъ самое свое апостольство ограждалъ отъ возраженій и подозрѣній именно своимъ тожествомъ съ благовѣстниками и самовидцами [1], а этого не случилось бы при ихъ іудаистическихъ тяготѣніяхъ, которыя,—судя по столкновенію съ Петромъ въ Антіохіи,—эллинскій миссіонеръ умѣлъ громить въ „знаменитѣйшихъ“ не менѣе смѣло и безпощадно, чѣмъ въ іудействующихъ шпіонахъ. Вся личная апологетика Павлова съ неотразимостію убѣждаетъ, что, приравнивая себя къ „преднимъ“, Апостолъ языковъ и ихъ приближаетъ къ себѣ до полнаго сліянія по авторитетности званія или считаетъ ихъ безусловно солидарными съ собою догматически, хотя бы у нихъ сфера и способы оглашенія были нѣсколько иныя. Поэтому св. Павелъ категорически называетъ (II, 9) ихъ „столпами“ Церкви, при чемъ эпитетъ *мниміи* (οἱ δοκοῦντες στόλοι εἶναι) гласитъ, что таково было общее мнѣніе, и самъ писатель принимаетъ его вполнѣ (св. Іоаннъ Златоустъ). Изъемлются лишь фальшивыя іудаистическія перетолкованія въ ту сторону, что тѣлесное лицезрѣніе Спасителя доставляетъ особыя привилегіи верховенства, чуть не конкурирующаго съ главенствомъ Христовымъ въ царствѣ Божіемъ, если апостоль-

[1] Ср. еще, напр., 1 Кор. VII, 40: «мнюся и азъ Духа Божія имѣти».

Digitized by Google

ская полномощность возводится къ ихъ санкціонирующему посредству. Это отвергали и они сами въ духѣ Павловомъ, ибо не нашли здѣсь опоры для властнаго „привозложенія“ къ тому, что̀ совершалось св. Павломъ въ силу его независимаго апостольства. Поэтому „предніе“ были неповинны и въ іудаистической агитаціи. Правда, въ посланіи свидѣтельствуется (II, 3), что *ни Титъ... нужденъ бысть обрѣзатися* (οὐδὲ Τίτος... ἠναγκάσθη περιτμηθῆναι). Этимъ необходимо предполагается возможность принудительнаго давленія, а при своемъ высокомъ апостольскомъ самосознаніи эллинскій благовѣстникъ не потерпѣлъ бы его ни отъ кого кромѣ іерусалимскихъ вождей, поелику іудействующіе соглядатаи не обладали въ глазахъ Павловыхъ и тѣнью подобной авторитетности. „Предніе“ рисуются поборниками обрѣзанія, но таковыми они являлись единственно по ожиданіямъ и соображеніямъ іудаистовъ. Послѣдніе разсчитывали на гнетущую поддержку „столповъ“ въ своихъ проискахъ и однако горько ошиблись, потому что — вопреки ихъ упованіямъ—желательнаго принужденія не было [1]. Результатъ получился обратный іудаистическимъ вожделѣніямъ и согласный съ принципами Павловыми. „Знаменитѣйшіе“ были солидарны съ просвѣтителемъ язычества и по существу противны іудаистическимъ нормамъ. И если *нѣціи отъ Іакова* (II, 12) были въ родствѣ съ іудействующими лжебратіями и ссылались въ свое подкрѣпленіе на іерусалимскаго предстоятеля,—это было просто злоупотребленіемъ недоразумѣнія или коварства. Сообразно сему и другіе аналогичные случаи мы обязаны соизмѣрять масштабомъ, даннымъ въ письмѣ апостольскаго собора къ Антіохійцамъ (Дѣян. xv, 24): „нѣкоторые, *вышедшіе отъ насъ*, смутили васъ

II, 3.

[1] Для спасенія своихъ построеній критики (*Semler*, *Griesbach*, *Koppe*, *Dav. Schultz*, *Farrar*, *Klostermann*, *Naber*, *Voelter*, *Joh. Weiss;* изъ древнихъ см. Iren. *lat.*, Tertull., Victor, Ambrosiast.) готовы даже прямо вычеркнуть οἷς οὐδέ въ Гал. II, 5, но документальныхъ основаній для этого имѣется теперь (только въ d при D—Claromontanus, [греко]латинск., въ Парижской Національной Б—кѣ gr. № 107, прежде 2245, VI-го вѣка [см. у Prof. *Friedrich Zimmer*, Der Galaterbrief im altlateinischen Text, S. 19] и въ курсивахъ) не болѣе, чѣмъ во времена блаж. Іеронима, который энергически опровергалъ подобное чтеніе. Не менѣе того произвольно допускать, будто насчетъ обрѣзанія Тита «предніе» давали совѣтъ св. Павлу (*C. v. Weizsäcker*).

Digitized by Google

своими рѣчами..., что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, *но этого мы имъ не поручали*". При такой взаимности внутренней гармоніи въ догматическихъ созерцаніяхъ, „предніе" на іерусалимской конференціи открыто признали во св. Павлѣ равночестнаго собрата по апостольству и богопосланнаго сотрудника по благовѣстничеству. Поэтому и раздѣленіе между ними миссіонерскихъ сферъ (II, 9) покоилось на безспорномъ тожествѣ достоинства и проповѣди. Все сосредоточивалось на интересахъ обезпеченія наилучшихъ успѣховъ евангелизаціи, ради которой былъ избранъ временный методъ разнаго примѣненія общей силы къ различнымъ средамъ. При всемъ томъ источникъ и цѣль были одинаковы, такъ что въ дальнѣйшемъ теченіи оба потока имѣли слиться въ единомъ океанѣ согласно вѣрующихъ во Христа и равно оправданныхъ. Съ этой точки зрѣнія все дѣло мѣтко охарактеризовано еще у Тертулліана прекрасными словами строгой юридической точности: inter se distributionem officii ordinaverunt, non separationem Evangelii; nec ut *aliud* alter, sed ut *aliis* alter predicarent [1]. Въ свою очередь и эпизодъ съ Петромъ въ Антіохіи скорѣе наглядно иллюстрируетъ это тѣсное принципіальное содружество, ибо тутъ было лишь случайное *лицемѣріе* несоотвѣтствія внѣшняго обнаруженія внутреннему настроенію, которое этимъ самымъ свидѣтельствуется въ своей догматической несомнѣнности, всегда исповѣдывавшейся Апостоломъ языковъ [2].

Мы не находимъ раздора у св. Павла и самовидцевъ Господнихъ, но—и помимо этихъ извращающихъ преувеличеній—взятый историческій моментъ былъ знаменателенъ самъ по себѣ, поелику съ него могло пойти пагубное раздвоеніе въ христіанскомъ теченіи съ опасностію, что послѣднее совсѣмъ затеряется и изсякнетъ. Понятно теперь, насколько дорогъ и апостольскій отвѣтъ на эти глубокіе

---

[1] De praescript. cap. 23 ap. Migne, lat. ser. t. II, col. 36: Апостолы «учредили между собою распредѣленіе (обязанностей) по должности (въ ея отправленіи), а не раздѣленіе въ самомъ Евангеліи, и при томъ не такъ, чтобы каждый (изъ членовъ двухъ сторонъ) проповѣдывалъ *иное* (содержаніе), но (лишь) *другимъ*» (лицамъ).

[2] Ср. *Tertull.* De praescript. cap. 23. 29 ap. Migne lat. II, col. 35. 41.

Digitized by Google

запросы. Въ этомъ смыслѣ самъ св. Павелъ замѣтно оттѣняетъ и нарочито удостовѣряетъ необыкновенное значеніе своего посланія, когда говоритъ, что писалъ большими буквами (πηλίκοις γράμμασιν), т. е. крупно, не быстро и съ трудомъ, однако же начерталъ его собственноручно (VI, 11) все—съ начала до конца. Благовѣстникъ—вопреки обычной практикѣ—не потяготился этою тяжелой и утомительной механической работой,—разумѣется, не безъ достаточной причины, какою представляется единственно лишь особенная важность обсуждаемаго предмета, который потребовалъ всего напряженія апостольскаго вниманія, при чемъ выражалось и отеческое расположеніе къ Галатамъ. И мы нашли, что разсматриваемая задача была неразрѣшеннымъ пока сомнѣніемъ самой христіанской исторіи. Писатель и разбираетъ это затрудненіе въ принципіальной сущности, чтобы устранить навсегда съ христіанскаго пути. Рѣчь идетъ о полученіи правды въ достиженіи фактической личной праведности, — и здѣсь изъявляетъ мотивированное притязаніе на активное соучастіе въ этомъ процессѣ законъ Моисеевъ, но фактически онъ безсиленъ доставить истинное оправданіе. Наоборотъ, пламенное усердіе даже самыхъ ревностныхъ его служителей увѣнчивается клятвой (III, 10), ибо потребныхъ дѣлъ нельзя по правдѣ выполнить человѣку неоправданному (II, 16), который неизбѣжно подпадаетъ юридическому возмездію (III, 12) проклятія за всякую неисправность, хотя добивался вознагражденія. Мало сказать, что въ царствѣ благодати законъ не нуженъ для спасенія, разъ послѣднее и начинается осуществляться реально лишь съ момента его упраздненія во Христѣ (III, 13. 14). И это не оскорбленіе законнической святости, а простое констатированіе опытно добытаго факта (II, 16), свидѣтельствующаго о томъ, что по самой своей природѣ законъ былъ привзошедшимъ и временно-приспособительнымъ орудіемъ божественнаго промышленія (III, 17 сл.) ради осуществленія исконнаго обѣтованія, необходимо устраняющаго его своимъ историческимъ явленіемъ. По этому соотношенію неоспоримо, что при самомъ упраздненіи законническій институтъ находитъ высшее и наилучшее раскрытіе согласно своему спеціальному достоинству, поелику въ Господѣ Искупителѣ дѣйствительно пріобрѣтаются VI, 11.

Digitized by Google

„гонимыя“ закономъ блага религіозной правды и нравственной чистоты по вѣрѣ во Христа. Не менѣе сего обезпечивается и нормальное праведное процвѣтаніе, поскольку органически-таинственнымъ единеніемъ съ Сыномъ Божіимъ закрѣпляются за нами преимущества богосыновства, которое при неразрывности съ источникомъ охраняется въ совершенной цѣлостности божественнымъ Духомъ Святымъ. При этомъ законничество освобождало свое мѣсто не съ сокрушеніемъ враждебности и не съ отчаяніемъ озлобленія, а съ радостнымъ удовлетвореніемъ благословеннаго отпуска, потому что очи его уже видѣли спасеніе свое, бывшее конечною цѣлію всѣхъ законническихъ влеченій.

Такъ при опасномъ историческомъ кризисѣ было приведено въ гармоническое равновѣсіе св. Павломъ болѣзненное шатаніе смятенной совѣсти и ей данъ отнынѣ твердый догматическій устой. И этотъ успѣхъ тѣмъ незыблемѣе и плодотворнѣе, что Апостолъ не оставляетъ ни простора, ни опоры для колебаній, сообщающихъ роковую зыбкость всѣмъ результатамъ. Благовѣстникъ чуждъ недомолвокъ и исключаетъ всякія уловки человѣческой изворотливости. Все построено по контрасту „либо да либо нѣтъ“ и ничто третье. Единственно при поглощеніи закона благодатію водворяется на землѣ и расцвѣтаетъ въ людяхъ истинная правда Божія, и тутъ безусловно недозволительна самомалѣйшая совмѣстность обоихъ этихъ методовъ. Тогда получались бы двѣ равнодѣйственныя по претензіямъ оправдательныя системы, а для всѣхъ понятно, что вѣрною можетъ быть лишь одна. Поэтому св. Павелъ каждаго направляетъ къ рѣшительному выбору между двумя крайностями: или іудействованіе съ невознаградимымъ пожертвованіемъ христіанской свободы, или чистое христіанство безъ всякой тѣни номизма. Апостолъ языковъ и показалъ съ неотразимостію, что первый способъ невозможенъ и ненормаленъ по внутреннему смыслу закона, который переставалъ быть тормазомъ христіанскаго прогресса, коль скоро самъ обезпечивалъ вседержавность безпримѣсныхъ благодатныхъ началъ. Въ этомъ и величайшая цѣнность посланія къ Галатамъ, что оно въ корнѣ парализуетъ грозу іудаистическихъ осложненій и на вѣки избавляетъ Церковь отъ рокового хроманія между старымъ и новымъ. Но и это не все. Дѣй-

Digitized by Google

ствіе аргументаціи Павловой не было бы безусловнымъ и гарантированнымъ окончательно, еслибы для собственной христіанской жизни въ ея независимости не укрѣплялось самобытнаго развитія своими средствами и изъ самой себя. Только чрезъ это пріобрѣталась самодостаточность, не нуждающаяся въ пособіяхъ и помощникахъ. Въ данномъ пунктѣ Апостолъ идетъ съ обычною прямолинейностію и не менѣе прочно обосновываетъ христіанскую истину изъ самаго ея существа, ограждая безупречность практическаго обнаруженія, поелику вѣчнымъ источникомъ его бытія оказывается Христосъ Искупитель, а неизмѣннымъ руководителемъ служитъ Духъ Святый, почему христіанское богосыновство всегда сохраняется въ своей божественной неприкосновенности и неповрежденности. Бѣда отвращалась не только фактически, но и въ смыслѣ возможности, т. е. принципіально и на всѣ времена. Чрезъ это — при тяжеломъ переломѣ слагающейся христіанской исторіи—былъ предуготовленъ благопріятный исходъ въ настоящемъ и начертывался для будущаго вѣрный путь безпрепятственнаго восхожденія отъ силы въ силу къ славѣ царства Божія. И заслуга Апостола языковъ тѣмъ выше и несомнѣннѣе, что все покоится на фактически безспорныхъ данныхъ и непосредственно извлекается изъ нихъ въ качествѣ необходимыхъ и обязательныхъ свойствъ предмета. Здѣсь счастливый результатъ достигается не личною геніальностію творческаго духа апостольскаго, когда онъ былъ бы узкимъ и непрочнымъ именно по своимъ индивидуальнымъ преимуществамъ, будучи субъективнымъ созданіемъ, достоинство котораго соизмѣряется человѣческою ограниченностію и потому не бываетъ абсолютнымъ. Въ нашемъ примѣрѣ находимъ совсѣмъ иное: тутъ все пріобрѣтается глубокимъ и объективно незыблемымъ проникновеніемъ богопросвѣщеннаго сознанія апостольскаго въ содержаніе обсуждаемаго предмета, при чемъ послѣдній раскрывается во всей цѣлостности и со всею божественною авторитетностію подлиннаго историческаго событія. Это вовсе не Павлово христіанство или благовѣстіе, а опознанное и возвѣщаемое св. Павломъ Евангеліе Христово во всей его живительности и дѣйственности.

Digitized by Google

Такъ устранялись неотложныя и тревожныя недоумѣнія эпохи, и этимъ утверждалось мирное церковное строительство во вселенной. Принципіально-теоретическое прямо вело къ активно-практическому. Прежде всего это должно было сказаться на самомъ Апостолѣ въ точнѣйшемъ оправданіи своей вѣры. Въ своемъ догматическомъ рѣшеніи онъ совершенно покончилъ съ разобранными затрудненіями, которыя потеряли для него раздражающую остроту исторической нужды и не мѣшали невозмутимому созерцанію и примѣненію всячески огражденной истины. Въ дальнѣйшемъ ему уже не приходилось преодолѣвать побѣжденное, и св. Павелъ могъ спокойно исполнять свою спасительную миссію, не развлекаясь борьбою съ врагомъ сокрушеннымъ и съ сомнѣніемъ осужденнымъ. Столь благопріятное теченіе обезпечивалось для него и незыблемостію личнаго достоинства. Онъ не просто владѣетъ непререкаемымъ благовѣстіемъ Христовымъ, но при этомъ имѣетъ и всѣ божественныя права на всемірное проповѣданіе, которое доселѣ сильно тормозилось въ своемъ поступательномъ движеніи, ибо апостольство Павлово было въ большомъ подозрѣніи для многихъ и многихъ. Теперь и эта преграда рушится безповоротно, разъ апостольскія прерогативы обосновываются не менѣе прочно своимъ божественнымъ происхожденіемъ и характеромъ, внѣ зависимости отъ всякихъ временныхъ и условныхъ вліяній,—даже со стороны „прежнихъ“ [1],—и пріобрѣтаютъ свойство непогрѣшительности. Засвидѣтельствованное въ такомъ своемъ качествѣ,—апостольское званіе должно было развертываться во всей широтѣ на евангельскомъ миссіонерскомъ поприщѣ, поелику

---

[1] Въ этомъ отношеніи было крайне неожиданно даже въ русской спеціальной богословской литературѣ встрѣтить рѣшительное заявленіе, будто «органомъ благодати Святаго Духа, въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ и въ своихъ посланіяхъ, выступаетъ еще ап. Павелъ, но *органомъ, вѣроятно, производнымъ, возведеннымъ на эту степень* или во время своего перваго свиданія съ апостолами въ Іерусалимѣ (Дѣян. ix, 27; Гал. i, 18. 19), или въ Антіохіи, когда Духъ Святый сказалъ о немъ и Варнавѣ: „отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ“ (Дѣян. xiii, 2)», при чемъ второй въ данномъ случаѣ совершенно приравнивается къ первому. См. въ журналѣ «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1902 г., № 4, стр. 506, у проф. *М. Ф. Ястребова* въ «Чтеніи» его: «Что̀ такое Церковь?».

Digitized by Google

не нуждалось болѣе въ защитѣ и избавляло своего носителя отъ удручительной обязанности личной апологетики и полемики, надѣляя Апостола неуязвимою невозмутимостію внутренняго самосознанія и внѣшняго самообладанія. Естественно, что св. Павелъ и отвергаетъ (VI, 17) всѣ подобныя тревоги съ этого момента на все прочее время—τοῦ λοιποῦ, гдѣ отрицаніе захватываетъ все будущее въ главномъ (=τὸ λοιπόν) и во всѣхъ его частностяхъ. Соотвѣтственно этой субъективной неприкосновенности, данное положеніе неограниченно и объективно—въ количественномъ отношеніи, а простирается на μηδείς—на всякую взятую личность, поскольку ея требованія будутъ немотивированными, если они непрерывно осуществляются въ желательной степени. Всѣ заявленія этого рода оказываются празднымъ и вреднымъ утружденіемъ, лишеннымъ достаточнаго резона, почему и не дозволительны. Для Апостола Христова это удостовѣряетъ выполненіе имъ своего благовѣстническаго долга въ раскрытіи всего божественнаго его содержанія, которое затѣмъ уже не допускаетъ никакихъ запросовъ и допросовъ. У св. Павла имѣется на то неотразимая причина: ἐγὼ γὰρ τὰ στίγματα τοῦ Ἰησοῦ ἐν σώματί μου βαστάζω (VI, 17). На немъ пребываетъ неизгладимая печать божественнаго апостольства,—печать, приравниваемая къ στίγματα, каковыми въ древности назывались знаки, выжигавшіеся на тѣлѣ преступниковъ, рабовъ, солдатовъ, военноплѣнныхъ и іеродуловъ, посвящавшихъ себя на служеніе извѣстному божеству при храмѣ (ср. 3 Макк. II, 23. Апок. XIII, 16. 17). Ими отмѣчалась принадлежность взятаго лица кому-нибудь и въ Апостолѣ, конечно, Христу Искупителю. Неизмѣнное пребываніе ἐν σώματι этихъ ранъ при неотлучности ихъ отъ тѣла свидѣтельствуетъ, что онѣ всегда пребываютъ и никогда не заживаютъ, а это необходимо отсылаетъ къ постоянному ихъ нанесенію. Этимъ прежде всего исключается единичность разумѣемаго случая съ пріуроченіемъ его (Cornely, Val. Weber) къ листрійскому побіенію (Дѣян. XIV, 19. 20) или (Rendall, Zahn) къ филиппійскому наказанію (XVI, 22 сл. 37). Не менѣе того нельзя принять и допускавшійся въ средніе вѣка феноменъ „стигматизаціи“ (въ реальномъ переживаніи и внѣшнемъ обнаруженіи всѣхъ мукъ періода страстей Господнихъ,—особенно) въ точной копіи (пяти) язвъ Христовыхъ (на рукахъ, ногахъ и

VI, 17.

Digitized by Google

VI, 18. боку), будто бы появлявшихся у Франциска ассизскаго (1181—1182 г.—† 3—4 октября 1226 г.) и Катерины сіенской (25 марта 1347 г.—† 29 апрѣля 1380 г.) и др. Св. Павелъ говоритъ лишь о неизмѣнномъ своимъ сопребываніи съ Господомъ и разумѣетъ всѣ искупительныя скорби въ той области, въ какой пострадалъ и Владыка. Это, очевидно, все „страстное“ служеніе Господне и его продолженіе въ апостольскомъ строительствѣ дѣла Христова. Потому и упоминается одно человѣческое имя Іисуса, коимъ обнимается весь искупительный подвигъ Христовъ, воспроизводимый всецѣло ученикомъ Господнимъ съ преданностію самопожертвованія. „Стигмы“ будутъ совокупностію всѣхъ вольныхъ и невольныхъ миссіонерскихъ тревогъ, невзгодъ и мученій, перечисляемыхъ (во 2 Кор. XI, 23 сл.) у Апостола съ оттѣнкомъ похваленія этими немощами, восполнявшими лишеніе скорбей Христовыхъ (Кол. I, 24), ибо ими утверждались нормальность, успѣшность и благоплодность апостольскаго созиданія. Въ этомъ смыслѣ они были какъ бы повтореніемъ искупительныхъ страданій Іисусовыхъ для избавленія и обновленія человѣчества и представлялись нагляднымъ ручательствомъ христіански-просвѣтительнаго труда Павлова. А разъ это истинно,—евангельское слово благовѣстника нужно усвоять со всею радостію сердца, стремительностію воли и рѣшительностію ума — безъ малѣйшихъ сомнѣній и праздно обременяющихъ смущеній. Имъ нѣтъ и не должно быть мѣста тамъ, гдѣ все ясно, прочно и спасительно. Такимъ путемъ Апостолъ безусловно освобождается отъ тяжкой обязанности саморекомендаціи и личной апологетики. Требованія съ этой стороны будутъ уже показывать, что назойливые предъявители пока не его и не отъ него. Посему судьба ихъ спокойно вручается волѣ всеправящаго промысла Божія и не можетъ отвлекать отъ воздѣлыванія самой нивы Христовой. Въ этомъ упованіи св. Павелъ и кончаетъ (**VI, 18**) свою рѣчь ободряющимъ аккордомъ пожеланія благодати Господней всему христіанскому братству.

Отсюда вытекаетъ, что въ личномъ примѣненіи къ жизни Павловой посланіе къ Галатамъ было важнѣйшимъ моментомъ, обезпечивавшимъ безпрепятственность, широту и авто-

Digitized by Google

ритетность евангельскаго благовѣстничества. Но послѣднее получаетъ всю христіанскую цѣнность лишь по связи съ возвѣщаемымъ ученіемъ. Здѣсь — помимо всемірно-историческаго значенія служенія Павлова — открывается вѣчное и принципіальное достоинство разсмотрѣннаго писанія апостольскаго по его догматическому содержанію, которое направляется къ огражденію нашей христіанской самобытности въ нормальномъ созрѣваніи и процвѣтаніи. Это необходимо по самому существу, потому что христіанство не было бы жизненною силой, еслибы не обладало собственною мощію производить свою „новую тварь“ и регулировать ее самостоятельно безъ внѣшняго контроля. Тутъ право неразрывно отъ сохраненія строгаго соотвѣтствія съ его натуральными качествами. Понятно, что христіанская независимость не граничитъ съ произвольностію и не отрицаетъ законовъ своего историческаго предваренія. Въ этомъ смыслѣ маркіоновское возвеличеніе посланія къ Галатамъ на степень „первенствующаго“ (principalis) ложно усвояетъ ему рѣзко антиномистическій характеръ, и эта неправда ничуть не поправилась отъ научныхъ примѣненій тюбингенской конструктивности. Не менѣе безспорно, что для успѣшности христіанскаго прогресса требуются свои формы, и въ этомъ пунктѣ Лютеръ нѣсколько преувеличилъ дѣйствительную энергію, когда свободное развитіе христіанское предрѣшалъ оппозиціей крайностямъ средневѣковаго римскаго ритуализма. Св. Павелъ одинаково ограждаетъ обязанности и нормы для христіанскаго бытія, но все это заимствуется изъ нѣдръ самого христіанства и наклоняется къ обезпеченію автономности богосыновства нашего, почерпаемаго отъ Отца во Христѣ Іисусѣ и созидаемаго въ Духѣ Божіемъ. Въ этомъ отношеніи посланіе апостольское къ Галатамъ есть и навсегда останется благовѣстіемъ христіанской свободы, ея знаменіемъ и завѣтомъ до скончанія вѣка.

Литература о посланіи къ Галатамъ очень обширна и здѣсь указывается только въ главнѣйшихъ пособіяхъ, которыя достаточны для ближайшаго ознакомленія со всѣми вопросами и могутъ руководить на пути ко всестороннему научному освѣдомленію. Выдѣляемъ особо лишь патристи-

Digitized by Google

ческіе труды. Изъ нихъ намъ извѣстны греческіе: *Оригена* († 254 г., не дошелъ), *Ефрема Сирина* († 378 г., въ армянскомъ переводѣ, откуда полатыни Venetiis 1893), *Евсевія* эмесскаго († 360 г., сохранился незначительными отрывками въ «катенахъ»—по изданію Cramer'a Oxonii 1844), *св. Іоанна Златоуста* († 407 г., порусски Москва 1742 г., но б. помѣщенъ и въ изданіи его твореній С.-Петербургской Духовной Академіи), *Северіана* гавальскаго (около 400 г., тоже въ «катенахъ»), *Θеодора* мопсуэстійскаго († 429 г., полатыни, въ изданіи H. B. Swete Cambridge 1880), *Θеодорита* киррскаго († около 457 г., порусски въ изданіи Московской Духовной Академіи, т. VII-й, Москва 1861 г.); ср. *Кирилла* александрійскаго († 27 го іюня 444 г. у Migne LXXIV т., col. 952: къ Гал. iv, 3. 19); *Геннадія* константинопольскаго († 471 г., въ отрывкахъ, у Migne въ LXXV-мъ т.), патріарха *Фотія* († около 891 г., въ отрывкахъ), *Іоанна Дамаскина* († послѣ 754 г., у Migne въ XCV мъ т.), *Икуменія* (въ X-мъ в., у Migne въ CXVIII мъ т.), *Θеофилакта* архіеп. болгарскаго (въ исходѣ XI-го стол., порусски Казань 1881 г., *Евѳимія Зигавн(бе)на* (около 1116 г., изд. Никофоромъ Калогерасомъ въ Аѳинахъ въ 1887 г.); —латинскіе: *К. Марія* [Фабія] *Викторина* (учитель Августина, христіанинъ около 361 г., у Migne въ XIII-мъ т.), *„Амвросіаста“* (у Migne въ XVII-мъ т.) — автора (см. о немъ A. Souter, A Study of Ambrosiaster въ «Texts and Studies» ed. by J. Armitage Robinson vol. VI, 2), неправильно отожествляемаго съ Амвросіемъ медіоланскимъ и почитаемаго то за римскаго пресвитера Фаустина или римскаго же діакона Иларія (оба около половины IV го в.), то даже (*Heinrich Zimmer*, по указанію одной рукописи Пелагіева комментарія къ Павловымъ посланіямъ) за Иларія, епископа пиктавійскаго (Poitiers, † 367 г.), то за современника папы Дамаса (366—384 гг.) выкреста изъ евреевъ и потомъ ренегата Исаака, *Іеронима* († 420 г., коментарій приблизительно оть 387 г., порусски въ изданіи „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“), *Августина* († 430 г., комментарій около 394 г., у Migne въ XXXV мъ т., а отчетъ о его перепискѣ съ Іеронимомъ по поводу Гал. ii, 11 сл. у о. *А. А. Серафимова* потомъ † еп. *Сергія* во II-й части сборника его сочиненій, Астрахань 1901, изъ „Чтеній въ Общ. люб. дух. просвѣщенія“

Digitized by Google

1875 г., II, 185—225, но ср. † Prof. *Franz Overbeck*, Ueber die Auffassung des Streits des Paulus und des Petrus in Antiochien [Gal. 2, 11 ff.] bei den Kirchenvätern. Programm. Basel 1877), *Пелагія* (писалъ не позднѣе 410 г.) или неизвѣстнаго пелагіанина (у Migne въ XXX-мъ т. и см. Heinrich Zimmer: Pelagius in Irland. Texte und Untersuchungen zur patristischen Litteratur. Berlin 1901; ср. еще Dr. Franz Klasen, Pelagianistische Commentare zu 13 Briefe des h. Paulus въ «Theologische Quartalschrift» LXVII [1885], 2, S. 244 ff.; 3, S. 531 ff.), *Кассіодора* († послѣ 562 г., у Migne въ LXX-мъ т.), *Примазія* (около 550 г., у Migne въ LXVIII-мъ т.). Разными диссертаціями, подробно обсуждающими отдѣльные пункты касательно посланія къ Галатамъ, наиболѣе богатъ классическій трудъ покойнаго († 21-го декабря 1889 г.) еп. *J. B. Lightfoot*'а (10-е изд. London 1890), а строго филологическое изъясненіе дается у еп. *C. J. Ellicott*' а (5-е изд. London 1889). Экзегетическое обобщеніе всѣхъ матеріаловъ представляютъ комментаріи *O. Zöckler*'а (въ «Kurzgefasster Kommentar» III, 2-е изд. München 1894), *Fr. Sieffert*'а (въ серіи Meyer'а VII-я ч., 6-е изд. Göttingen 1899), † *R. A. Lipsius*'а (въ «Hand-Commentar zum N. T.» II, 2, 2-е изд. Freiburg i. B. 1892), *Rud. Cornely* (въ «Cursus Sripturae Sacrae», Parisiis 1896), *Ernest De Witt Burton*'а (б. помѣщена въ «International Critical Commentary»); здѣсь и подробные библіографическіе указатели. Сжатое обозрѣніе всѣхъ вопросовъ предлагается въ соотвѣтствующихъ статьяхъ библейскихъ «Словарей» и «Энциклопедій» — Smith'а (*G. Salmon*'а), Cheyne и Black'а (*W. J. Woodhouse* и *P. W. Schmiedel*'я), Hastings'а (*W. M. Ramsay* и *Marcus Dods*'а), Wetzer und Welte по новому изданію подъ редакціею Prof. Franz Kaulen'а (т. т. V, VII и IX: *Fr. Kaulen*, *Neher* и *J. Felten*'а), Vigouroux (*E. Beurlier* и *E. Jacquier*); равно *Joh. Weiss* въ Realencyklopädie von Hauck (X³, Lpzg 1901, S. 554—561). На русскомъ языкѣ — кромѣ трактатовъ въ учебныхъ пособіяхъ (*А. Иванова*, о. *М. Хераскова*, проф. *А. А. Олесницкаго:* Руководственныя свѣдѣнія о Свящ. Писаніи В. и Н. З., Спб. 1894)—имѣются цѣлостныя толкованія о. *Андрея Прокоповича* (Мысли при чтеніи посланій св. Ап. Павла, ч. II-я, Спб. 1820), *Агаѳангела* Соловьева, † архіеп.

Digitized by Google

волынскаго (Спб. 1854), *Филарета* Гумилевскаго, † архіеп. черниговскаго (Черниговъ 1862), † еп. *Ѳеофана* Говорова (Москва 1880), о. *Іакова Я. Галахова* (Казань 1897), еп. *Никанора* Каменскаго (Спб. 1899, и въ сборникѣ: Общедоступное объясненіе первыхъ семи посланій святаго Апостола Павла, Спб. 1901) *).

Проф. **Н. Н. Глубоковскій.**

Спб. 1902, IV, 25— четвергъ.

---

*) На стр. 51,1 нужно читать такъ: «Цѣликомъ въ 10-ти унціанахъ (изъ 22-хъ для Павловыхъ посланій) ℵ B (IV-гов.) C (со 2-го стиха I-й гл.) A (V-го в.) D (греко-лат. VI-го в.) E (греко-лат.) FGKL (IX-го в.), въ отрывкахъ H (VI-го в.; Гал. I, 1—10. II, 9—17. IV, 30—V, 5) F^a (VII-го в.; Гал. IV, 21 — 22) N (IX-го в.; Гал. V, 12 — VI, 18), до 485-ти курсивныхъ» и пр.

Digitized by Google

Содержаніе.

I. Галатія, основаніе галатійскихъ церквей и обстоятельства происхожденія посланія къ Галатамъ.

стр.

§ 1). Исторія Галатіи и ея положеніе въ апостольскую эпоху. 5

§ 2). Галатія этнографическая (сѣверная), а не вся римская провинція (преимущественно въ южной части), какъ область ближайшаго предназначенія посланія къ Галатамъ. 11

§ 3). Основаніе и исторія галатійскихъ церквей до изданія посланія къ Галатамъ. 31

§ 4). Время изданія посланія къ Галатамъ. 39

§ 5). Подлинность посланія къ Галатамъ. 45

§ 6). Неповрежденность посланія къ Галатамъ. 50

§ 7). Историческія обстоятельства, поводы, цѣль написанія и общій характеръ посланія къ Галатамъ. 52

II. Анализъ содержанія посланія къ Галатамъ.

§ 1). Апостольско-благовѣстническое достоинство св. Павла. 56

§ 2). «Евангеліе Павлово». 88

§ 3). Нравственное ученіе св. Апостола Павла объ истинно христіанской жизни. 115

III. Историческое значеніе посланія къ Галатамъ. 136

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ «ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА»

(Спб., Невскій просп. д., 182)

и въ книжныхъ магазинахъ можно получать слѣдующія сочиненія

проф. Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО:

1) Блаж. Θеодоритъ, епископъ киррскій, въ 2-хъ томахъ; I: его жизнь и II: литературная дѣятельность (съ обозрѣніемъ времени и событій 3-го, 4-го и 5-го вселенскихъ соборовъ, съ разсмотрѣніемъ раскольническаго „Θеодоритова слова" и пр.). *Магистерская* диссертація, удостоенная Св. Синодомъ и *полной* Макаріевской преміи. Цѣна I т. 3 р., перес. 40 коп., II т. 4 р., пер. 45., за оба 7 р. 70 коп.
2) Разводъ по прелюбодѣянію и его послѣдствія по ученію Христа Спасителя. Ц. 1 р., пер. 15 коп.
3) Обращеніе Савла и „Евангеліе" св. Ап. Павла. Библейско-богословское изслѣдованіе. Ц. 1 р. 50 коп., пер. 20 к.
4) Евангеліе и Евангелія. (Общее обозрѣніе). Статья переведена и на англійскій языкъ въ журналѣ „The Expository Times" XIII, 3 (за декабрь 1901 г.) Ц. 30 коп.
5) Греческій Евангелистарій (съ обозрѣніемъ евангельскихъ богослужебныхъ чтеній, православнаго мѣсяцеслова и евангельскаго текста). Ц. 2 р. 50 к., пер. 40 к.
6) Греческій языкъ Библіи, — особенно въ Новомъ Завѣтѣ,—по современному состоянію науки. Оттискъ. Ц. 50 коп. съ пер.
7) Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Ап. Павла къ Галатамъ. Сжатое и общедоступное обозрѣніе. Ц. 2 р., перес. 35 коп.

При выпискѣ отъ автора (Спб., Невскій просп., д. 180) №-ра 1-го съ №-ромъ 5-мъ — 8 р. 50 к., съ № 7-мъ—8 р. 10 к.; за всѣ 7 №№-ровъ разомъ 11 р. съ пер. (вмѣсто 16 р. 60 к.); за №№-ра 2-и 3—2 р. (вм. 2 р. 85 коп.), за №№-ра 5 и 7 — 3 р. 90 к. (вм. 5 р. 25 к).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google